МАЯК
RADIOMAYAK.RU

ДИМА ЗИЦЕР

На педагогической волне

УЧЕБА

УЧИТЬСЯ ВСЕГДА ПРИГОДИТСЯ?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — часть общего проекта «На педагогической волне» известного педагога Димы Зицера, издательства «Питер» и радиостанции «Маяк». Несколько лет в своей радиопрограмме «Любить нельзя воспитывать» Дима Зицер отвечает на вопросы самых разных слушателей о школе, образовании, отношениях между детьми и взрослыми. Из этих бесед и родилась эта книга. В этом выпуске: как наладить отношения с близкими? как сделать так, чтобы учеба не превратилась в каторгу для детей и родителей? как помочь человеку в сложных школьных ситуациях? что делать, если человек подвергается травле? как вести себя, если ребенку не хочется идти в школу и если у него не получается сосредоточиться на домашнем задании?

- Дима Зицер
  -
  - Предисловие
  - Благодарности
  - Пятьсот тысяч, или пятерка по математике
  - Он постоянно сидит на этих сайтах…
  - Зачем ходить в школу?
  - Такие взрослые дети
  - Когда под ногами земля горит
  - Такие разные близнецы
  - Мой страх — моя школа
  - Давление в школе
  - Ты не сдашь ЕГЭ!
  - Плохое поведение или плохой учитель?
  - Трудно быть учителем
  - Школу вместе выбирать или нет?
  - Год подождать или сейчас отдать?
  - Онлайн-школа
  - Она может совершить ужасную ошибку!
  - Английский — это святое!
  - «Он получает свое и нас шантажирует»
  - Восемь-десять часов в день на уроки
  - Медленная Настя
  - А зачем делать уроки?
  - Когда важны оценки, а не отношения
  - Оценки и самооценка
  - Что будет, если поставят двойку?
  - Контроль в сфере учебы

    - Родительские крайности, или понятное отношение к школе
    - Родительские собрания
    - Не то гуманитарий, не то технарь
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Дима Зицер
Учеба. Учиться всегда пригодится?

© ООО Издательство «Питер», 2021
© Серия «Родителям о детях», 2021
© Зицер Дима, 2020
© М. Бодиновский, иллюстрации, 2020

* * *

Предисловие

Сразу скажу вам правду: я совсем не думал выпускать эту книгу. Я рассуждал примерно так: за последние годы, которые я вел свою педагогическую программу на радио, все уже много раз сказано-пересказано, отвечено-переотвечено — зачем же переносить на бумагу то, что уже было озвучено? Но все чаще слышал я сетования: так на многом хочется остановиться и подумать, поспорить, посомневаться. Перечитать и проверить мысленно еще разок. Да и, как оказалось, формат аудио годится вовсе не для всех. Иными словами, подтвердилась народная мудрость, что «кто-то любит ушами, а кто-то глазами»… В общем, меня убедили.

Результат перед вами. В этих книгах вы найдете собрание программ и подкастов, звучащих на радио «Маяк». Для простоты и удобства они объединены по темам. Таким образом появились сразу несколько тематических мини-томов.

Должен сказать, формат действительно оказался совсем другим, ведь изложенный на бумаге материал предполагает совсем иной тип осмысления и внутреннего диалога. В написанном варианте сразу становится понятно, что в отношениях с близкими главное — это оттенки, что практически нет однотипных вопросов и проблем, что воистину Господь — в мелочах.

И еще одно: совершенно точно у этой книги намного больше одного автора. Она никогда бы не появилась, если бы не вы, дорогие мои читатели, слушатели, зрители. Думаю, не будет преувеличением сказать, что вы и есть мои СОАВТОРЫ.

Вам я и посвящаю это издание.

Любви вам!

Благодарности

У меня зазвонил телефон… Скажете, вы где-то уже это слышали? Но три года назад случилось именно так. Незнакомая мне на тот момент программный директор радиостанции «Маяк» Наталия Шевченко, не дав опомниться, сходу огорошила: «Мы придумали новую программу. И эта программа… ваша». На мой вопрос, что мне придется делать, она ответила не задумываясь: «То же, что всегда — объяснять, помогать, искать решения, предлагать вопросы и находить ответы». И еще добавила: «Давайте попробуем сделать жизнь хоть чуточку лучше — и для детей, и для взрослых».

Вот так и получилось, что три года назад на «Маяке» родился первый проект в FM-диапазоне, посвященный практической педагогике, — «Любить нельзя воспитывать». И уже три года мы стараемся сделать жизнь хоть чуточку лучше.

Дорогой «Маяк», спасибо, что мы делаем это вместе!

Дима Зицер

Пятьсот тысяч, или пятерка по математике

Добрый вечер! У нас на связи Лена из Москвы. Здравствуйте, Лена!

Здравствуйте! У нас такая ситуация: моему племяннику пятнадцать лет, он единственный ребенок в семье, всегдаучился чудесно, были безусловные способности к математике. Три года назад взял деньги у бабушки, обернул их на фондовой бирже и заработал, и с тех пор его месячный заработок чистыми деньгами составляет порядка пятисот тысяч в месяц.

Сколько?

Пятьсот тысяч в месяц.

Неплохо!

Мама с папой получают примерно по двести тысяч каждый. Для родителей это шоковая ситуация, потому что он зарабатывает не меньше, чем они, а иногда и больше (пятьсот тысяч — это максимальная сумма). И, естественно, он вообще перестал учиться. В итоге племянника перевели на домашнее обучение, но нет никакой возможности заставить его учиться, потому что он говорит: «Зачем мне, если я заработаю…»

Я бы тоже не нашел мотивацию, я уже всему научился.

Вопрос: надо заставлять учиться или не надо? Если заставлять, то как?

Лена, вопрос — чего мы хотим? Давайте будем исходить из цели.

Родители вообще не понимают, что с ним делать.

Ну а что с ним делать? Я поясню. Если речь идет о том, что мальчик гений, а мы слышим время от времени новости о таких гениях из разных стран, то вполне возможно, что им заинтересуется кто-то из профессионалов. Мне кажется, если он цельная личность и зарабатывание денег интересует его как профессия, а не только как приумножение достатка, то родителям нужно успокоиться. Если он занимается этим профессионально и серьезно (ну, за его математику, само собой, можно не волноваться), то надо думать, что будет дальше. Надо разговаривать с ним как со сложившимся взрослым человеком,

которым он и является, и спрашивать, чего он ждет от будущего. Есть опасность — небольшая, но есть (ведь ему пятнадцать лет), что он настолько упивается появившейся властью, что не очень думает о будущем. Значит, следует помочь ему, будучи на его стороне, обдумать это. Если он скажет, что хочет быть финансистом, брокером, надо поддержать его. Если он скажет, что в будущем видит себя кем-то другим, то нужно вместе с ним понять, как и когда двигаться к осуществлению его желаний.

Он по математике, даже не учась, безусловно, получит пятерку, но по всем остальным предметам у него уже с трудом выходит тройка.

Попробуйте поговорить с ним. Только так вы получите ответы на свои вопросы. Заставить, безусловно, нельзя, особенно в такой ситуации. Но мне кажется, это здорово, если человек немного знает литературу и историю. Однако может выясниться, что он разносторонне развит, потому что явно имеет дело с большим количеством источников, и вы поразитесь, узнав, что он почитывает Достоевского при неровном свете свечи.

Понятно, что родители ощущают на себе двойное давление: на них давят школа и общественное мнение. Они боятся за него, боятся, что он куда-то опоздает. По нашему закону об образовании он может сдать ЕГЭ почти в любой момент, когда будет готов, то есть в шестнадцать лет, в семнадцать, в двадцать, в двадцать пять. На эту тему волноваться не стоит. Если ваш племянник человек умный, а он явно не дурак, он сдаст экзамены, когда решит, что это ему необходимо.

«Надо окончить школу», — твердят все вокруг! Ну, захочет — окончит. Такие примеры есть. Главное в этой ситуации, что можно пожелать родителям, — не потерять его, не испортить с ним отношения. Опасность есть, я врать не буду. Главное, чтобы он поверил, что родители ему нужны, что они на его стороне, что они с ним, что они рады. А ведь тут есть чему радоваться.

Все поняла, спасибо!

А у нас на линии Нина из Иваново. Здравствуйте, Нина!

Моему сыну шестнадцать лет, учится в десятом классе. Ребенок замечательный, занимается тем, что ему нравится: увлекается математикой, участвует в олимпиадах, ездит в

«Сириус», ходил когда-то в музыкалку. И вроде бы со стороны все выглядит хорошо, но вот вызывают меня очередной раз в школу, и у нас по той же любимой математике высвечивается два в конце четверти, потому что ребенок отказывается делать домашки. Ни одной домашки за полгода. Естественно, учителя мне говорят: «„Надавит“ на него». Я говорю: «Единственное, что мне осталось, — не кормить его». А не кормить я не могу. Да и в общем-то в десятом классе проверять домашку мне не очень хочется. И нет возможности. И я считаю, это глупо.

Браво, Нина! Даже как-то неинтеллигентно.

Да. Уже взрослый такой дяденька, а я буду в его тетрадку заглядывать.

Согласен с вами.

Но дело в том, что я прекрасно понимаю учителей, потому что он учится в специализированной школе, и уже лучше школы я придумать не могу. При этом я и его понимаю. Ему, видишь ли, скучно тут: «Ты что, я уже понял все это в классе». Но ведь это тренировка: рука запоминает какие-то элементарные формулы, чтобы потом решать что-то большое и серьезное.

Про руки вы перепутали с начальной школой. Руки у него все уже давно запомнили.

Я сама училась в той же системе. Я понимаю, что ребенок не учится, нам светит двойка и все последующие неприятности. Он, правда, сделал за два дня все домашки, но тем не менее надо как-то его научить.

То есть вообще-то он все понимает, в классе получает пятерки за контрольные, но не делает домашние задания. В этом история?

Не могу сказать, что у него только пятерки, но тем не менее если он сосредоточится, то… например, ГИА в том году он сдал на пять. В десятый класс он прошел вне конкурса, потому что у него были успешные региональные олимпиады по математике.

Давайте — нас же никто не слышит, мы разговариваем вдвоем — я задам вам немного личный вопрос: а учительница математики у него как, приличная? Между нами, на самом досужем уровне?

На самом деле педагог хороший. Да и я понимаю их требования, даже, честно говоря, согласна с учителями, что надо делать домашку. Я сама училась в этой школе.

А я не согласен с учителями. Потому что если цель учителя в

специализированной школе — чтобы человек понял материал, чувствовал себя в нем как рыба в воде, то цель учителя достигнута. А то, что ученик успешно справляется с полученными знаниями другими способами, это чудесно! И учитель может похлопать себя по погонам и сказать, какой он большой молодец.

У меня к вам вопрос осторожный. Почему я вас спросил про учительницу математики? Может, пойти с ней об этом поболтать? Способ, который я предлагаю, дикий, наверное, для системы, о которой вы сейчас говорите. Но, может, у него не проверять домашние задания, если у него все хорошо?

Но я не могу им это предложить…

Почему не можете?

Потому что считаю, что на простом уровне необходимо отрабатывать какие-то математические правила. В математике, грубо говоря, не зная таблицу умножения, ты уже не сможешь решать что-то большое, это очевидно.

Подождите, таблицу умножения он очевидно знает.

Ну да.

Если вы спрашиваете меня, как его заставить, метод простой — нужно приковать его наручниками к батарее, кормить толченым стеклом или не кормить вообще, и от безысходности он начнет решать. Вы же понимаете, что это невозможно. Если вы спрашиваете, как из этой ситуации выйти, то мой ответ таков: поговорите с учительницей. Цель-то какая у вас? Если вы хотите заставить его делать домашнее задание, то я поднимаю брови и удивляюсь: мне эта цель представляется странной. Если же хотите, чтобы он знал материал и хорошо, спокойно учился, за это, наверное, надо биться, бороться, помогать ему и т. д. Да, убедить человека в шестнадцать лет выполнять домашнее задание, если он знает материал, хорошо в нем ориентируется и видит свое будущее в качестве математика, невозможно. Невозможно убедить его заниматься чем-то бессмысленным для него. Хорошая учительница поймет это и поможет.

Спасибо, Дима. Я попробую.

Друзья, вдогонку к моему разговору с Ниной я хочу сказать вот что: я не противник и не защитник домашнего задания, дело

не в этом. Но мне представляется верной образовательная идея, когда мы сами понимаем, какие цели перед собой ставим. В шестнадцать лет ставить перед ребенком цель во что бы то ни стало выполнить домашнее задание довольно странно. Особенно если, как в рассказе Нины, речь идет о молодом человеке, который хорошо в этом понимает, и математические олимпиады выигрывает, и контрольные пишет прекрасно, и в «Сириус» ездит.

В связи с этим разговором мне пишут в чате: «А если мальчик переоценивает свои возможности?» Ну, во-первых, по рассказу Нины, он не переоценивает, а во-вторых, допустим, переоценивает… Ну и что? Ему шестнадцать лет, можно ему помочь. Поговорите с ним, помогите ему посмотреть на ситуацию более-менее объективно. Но какова тут объективность? В шестнадцать лет он уже очень хорошо умеет формулировать собственные желания и имеет свое мнение. И получается, что надо поговорить с учителем. Знаете, в этом смысле я на стороне учителей — у всех нас бывает, что мы закрутились и не посмотрели на что-то с новой стороны. Обстоятельства уже изменились, а мы так и поем одну и ту же песню. И иногда неожиданный разговор с вопросами — «Слушайте, а чего мы хотим? А зачем? А что можно изменить?» — может помочь учителю посмотреть на ситуацию действительно по-новому.

Он постоянно сидит на этих сайтах…

С нами хочет поговорить Юлия из Вологды. Здравствуйте, Юля!

Дима, добрый вечер! У меня следующий вопрос: каким образом мне выстраивать отношения с сыном? Мы с его рождения живем вдвоем, сейчас ему четырнадцать лет, он учится в седьмом классе. На данном этапе у него резко упала успеваемость. Раньше он учился хорошо, успевал заниматься и английским, и плаванием, и волейболом, и настольным теннисом, и футболом, и в вокальной студии, а за последние полгода у него пошли двойки и тройки. Такие оценки почти по всем предметам, кроме, естественно, физкультуры. Я связываю эту ситуацию с тем, что активизировался его отец и хочет оказать какое-то мужское влияние на сына. Полгода назад отец нанял индивидуальных тренеров для занятий. Сын определился, что ему нравится настольный теннис, и начал ездить на тренировки, соревнования, стал пропускать школу. Я не препятствовала. Убрали все — плавание, волейбол — ради бога, занимайся! Нор него съехала успеваемость. Я помогала, исправляла, договаривалась с учителями. Сейчас началась критическая четвертая четверть. Я вижу проблему не в том, что он не успевает, а в том, что он уже не хочет. У него иллюзии по поводу того, что он будет чемпионом, предметы ему не нужны, образование не нужно. Все учителя в шоке.

Учителя могли бы и привыкнуть, что в четырнадцать лет с людьми происходят такие изменения. Чего же они в шоке-то?

Из-за резких перемен. Вместо того чтобы ходить науроки, он сидит в интернете, постоянно зависает на сайтах теннис-рейтингов. Папа организовывает поездки, компенсируя таким образом свое отсутствие. Я испытываю и боль, и гнев одновременно. Сын стал хамить. На соревнования он ездит со взрослыми людьми, не с детьми. Это такой любительский спорт, который проходит неизвестно в каких конторах. Людиразных возрастов, любители, у которых есть все — профессия…

Юля, я думаю, что понял. Скажите мне, пожалуйста, что говорит сам сын? Бывает так, что вы с ним разговариваете без скандала, просто пьете чай и беседуете? Если да, что он говорит в такой ситуации?

Конечно, раньше мы беседовали постоянно. Сейчас он говорит:

«Я хочу заниматься, хочу улучшать свои навыки, хочу совершенствоваться, хочу попасть сначала в эту лигу, потом в эту, потом вот в эту».

А что он говорит про школу, как комментирует?

Быстрей бы все сделать, чтобы попасть на тренировку.

Отлично.

Главное не съехать, удержаться на четыре и три, но у него все съехало, потому что он устает и много пропускает…

Да, я все понимаю. Во-первых, у меня один такой смешок в сторону: когда вы сказали, что просмотрели сайты, на которых он бывает, я внутренне замер, потому как был уверен, что скажете про порносайты, как это случается с мальчиками четырнадцати лет. Но когда вы сказали, что он сидит на сайтах, посвященных теннису, я радостно улыбнулся и развел руками. Ну, слушайте, если человек настолько увлечен, то это здорово. Во-вторых, давайте разберемся вот в чем: мы чего хотим-то с вами? Чего мы хотим для него?

Выровнять успеваемость на твердые тройки-четверки.

Или чтобы он был счастлив, Юля? Я знаю, что мой вопрос на грани хамства, но тем не менее.

Ну, естественно, второе.

«Естественно второе». Не сомневался в вашем ответе. Мне кажется, ваш мальчик говорит следующее: «Слушай, у меня появился новый тотальный интерес». В четырнадцать лет мы пересматриваем все, что у нас было до этого. В четырнадцать лет мы вообще очень категоричны. Вспомните себя. В четырнадцать лет, если я люблю, то люблю, если ненавижу, то ненавижу, даже если я завтра буду любить. Если вдруг я чем-то заинтересовался — оставьте меня в покое, купите мне то, что я хочу, или я сам накоплю денег и куплю и буду заниматься только этим. Это ровно то, что демонстрирует ваш сын, и с этой точки зрения он нормален. Он находится в очень сложном возрасте. Поверьте мне, дело не в вашем муже. Ваш сын в любом случае заинтересовался бы теннисом или чем-нибудь другим через других людей. «Хочу заниматься теннисом» — это здорово. Это первое.

Второе: вы говорите, что у вас с ним были чудесные отношения. Давайте попробуем их сохранить. Они у вас были, вероятно, потому что он чувствовал в вас ту самую поддержку и опору. Ваш сын чувствовал, что со всем может к вам прийти. И тут он попал в хорошую, но непростую для себя ситуацию: в

четырнадцать лет он открыл для себя, что в жизни, если ты интересуешься чем-то, что для тебя очень важно, могут возникнуть некоторые факторы, которые придется брать в расчет, даже если тебе не хочется.

> Я вовсе не выступаю против того, чтобы человек в четырнадцать лет знал, чем хочет заниматься, или вообще любил чем-то заниматься, мечтал о чем-то. Но при этом четырнадцать, равно как пятнадцать или тринадцать лет — это действительно прекрасный возраст, когда я могу пробовать, могу ошибаться, могу двигаться наощупь, изучать мир вокруг, смотреть и думать — хотел бы я работать так же, как мама и папа, или нет? Может быть, хотел бы чего-то другого? А вот мои дядя и тетя, кажется, занимаются чем-то интересным. А вот в интернете я узнал о какой-то новой профессии, о которой еще недавно совсем ничего не слышал. Как было бы здорово попробовать себя в ней! По моему мнению, друзья, если мы будем давать нашим детям возможность самовыражения, этого самого поиска, вот тогда-то мы и выполним часть тех родительских функций, о которых так много говорим.

Я очень боялся еще одного вашего ответа. Я боялся, что когда спрошу, что он говорит, вы скажете: «Я не хочу ходить в школу, не пойду в нее, лягу на диван и буду ездить только на теннис». Он в этот момент говорит: «Я хочу сделать это быстрее, как можно проще и получить те же самые четверки и тройки». Вопрос в том, как вы можете помочь ему это осуществить, ведь у него к вам есть конкретный запрос. Давайте подумаем вместе, как можно помочь вашему сыну исполнить свою мечту. Эта мечта — «хочу заниматься теннисом серьезно, но при этом хочу, чтобы школа мне не мешала». Юля?

Я ведь объективно понимаю, что эта мечта несбыточна.
Да почему?

Потому что меня беспокоит круг его общения. Он научился там ругаться, он не общается со сверстниками, поскольку в основном там присутствуют люди зрелого возраста.

Это другой вопрос. Юля, мне кажется, вы волнуетесь сразу на все темы на свете. Я вас понимаю, потому что вы — мама, это такое мамское дело — волноваться. Все в порядке. Просто если мы будем волноваться на все темы сразу, то не сможем разгрести эту кучу, да? Если он дома употребляет какие-то выражения,

которые вам не нравятся, вы можете с ним об этом поговорить, он вас услышит и перестанет грубить в случае, если вы будете на его стороне. Как оказаться на его стороне? Самый простой способ — сделать так, чтобы вам стал важен этот самый теннис. Почему? Потому что он важен самому дорогому для вас человеку. Выхода нет, надо встать на его сторону. Можно поговорить со школой и пересдать заваленные предметы, можно обратиться к бывшему мужу и сказать ему: «Давай скидываться и брать репетиторов, которые помогут ему учиться. Так он решит проблемы с учебой и при этом сможет исполнить свою мечту». И он будет получать свои четверки и тройки.

На самом деле вам повезло. Вы, наверное, не первую нашу передачу слушаете, правда же?

Да, конечно.

Тогда вы слышали, сколько разного говорят родители про детей в этом возрасте: «Он перестал обращать на меня внимание, он меня бросил, у него нет никакого интереса, он ложится на диван и ничего не делает». В вашем случае ничего этого нет. Я поздравляю вас. У вас человек в четырнадцать лет знает, чего хочет. У него есть мечта, он хочет ее реализовать, он приходит домой и делится с мамой. Это значит, что нам с вами нужно решить намного меньше проблем. И решить их можно только вместе с ним. Нужно собраться с силами, подобрать удачное время, когда вы будете готовы душевно поговорить. Сейчас я слышу, что у вас и на мужа бывшего есть обида, и вы действительно не знаете, что делать, чтобы сын не попал в беду. Я понимаю ваше волнение. Но нужно подышать глубоко, попить водички или выпить бокал вина, сесть и поговорить. Сказать сыну: «Я волнуюсь ужасно, меня разрывает на части, я на радио звонила, правду сказать. Я, безусловно, на твоей стороне. Я счастлива, что ты нашел свой интерес в жизни». Не врите только, говорите искренне. Если вы все это обдумаете, то по-настоящему будете счастливы. «Давай поймем, что мы могли бы сделать, чтобы ты мог воплощать свою мечту». Он явно у вас не дурак и хорошо понимает, что хотя бы тройки в школе нужны, а лучше четверки. «Нужен человек, который будет тебе помогать? Давай придумаем, где взять этого человека, давай поговорим с папой?» Поверьте мне, не может такого быть (если это не редчайший случай), чтобы четырнадцатилетний парень оттолкнул маму, которая искренне разговаривает с ним, волнуясь и переходя на его сторону. Нет таких детей, в природе не бывает! Понимаете? И в тот момент, когда вы окажетесь вместе, мы будем решать, что делать дальше. Я слышу, что есть о чем волноваться. Я не говорю,

что это чепуха (это вовсе не чепуха) — и общество взрослых людей, и какие-то фанаты, которые будут у него появляться, но это, конечно, меньшая проблема, чем первая. Юля, проверьте, пожалуйста, насколько нам удалось нащупать какой-то путь.

На самом деле у него не полная катастрофа в учебе. Я просто уже заранее бью тревогу. Это только третья и четвертая четверти, до этого были одни пятерки.

Юлечка, если бы у него не было тенниса, у него было бы что-то другое. Четырнадцать лет — возраст перемен. Например, он влюбился бы в девочку, и притом, представьте себе, в девочку, которая не понравилась бы вам как маме, и он бы съехал на двойки и гулял бы с ней в парке, и что? Это нормально, что в этом возрасте они переосмысливают ценности и у них провисают оценки. Мы должны им помогать, а не мешать. Не в смысле «наплюй на все — получай свои пары» — я не это имею в виду. Надо помочь им заново отстроиться, взять в расчет все факторы. Это очень сложно. Вот не знаю, насколько вы помните себя в четырнадцать лет, но если вспомните, на память придут какие-то похожие события: может, это будет не про теннис, а про мальчика, музыку или фигурное катание и т. д. Это всегда так, всегда.

Нет, я всегда спорила с учителями, выражала им протест.

Ну и получали по голове за споры с учителями. Видите? Это обязательно. Если в тринадцать-шестнадцать лет не происходит этой перемены, скорее тогда нам нужно волноваться, потому что где-то что-то не так, значит, они боятся нам рассказать. Вот представьте себе: ты вдруг понимаешь, что все можешь делать сам — все не как в семь лет, — что твоя жизнь зависит от того, как ты ее закрутишь.

Я понимаю, что сейчас мое противостояние этим тренировкам даже в благих целях усилит сопротивление.

Ситуацию оно усугубит безусловно, я это гарантирую. Попробуйте понять его интерес, попробуйте съездить на соревнования, посмотреть, как он выступает, получите большое удовольствие, я уверен.

Зачем ходить в школу?

К нам дозвонилась Людмила из Тулы. Здравствуйте!

Дима, здравствуйте! У меня такая ситуация: сыну четырнадцать лет, и у нас большая проблема с обучением в школе. Проблема эта длится практически с первого класса. За это время так много всего накопилось, мы с мужем настолько запутались, что не знаем, как себя вести, наверное, уже второй год.

Расскажите, что не так.

Сын у меня очень неординарного склада ума, скажем так. Воспитатели в детском саду и учителя всегда отмечали, что у него прекрасная память и внимание. Он может так сформулировать мысль, как никто другой, даже не работая на уроке, способен в любой момент ответить. Ответить правильно и, возможно, даже поставить в тупик самого учителя тем, как он формулирует мысль. При этому него очень четкая позиция по всем вопросам. Свое мнение он высказывает напрямую, да с таким апломбом, с вызовом: «Мне школьное образование не нужно, поэтому я не собираюсь учиться». Проблема началась в седьмом классе, но сейчас, в восьмом, она встала очень остро: он почему-то думает, что школьное образование и образование в целом не главное в жизни.

Что без образования человек вполне может быть успешен.

А вывод-то какой он делает из этого? Я боюсь, что научу вас плохому, потому что мне тоже кажется, что образование не самое главное в жизни. Но это важная вещь тем не менее.

Я с ним согласна. В разговорах с ним я вообще не спорю. Я ему объясняю: да, это верно, этим никого не удивишь, но образование имеет большую ценность как инструмент, с помощью которого ты сможешь добиться успеха в жизни.

Я, кстати, с вами в этом согласен. А скажите мне, пожалуйста, что он говорит? «Не буду учиться?» Или что? «Не буду в школу ходить?» Что не так?

У него, во-первых, большая лень.

Людмила, скажите мне конкретно, что происходит, что вас тревожит, прям точечно-точечно. У него двойки, или он прогуливает, или что?

Он не прогуливает. У него двойки. У него сейчас по факту

выходит восемь двоек за четверть.

Немало.

Да, немало. Он (и это во-вторых) принципиально не выполняет домашнее задание, принципиально не работает на уроке — не пишет конспекты, не ведет тетради. Говорит, что, например, черчение ему в жизни не понадобится, поэтому он вообще не собирается им заниматься. Но даже по тем предметам, которые ему понадобятся, то есть по алгебре, геометрии (по этим предметам его очень хвалят), он тоже не делает домашнее задание.

Я понял. На самом-то деле надо с ним садиться и вместе решать, помогая ему из этой ситуации выйти. Тем более что вы согласны с ним. Вариантов много.

В этих вариантах мы запутались. Мы были у детского психолога.

А психолог вам совершенно не поможет.

Мы думали, что он поможет нам договориться, наладить взаимоотношения друг с другом, чтобы мы могли работать вместе.

Для того чтобы договориться, надо разговаривать с вашим сыном. Мне кажется, в этом случае (к психологу всегда хорошо сходить) это ваш семейный вопрос, конфликтом тут и не пахнет. Нужно садиться и раскладывать все возможные варианты. Мы можем их с вами прикинуть.

Есть первый вариант, который, очевидно, ему не подходит, но я его озвучу — заставлять себя говорить: «Я хочу быть аттестованным, я хочу получить диплом как угодно. Я буду, скрепя зубами, выполнять то, что необходимо». Не подходит? Хорошо.

Есть вариант второй: переход на домашнее обучение. Что оно нам дает? Дает возможность выбрать предметы, потому что если мы говорим о необходимости получить диплом, то совершенно не по всем предметам нужно сдавать экзамены. Поэтому проблему с частью предметов можно легко решить. И тогда, возможно, ему будет достаточно трех раз в неделю, а дальше он будет строить свою жизнь в тех областях, которые его интересуют.

Есть третий вариант, очень «страшный» для родителей, — это если вы вместе садитесь и говорите: «А мы вообще не уверены, что он должен быть аттестован. Подумаешь, он не будет аттестован!» По закону об образовании в школу он ходить должен, но есть разные формы обучения, как вы понимаете. Это

был третий вариант, есть и другие.

Аттестат-то ему нужен, на его взгляд, или нет?

Он считает, что не нужен.

Если не нужен, разговаривайте об этом. Разговаривать об этом в системе координат, в которой мы с вами находимся, довольно страшно, но необходимо. Объясните ему, что произойдет, если у него не будет аттестата. Не все варианты ужасные, но неприятные стороны есть безусловно. Абсолютно точно об этом надо разговаривать. Не бояться и разговаривать.

Спасибо, Дима.

А нас ждет Ольга из Тольятти. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима. У меня сын Егор, ему десять лет, заканчивает третий класс. Проблема у нас в нежелании ходить в школу. Началась она в первом классе после того, как он две недели походил в школу. Потом я доводила его до крыльца, через минуту он бежал за мной со слезами: «Не хочу идти». Тогда мы решали эту проблему с психологом, педагогом. Иногда нам удавалось его уговорить. Иногда возвращался домой. Во втором классе в середине года опять все повторилось, он опять сказал, что не может, не хочет и в итоге не пошел. И вот сейчас уже третий класс заканчивает, и неделю назад было то же самое. Я провожала его до школы, и он мне сказал: «Я сегодня не могу, если меня заставишь, то тогда я убегу». Поэтому развернулись и ушли, и вот у меня вопрос: это серьезная проблема? У нас с ним очень хорошие отношения. Мы обо всем разговариваем. Секретов никаких нет. Вот он мне просто говорит «не хочу», «иногда мне нужен день отдыха»…

Знаете, это напоминает мне историю, которую рассказывал отец моей жены. Его очень-очень долго готовили, как всех нас, к тому, что настанет прекрасный день и он пойдет в школу, это будет так интересно и т. д. Он ждал это первое сентября, пришел в школу и был так счастлив. На следующее утро его будит мама. Он спрашивает: «А почему так рано?» Она говорит: «Ну, Коленька, в школу надо». И он разрыдался, потому что в этот момент понял, что это на десять лет. Он уже сходил один раз и тут, понимаете, какая история! Он совершенно не был готов к тому, что это на всю жизнь. Вот так. Скажите мне, Оля, почему? Что говорит Егор?

Ну, он говорит, что просто не хочет. С учителями у него нормальные отношения, со сверстниками тоже. Но он не любит учиться, ему не нравится, ему тяжело, задают много. Вообще, мне кажется, он такой сам по себе — ленивый и немножко разгильдяй.

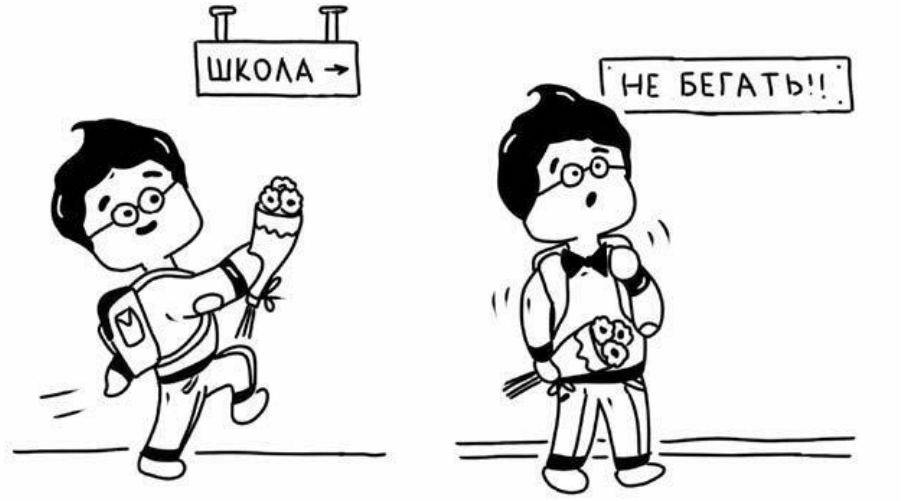
Нет, он не ленится, никто не ленится. Лень — это реакция организма на то, чего мы не хотим делать, на то, что нам не нравится. Неважно сейчас, хорошо это или плохо. Надо бы понять, что происходит на самом деле. Потому что вы описали очень общую картину: он не любит учиться. Это ведь не так. Все любят учиться. В окошко любит смотреть, в игры любит играть, музыку слушать, рисовать любит, это же все — учиться, да? Когда вы ему читаете, любит?

Ему нравится бегать, играть, сидеть в планшете, он ходит на плавание, но если нужно сесть и сосредоточиться, у него это вызывает трудности. Как это понять?

Разговаривать. Вы рассказываете ему про то, как ваша жизнь проходит?

Все рассказываю. Он ко мне на работу ездит, знает моих сотрудников. Я знаю его друзей…

О, красота. Придумайте с ним вместе какую-нибудь игру, чтобы каждый вечер, или раз в два вечера, или раз в неделю вы бы болтали, например, на тему «Что меня сегодня больше всего обидело». Или «От чего я сегодня хотел убежать далеко-далеко и что сделать, чтобы этого со мной больше не было», или «Почему я сегодня был очень несчастный». В эту игру обязательно нужно вплести темы «что меня больше всего порадовало», «чему я удивился», «с кем подружился» и т. д. Это поможет вам и ему понять, что не так. Потому что мы с вами не знаем причину, ведь это, опять-таки, очень общая картина — «не хочется ходить в школу». Может, там строгая учительница, которая его обижает. Может быть, материал как-то не так подается, может, на одном уроке в день так много всего, что ему тяжело и он не понимает, зачем вообще проводит там время, может, кто-то из одноклассников его обижает.



Он говорит: «Переведи меня в другой класс». У них класс А, там более сложная программа. «Переведи меня в класс Б, там проще, мой одноклассник перешел — ему легче, он был троечником, стал хорошистом — переведи меня туда». Ищет легкие пути, я бы так сказала.

Но это не легкий путь. Человек имеет право находиться там, где ему хорошо. Правда же, человек не должен терпеть, особенно сейчас, когда он в третьем классе? Это сколько же вы ему намерили? Он должен еще восемь лет потерпеть? Нет, Ольга, если он хочет перевестись в другой класс, тоже надо понять зачем. Чего он ищет в том классе? «Там легче» — очень простая и примитивная формулировка, он имеет на нее право. А мы с вами не имеем. Чего он ищет? Чтобы было меньше домашних заданий? Отличный ответ. Я, как вы знаете, не раз говорил, что вообще не фанат домашних заданий. Оль, так что вы извините меня, пожалуйста, что я конкретный ответ дать не могу. Для начала надо понять, что не так. Он абсолютно точно вам скажет, только не под пыткой, вы меня услышали, правда же? Идея в том, чтобы за игрой дать ему раскрыться. Это чудесный возраст для игры. Удачи вам, Ольга.

НЕ СМЕЯТЬСЯ !!
10
10 лет!!

Такие взрослые дети

Анастасия из Иркутска, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Я вас всегда очень внимательно слушаю. У меня в семье такая ситуация сложилась: моя шестнадцатилетняя дочь в этом году окончила девять классов и наотрез отказалась идти в десятый, хотя окончила неплохо. В школе ей рекомендовали остаться и продолжить обучение, но она ее терпеть не могла, с трудом туда ходила, поэтому поступила в педагогический колледж на педагога ИЗО, чем меня удивила. Почему-то ей захотелось.

А это приятно — удивлять близких. Пока в вашем рассказе все в порядке.

Да, но она проучилась буквально месяц, и я узнала от младшего ребенка, что она практически перестала посещать занятия. У нас с ней состоялся очень тяжелый разговор, и она мне сказала, что поступила туда только потому, что это близко к рисованию. Она всегда хорошо рисовала и просто побоялась поступать в художественное училище, потому что там очень большой конкурс, и решила в этом году походить на факультет изобразительного искусства, поучиться там, а на следующий год уже попытаться поступить в художественное училище. Как выяснилось, рисованию в колледже уделяют очень мало внимания, там больше общеобразовательных предметов, она поняла, что ее ничему не научат, и поэтому решила его бросить. У меня есть ощущение, что она, не добившись быстрого успеха, бросает то, что начала.

Давайте я порассуждаю на эту тему с точки зрения людей, которым шестнадцать-семнадцать лет. Для начала у нее есть отличная возможность в силу возраста делать то, чего вы, возможно, делать не можете, а именно — начинать и бросать то, что не нравится. У нее есть такая возможность, разве это не здорово? Я понимаю вас как маму, честное слово. Как папа я вас очень хорошо понимаю. Страшно, потому что ваш любимый человек поступает не так, как принято. А принято как? Она с первого класса, говорите вы, ненавидит школу. Ну так и давайте одиннадцать лет жизни выкинем и ничего страшного? Мне кажется, ваша дочь замечательная: она собралась с силами, несмотря на то, что общество не очень «за» и мама не прыгает от восторга, и сказала: «Мам, я не пойду». Это первое.

Второе: если она говорит об определенном направлении, то

это здорово, я могу вас с этим поздравить, это значит, что она человек сознательный, понимает собственные желания и интересы. Прекрасно, разве нет? И третье: если дочка говорит, что хочет в художественное училище, то надо ее поддержать, особенно если в это училище так трудно поступить. Как ее поддержать, я понятия не имею. Может, ей следует заниматься с мастером в течение года, ходить в картинные галереи, музеи и т. д. Я гарантирую вам, что ей точно не нужно, чтобы рядом были люди, которые ее непростую жизнь делают еще тяжелее. Иными словами, ей нужна мама, а мама вы замечательная — абсолютно точно.

Теперь вы. Что не так?

Я согласна, что надо поддерживать, и я готова это делать, но по моим жизненным наблюдениям подростки, особенно в таком возрасте, склонны попадать в дурные компании. Они остаются не включенными в какую-то социальную группу — в школу, училище, вуз. Это их расхолаживает.

Это миф, что единственная социализация, которая может быть, — это социализация системная. Если ваша дочь окажется в кружке при каком-нибудь художественном музее или секции, куда ходят замечательные ребята ее возраста, то у нее произойдет точно такая же социализация. Так что я понимаю ваши опасения, все в порядке, вы правы. Помогите ей, вы для этого ей и нужны, чтобы сказать: «Дорогая, я тебе помогу. У меня есть некоторое сомнение, давай найдем что-нибудь, чтобы я была спокойна, чтобы ты была спокойна, чтобы тебе было веселее, чтобы тебе не надо было сидеть как на иголках и ждать вступительных экзаменов, которые будут бог весть когда». Может ли все повернуться не лучшим образом? Теоретически может. Это жизнь. Но судя по тому, что вы изложили, она прекрасно понимает, чего хочет. Поверьте мне, мы все еще будем гордиться ею. Поддерживайте ее изо всех сил, разговаривайте с ней об этом. Она замечательная, и я говорю это не просто так: судя по всему, у вас действительно удивительный ребенок, с чем я вас и поздравляю.

Из подхода «надо доводить все начатое до конца» рождаются вещи не только положительные, но и, на мой взгляд, отрицательные. Одна из них — неспособность человека поменять собственную жизнь. Например, часто бывает, что человек после школы идет в университет, потому что он сам сказал (я не беру тяжелую ситуацию, когда его заставили): «Я иду в университет». Отучился он

первый курс, или до половины первого курса, или до половины второго и понял, что пошел не туда и его интересы вообще в другом поле. Подход «нужно доводить начатое до конца» приводит к тому, что все окружающие говорят ему: «Ты что, идиот? Ты отучился целый год, доведи это до конца, а потом занимайся чем хочешь». И так человек может заниматься всю жизнь вообще не тем, чем хочет. Я уж не говорю про дружбу, любовь и все остальное. Я сейчас парадоксальную вещь скажу: очень важно начинать и бросать. Другое дело, что бросать хотелось бы не в ущерб другим людям.

А у нас на линии Вера. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима. Моему сыну семнадцать лет, он учится в одиннадцатом классе. И вот уже на протяжении двух с половиной недель не ходит в школу, объясняя это тем, что он там ничего нового не узнает. Я говорю, что надо самостоятельные работы, контрольные сдавать и т. д. Он говорит, что все знает.

Вера, подождите, а почему вы считаете, что его версия неверна?

Он ЕГЭ на тройку сдаст, хотя учится хорошо. Сейчас из-за того, что мало ходит, может съехать.

А может и не съехать. Что вас пугает?

Если он начнет ходить в школу, то сдаст на четыре. Я думаю, что в школе подготовят лучше. У меня опасения.

Не будьте так уверены. Мне эта ситуация одновременно кажется и сложной, и простой. Конечно, я вас понимаю: все дети ходят в школу, а ваш решил не ходить. Но, может, если он говорит: «Мам, я готов, я взрослый», то он прав? Надо бы проверить. Ему семнадцать лет, вспомните себя в семнадцать. Взрослая девчонка совсем. Да и он взрослый парень и в состоянии оценить свои силы. Что нам надо делать? Надо спросить, какая помощь ему нужна. Вы же его не затолкаете в школу в семнадцать лет, это невозможно.

Невозможно, да.

Может, ему нужен человек (вы или кто-то другой), который поможет ему окончить школу. Расскажите ему, что вы волнуетесь

до такой степени, что звоните на радио.

Я ему объясняла, что очень сильно переживаю. Он говорит: «Не переживай, я и с учителями договорюсь, и со всеми остальными».

И что говорят учителя?

Я разговаривала только с классной руководительницей. Она говорит, чтобы я не переживала, что сдаст как-нибудь.

Вера, дорогая, если ситуация такова, то это повод поднять бокал вина. Ваш мальчик взрослый, он верно оценил свои возможности, эти оценки совпали с оценками учителей, что может быть лучше?

Если бы он ходил в школу, то получил бы четверку, а так ему поставят три.

Верочка, ну поставят ему три, но зато в этот момент с ним рядом будет мама, которая его поняла и не выбивает у него почву из-под ног, с которой можно о многом поговорить вместо того, чтобы уроки делать. Еще раз: слово классного руководителя в этой ситуации очень важное. Как вы знаете, я не всегда так говорю.

Ему не говорят, что он прав. Он разговаривал с завучем по поводу свободного посещения, ну, сказали, флаг тебе в руки.

Вера, ну давайте по-честному. Ваше сердце не переполняется гордостью за него?

Не знаю пока.

Попробуйте посмотреть на эту ситуацию с другой стороны. Ваш сын стал настолько взрослым, что не только сказал, что не будет ходить в школу, но пошел и все решил сам, договорился и получил положительный ответ. Зачем нам с вами сомневаться, что у него не получится? Обязательно получится!

Он мне тоже говорил: «Мама, за что ты переживаешь? Что я на старости не буду тебя обеспечивать, кормить?» Я сказала, что переживаю за его жизнь и судьбу, а не за это.

В вас говорит привычка. Ваш сын продемонстрировал удивительную способность быть самостоятельным в семнадцать лет, способность поставить задачу и решить ее. Он выбрал свою тропинку, а не пошел по протоптанному пути.

Когда под ногами земля горит

Идем дальше, у нас Сергей. Пожалуйста, вам слово.

Добрый день, Дима! У меня немного непонятная ситуация с сыном-подростком. Я в такой растерянности^ К сожалению, сын живет отдельно с мамой. Ему пятнадцать лет. Они часто переезжали, он поменял немало школ, упустил часть программы. Может быть, в нем есть какая-то неуверенность, хотя он достаточно общительный. Сейчас у него сплошная лень, не хочет учиться. Девятый класс, вбил себе в голову, что дальше не сможет учиться. В школе жалуются, что лентяй, ничего не делает. Спит сколько хочет, на уроки приходит, когда захочет. И это при всем том, что я с ним разговариваю, всегда его поддерживаю. Все время стараюсь поднимать его в его же глазах. Не ругаюсь, объективно оцениваю ситуацию, пытаюсь все разложить по полочкам, все понять: откуда, куда, где. Он врет, начал выпивать, курит. Врет по любому поводу, даже когда нет никакой необходимости. На контакт не идет. С матерью вообще на ножах, игнорирует ее полностью. Со мной общается постольку-поскольку, папа у него чуть в большем в авторитете. Обращается, если нужны деньги на кино или на что-то еще. Я ребенка стараюсь финансово поддерживать, одеваю. Финансы с меня. Не знаю, что делать. Недавно с ним разговаривал, он признался, что никого не любит, ни к чему не испытывает никаких чувств. Только развлекаться любит. В этой жизни его ничего не увлекает. И он хочет жизнь свою в девятнадцать лет закончить, но еще не решил как. То есть речь идет о суициде. После этого разговора я был в шоке, не знал, что делать. На следующий день он мне написал, что пошутил, что у него все нормально, ты, мол, не переживай.

Сергей, давайте начнем потихонечку. Вы говорите, что всегда пытаетесь докопаться до причины. Я предложу вам поимпровизировать. А зачем он стал с вами об этом говорить, как вам кажется?

Я пытаюсь докопаться, потому что не знаю, когда он врет, а когда говорит правду.

Нет, про суицид. Вот зачем?

У него недавно погиб брат, мой племянник, сын моей родной сестры. Мальчику было десять лет, он утонул. Не знаю — случайно или не случайно.

Да, трагедия, действительно.

Мы разговаривали как раз о душевных переживаниях, и он заявил, что когда у него утонул брат, он ничего не почувствовал, у него в душе ничего не екнуло. Я говорю: слушай, ну ты совсем еще подросток. Это же не на твоих глазах произошло. Ты не был на его похоронах, не видел всех тех эмоций, которые испытывали его близкие, и всего остального. В ответ он сказал, что решил жить до девятнадцати лет. Я начал разбирать, почему он так решил, зачем, что с ним произошло. «Ну, вот ничего не испытываю в этой жизни, поэтому так и решил». Он живет в Санкт-Петербурге. Либо такие компании, либо что-то еще. Мама жалуется. Мы с его мамой в хороших отношениях. В школе жалуются. Ничего не могу с этим поделать.

Давайте попробуем проанализировать это. Вы меня направите, если я сверну не в ту сторону. Я начну с самого страшного — с истории про суицид и про «хочу дожить до девятнадцати лет». Действительно, это звучит ужасно. Тем не менее, Сергей, мне кажется, что одна из возможных причин (я не гарантирую, что это на сто процентов верно), по которой он с вами об этом разговаривает, в том, что он вам доверяет. Удивительным образом это скорее хорошо, чем плохо, если он с вами об этом говорит. В любом случае абсолютно точно, что это выход на какие-то эмоциональные отношения. Даже если он хочет подергать за ниточки и посмотреть, отреагирует папа или нет, это выход на эмоциональную связь. Он оставляет дверь приоткрытой. Это очень важно, честное слово вам даю.

История номер два. Вы говорите, что он ленится и при этом вбил себе в голову, что не может учиться. Это очень трудно совместимо. Давайте выберем. Он ленится или не может учиться?

Он в последнее время, извините за грубость, как-то на себя забил. Все списывает на лень. «Я лентяй, я не хочу». Возможно, это связано с мамой, потому что она ему говорит: «Ты ничего не хочешь делать, лентяй, валяешься на диване». Да и гаджеты его поглотили.

Ну вот пошло-поехало! Да, я понимаю. Давайте я впущу немножко научности в наш разговор, самую малость. Лень, вообще-то, как учат нас наши коллеги-психологи и люди смежной профессии, это защита организма от чего-то, чего мы не хотим делать. Это довольно важно. Особенно если мы говорим про детский возраст, подростковый. Ему пятнадцать лет. Он в том возрасте и состоянии, когда у него под ногами горит земля. Помните себя подростком? Все плохо. Все не задается. Я сам себя сужу, у меня неплохие отношения со сверстниками, возможно, с

мамой и папой, я не уверен, что они меня верно оценивают, поддерживают. У меня нет своего места, я прихожу домой, ложусь на диван, и тут мне говорят: «Ты почему на диване лежишь?»

Я не могу перенести эту ситуацию на себя, потому что был совсем другим. Я был воспитанным ребенком, мне присущи самовоспитание, самообразование, я всегда знал, чем заняться. Я читал много…

Так и он знает, Сергей, чем ему заняться, вам просто не нравится его выбор. Давайте я попробую довести эту мысль до конца. Как это ни печально, ваш сын знает, чем ему заняться. У вас не может быть к нему такой претензии. Он считает, что ему нужно сейчас полежать на диване или еще что-то сделать. Нужно, извините за грубость, потупить в «Фейсбуке» или другой социальной сети, посмотреть фильм. Он знает, чем ему заняться. Другое дело, что его мама и папа, возможно, говорю я, так как не знаю ситуации до конца, этого не принимают. Сейчас неважно, правы они или нет. В любом случае ему трудно живется, потому что он не может заниматься тем, чем хочет.

Теперь вопрос: как он туда попал? Вот в эту ситуацию, когда он считает нужным идти выпивать с друзьями (что, конечно, не очень хорошо в пятнадцать лет). Я думаю, что ему просто некуда больше пойти. Люди начинают выпивать в пятнадцать лет не от хорошей жизни. Ни в коем случае не принимайте это на свой счет, не хочу вас обвинить в чем-то. И не обвиняю. В момент, когда человек должен каким-то образом себя найти, появляется, например, алкоголь, компания, которая вроде как его поддерживает. Это такие общие места, что называется. Еще более меня утверждает в этой идее то, что он врет, причем без повода. Это очень интересный симптом или признак. Мы врем без повода, когда уже привыкли врать, когда нам кажется, что лучше соврать, так здоровее будем. И знаете, бывает так, что мы говорим ребенку: «Ну что ты врешь-то, что тут такого, надел ты красный шарфик или зеленый?» И он смотрит на нас и не знает, что ответить, потому что не знает, почему соврал. Но мы с вами понимаем: он соврал, потому что привык. Ему в жизни приходится врать очень много. Где-то он защищает себя, где-то боится, что его не примут таким, какой он есть (справедливо боится, насколько мы понимаем). Где-то он должен сделать вид, что интересуется чем-то, хотя на самом деле не интересуется. И вот получается эта горящая земля под ногами.

Да, Дима, спасибо, я кажется начинаю понимать, о чем вы… Пошел думать и действовать.

Удачи вам, Сергей!

К нам дозвонилась Ольга из Санкт-Петербурга. Здравствуйте!

Здравствуйте. Моему сыну через две недели будет семь лет. В этом году он пошел в первый класс. В первых классах очень много мальчиков. В нашем классе двадцать четыре мальчика и десять девочек. Мы с мужем работаем и записали ребенка на продленку. То есть он вынужден был пойти на продленку, где сорок первоклашек с разных классов, а это опять новый коллектив, много детей, много мальчишек. К этому присовокупилось то, что в сентябре мы переехали в новую квартиру. Из-за переезда и ремонта мы с мужем практически не уделяли ему внимания, не интересовались, каку него дела, с кем он познакомился в школе, что нового узнал, даже просто как день прошел.

В конце сентября я узнаю от родителей, что мой ребенок агрессивно себя ведет. Я позвонила учительнице, она сказала, что мальчики все сейчас активно выясняют отношения между собой, толкаются, пинаются, но мой агрессивнее всех. Для меня это было открытием, поскольку ребенок относительно спокойный и первый в драку не полезет. Я стала расспрашивать сына, что да как. Он заплакал и потом сквозь слезы сказал, что с ним никто не дружит. Хотя небольшое уточнение: в классе пять-шесть мальчиков из садика, в который он ходил, то есть мальчишки между собой знакомы. Но они сгруппировались против него, и он начал отстаивать себя в коллективе и стал агрессивным. Я пыталась ему объяснить, что это новый коллектив и через некоторое время он тоже с кем-то подружится, и довольно настойчиво попросила его не драться. Теперь я каждый день при встрече первым делом спрашиваю, дрался ли он, есть ли в дневнике замечания, потому что ему каждый день их писали.

Ольга, боюсь, у нас вопрос займет много времени — я не успею ответить, давайте к финалу. О чем вы спрашиваете?

Мой ребенок сказал другому мальчику, что хочет умереть. Спустя два дня, когда мы с ним общались, он уже лично мне сказал это. Я почитала в интернете, что дети таким способом пытаются получить внимание, просят о помощи…

Золотые слова написаны у вас в интернете.

Мы стали чаще играть в настольные игры, но все равно это

еще два-три раза повторялось. Вот такая история.

Вопрос-то задайте для порядка.

Вопросу меня следующий: что мне дальше делать? Потому что я понимаю, что уже упустила сентябрь.

Для начала давайте проведем коротенький анализ того, что происходило, когда возникла эта ситуация. Я с вашим объяснением согласен, мне практически нечего добавить. В тот момент, когда он оказался в этой сложной для себя жизненной ситуации (ситуация первого класса сама по себе дикая, сложнейший период), вы говорите: «Не дерись». Я человек доброй воли, я, безусловно, против драк, я за то, чтобы строить отношения как-то иначе. Только что мне делать, как мне — ребенку — взаимодействовать, как еще себя защищать? У меня, говорю от имени вашего сына, так получилось, что под ногами земля горит, я нахожусь в незнакомом месте, я всего два месяца в первом классе (вообще привыкнуть к этому очень сложно, как к любой жесткой системе), а тут учителя уже пишут в дневнике замечание, что достойно отдельной темы или отдельной передачи. Как можно писать замечание семилетнему ребенку, это поразительно! Плюс к тому так случилось, что отношения со сверстниками тоже не заладились. Вот что ему бедному делать? Он оказывается на этой выжженной земле. То, что вы начали делать, я считаю абсолютно правильным. У него никого ведь нет кроме родителей. Потом появятся друзья, не волнуйтесь, все будет хорошо, но пока вы все еще самые близкие люди. Он переживает трагедию, серьезную драму, когда его мама с папой оказываются не на его стороне, и получается, что он везде ведет себя не так. Если он дал кому-то в нос, он сам понимает, что что-то не так.

Теперь, когда он говорит «я хочу умереть», вы правильно делаете, что обращаете на это внимание. Спокойно. Это не значит, что он действительно выражает свое желание, не будем друг друга пугать. Вы абсолютно правы, что это крик о помощи, это означает «я в беде и не могу выразить это иначе». Вы знаете, дети иногда придумывают, что болит живот или голова, хотя на самом деле ничего не болит. Может, в детстве многие тоже так делали, я сам делал. Дети так сигнализируют родителям: «Пусть они подумают, что я болею, и пожалеют меня». Не пугайтесь того, что он реально что-нибудь с собой сотворит, но пугайтесь, что он чувствует себя абсолютно одиноким и беззащитным. Что делать, вы знаете без меня. Конечно, быть с ним. При этом необязательно все время говорить «я тебя люблю». Мне очень важно, чтобы вы не пугались, потому что нечего тут пугаться. Эта ситуация

действительно скорее радостная, потому что опомнились вы очень быстро. Прошло всего два месяца. Я знаю людей, которые опомнились, когда детям было за двадцать.

Теперь очень важно быть с ним во всех смыслах этого слова и дать ему возможность быть с вами. Что это значит? Это значит, что если у него возникнут малейшие трудности, он может позвонить маме с папой и посоветоваться с ними, поплакать, пожаловаться. Мы попробуем «лечить» эту ситуацию прямо с противоположной стороны: вот он был таким одиноким — попробуйте искупать его, извините за банальность, в своей любви. Добиться этого можно простым способом — чаще ему звоните, разговаривайте с ним о том, о сем, отодвиньте (я знаю, что это трудно) на время эту самую школьную рутину. Пусть у него появятся впечатления, которые были в раннем детстве, пусть возникнут новые о том, как он с мамой и папой проводит время вместе. Можно просто болтать, при этом он не должен держать в голове, что ему семь лет и что на него могут обидеться, отругать или задать неудобный вопрос. Детство должно быть беззаботным. Убедите его, прямо скажите ему: «Мы всегда с тобой. Если хочешь, будем разговаривать утром и вечером».

Хотела сказать, что он никогда на прогулках не держит нас за руки, не любит он этого. Всегда идет самостоятельно, он независимая личность.

Имеет право.

Я тоже так считаю. И еще мы его так залюбили в семье, он у нас пупом земли стал, и я считаю, что это пока хорошо. Получается такой контраст: в школе плохо, одиноко…

А в школе не плохо совершенно. Подождите. Про пуп земли вы сейчас главное не преувеличивайте, потому что любовь хороша, когда в ней больше одного. Это важно, что в любви есть другие люди, мама и папа, у которых тоже есть свое мнение, свое удобство, своя сторона. Иначе может получиться что-то не очень правильное.

Ну, у нас еще есть сестра, кошка и собака.

Вот и любите друг друга. Вы говорите, что в школе все черным-черно, а дома все белым-бело. Я не думаю, что это правильно, все наладится и в школе. Школа — это не неизбежное зло. В школе очень много всяких радостей. Другое дело, что школы по-разному устроены. Важно, чтобы вечером вы садились и рассказывали по очереди, или если не получается по очереди, то перебивая друг друга, как прошел ваш день. Попробуйте

выслушать его, вот и все. Я подскажу вам игры, которые можно устроить. Одна игра называется «С кем сегодня произошел самый смешной случай». Как в нее играть, понятно. Вторая игра называется «Кто сегодня был самым несчастным». Игры отличные, они помогают нам разговаривать, к тому же это еще и творческий процесс! Мы можем друг друга пожалеть, мы можем друг друга рассмешить — так и завязывается разговор.

Такие разные близнецы

С нами Андрей из Ульяновска, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Очень рад вас слышать.

Я отец двух мальчишек-близнецов одиннадцати лет. Последнее время они совершенно не хотят учиться.

Как странно. Это я пошутил.

Да нет, не странно, я понимаю, мальчишки, но… Один всегда со мной советуется, спрашивает, как и чего. Вот буквально вчера учили уроки.

А другой.

Андрей, ну история простая. Если вы говорите, что понимаете их, сформулируйте, пожалуйста, одним предложением, что именно вы понимаете под «хочу учиться — не хочу учиться».

Просто отрицание. Не хочу — и все.

Потому что?.. Ну, давайте объясним за них. Они бы точно объяснили.

Один сидит учится, второй не учится.

Слушайте, ну это доказывает нам две вещи. Во-первых, все люди разные, заметьте, даже если они близнецы. Я про близнецов неплохо понимаю, у меня мама из близнецов, так что, поверьте мне, могу на эту тему дискутировать. Во-вторых, это означает, что надо бы спросить у мальчика, который не хочет учиться, в чем тут дело. То, что вы не можете ответить на этот вопрос, не делает из вас, естественно, плохого папу. Папа вы отличный хотя бы потому, что волнуетесь на эту тему. Надо сесть и поговорить с ним. Я думаю, что садиться надо вдвоем, а не втроем. И говорить с ним надо, что называется, по-мужски: «Ну, старик, а что не так-то, расскажи». Вы услышите самые неожиданные вещи, честное слово. Может, у него есть какие-то интересы, о которых вы не знаете, а надо бы, чтобы он занялся именно тем, что любит. Может, ему не нравятся какие-то предметы или у него конфликт с учителем. Все что угодно может быть. Поболтать нужно точно. Не на уровне: «Ну-ка скажи мне, что у тебя, я тебя заставлю учиться!», а просто: «Расскажи, что мешает».

Мы так уже давно не разговариваем.

Ну конечно, я уверен, я слышу. «Расскажи, что тебе мешает.

Расскажи, чем я могу тебе помочь. Расскажи, как сделать так, чтобы тебе было приятно». Вот и все. Давайте с этого начнем.

Часто в этих случаях начинается истерика.

Это значит, что вы что-то не так делаете. Он имеет право плакать, как и любой другой человек. Это говорит о том, что в этот момент он чувствует угрозу. Не в смысле, что вы его побьете, но угрозу его позиции, угрозу того, что он окажется в неудобной, неприятной ситуации. Либо, что еще хуже, он боится что-то сказать, поскольку есть какая-то причина, которая так его мучает, что он не может ее озвучить. Ну, либо ему действительно что-то мешает, и он сам, бедный, не понимает что. Но я бы просто начал со спокойного разговора.

Не знаю, как такой разговор построить. Боюсь, не получится.

Слушайте, ну вы же взрослый мужчина, обставьте этот разговор правильно, сделайте так, чтобы вы оказались вдвоем. Я всегда советую идти в кафе. Не хотите в кафе — можно устроиться дома. Но придумайте, как обыграть ситуацию так, чтобы вы сначала поговорили про футбол, после этого про видеоигры, потом, например, про девчонок, а уже после этого про уроки. Понимаете? Чтобы это было в ряду других тем. Не надо начинать разговор со слов: «Сынок, я должен с тобой серьезно поговорить». Ни в коем случае. И он вам расскажет, другого варианта нет. Правда, нельзя выпытывать. Он должен сказать сам. Это очень-очень важно.

Мой страх — моя школа

У нас на связи Марианна из Москвы. Добрый день!

Здравствуйте, Дима! Я звоню с таким вопросом. Я мама двенадцатилетней девочки, которая учится в пятом классе. В последние несколько месяцев столкнулись с такой проблемой — ребенок боится ходить в школу. Она боится, что учителя будут ее критиковать, когда она будет отвечать у доски или с места. При этом сразу хочу уточнить, что ребенок учится на четверки-пятерки, конфликтных ситуаций у нее с учителями нет, успеваемость все это время держится на одном и том же уровне. Дома никогда не ругаю ни за тройки, ни за двойки. И тем не менее у ребенка уже длительное время стресс. Она себя доводит тем, что очень боится, что когда ее вызовут, она все забудет и ее публично начнут ругать. То есть такая достаточно, наверное, распространенная ситуация, да? Ничего нового. Я помню себя в школе. Я помню те публичные казни, когда преподаватели при всем классе могли отчитывать, и это действительно унизительно. И я прекрасно понимаю, что не могу этого изменить. Как бы мне ни хотелось прижать учителей к стенке, это ничего не изменит. Тем не менее я не знаю, как объяснить ребенку, что нужно уметь отфильтровывать критику и делать выводы там, где их нужно делать, а не реагировать настолько болезненно. Она каждое утро едет в школу и дрожит: «Я не хочу туда ехать, я боюсь».

Давайте начнем немножечко издалека. Вероятнее всего, в какой-то момент она стала считать учителя очень важной инстанцией в своей жизни, именно в жизни. Да? Теперь давайте проверим, говорим ли мы с вами на одном языке. Зачем нужен учитель, Марианна?

Он обучает ее. Он дает ей новую информацию. Она учится, и ей очень важна его оценка.

Новую информацию в наше время в основном дают интернет и немножко учебники.

Согласна, абсолютно согласна.

А учитель? Учитель — это в первую очередь человек, который помогает вашей дочери учиться. Он умеет что-то, что умеют не все, — профессия такая. Он умеет поставить вопросы, создать рамки учебного процесса. Такие рамки, когда этот процесс начинает закручиваться, когда вашей дочке становится интересно. Мне кажется, что где-то произошла путаница. Она

произошла довольно давно, могло бы уже и отпустить нас всех, но не отпускает, потому что в какой-то момент, когда были перепутаны образование и воспитание, учителя стали путать с так называемым воспитателем или, в определенном смысле, с мамой и папой. Да? То есть он стал играть очень важную роль именно в жизни. И здесь возникает главный вопрос: насколько серьезно и честно вы готовы поговорить с дочерью на эту тему? Другого варианта нет, с ней нужно поговорить. Практически точно она считает учителя или учителей очень важными людьми в своей жизни, а вовсе не инструментами, каковыми мы все являемся (не обижайтесь, пожалуйста, учителя, я сам училка). Мы инструменты в лучшем смысле этого слова, но инструменты. Мы делаем так, что наши дети, наши ученики получают возможность благодаря нам познавать мир. Надо с ней об этом очень серьезно разговаривать, конечно, не строго и не назидательным тоном, а в комфортной обстановке, чтобы ей было что ответить. Двенадцать лет — это такое, в общем, суровое начало переходного возраста, как мы с вами понимаем.

Да, очень суровое.

Или она уже в той или иной мере находится в переходном возрасте. Что в этот момент происходит? Грубо говоря, идет переоценка ценностей. Нужно помочь ей отстроить новую систему координат.

Мне представляется, что учитель — это человек, у которого есть определенные профессиональные обязанности, он помогает вашей дочери познавать мир. Если способ, который учитель предлагает, ей некомфортен, с этим надо разбираться. Ну и, конечно, ни о каком позоре в классе не может идти и речи. Самый легкий способ — поговорить с учителями. Я понимаю, что учителей много, но чаще всего в таких ситуациях речь идет о двоих, может быть, даже об одном. Надо пойти и поговорить о том, что вы не готовы к тому, чтобы на ваших глазах у вашего ребенка формировался невроз. Совершенно на это не согласны. Не ругать этого самого учителя, а объяснить ему все. Сказать, что вы понимаете, какую важную роль он играет в ее жизни, но эта роль не должна быть тотальной. Ни при каких обстоятельствах он не должен задевать ее чувства. Если в классе происходит судилище — он воздействует на ее чувства, формирует комплекс вины. Поговорите, может быть, учитель поищет другие средства.

Если это не поможет (я сам себя ставлю в трудную ситуацию), ведь бывают учителя, которые не идут на контакт, то тогда надо разговаривать с ней и (ох, боюсь произносить это по радио, но произнесу) разрушать откуда-то сформировавшийся у нее образ

учителя на пьедестале. Учитель — это то же самое, что сантехник, уборщик, водитель автобуса, писатель и т. д. Это обычная профессия, очень крутая, и я ее обожаю. Тем не менее это всего лишь профессия. Учитель — человек, который может совершать ошибки, может вести себя неэтично. И у вашей дочери должна появиться защита, и, уверяю вас, если она услышит это от вас (конечно, не так прямо, как я говорю, хотя, может, и так прямо), то она обретет уверенность в себе и перестанет бояться. Ваше мнение формирующее.

Вы знаете, подобные беседы у нас были. Я ей объясняла, что преподаватель — это такой же самый человек, у которого тоже, наверняка, есть дети.

И здесь нужно понимать, что их в классе очень много. Это, может быть, не лично к ней неприязнь.

И, вы знаете, еще такой момент: она категорически против, чтобы я шла в школу с этим вопросом, потому как боится, что в классе начнут об этом говорить, боится реакции одноклассников.

Вы имеете в виду, что учитель начнет ей мстить?

Видимо, ребенок боится, что ее за это будут критиковать учителя или тот педагог, который конкретно ее беспокоит. То есть она боится, что это ей аукнется.

Марианна, но нас же с вами не устраивает, что ваша дочка ходит в школу как на зону, правда?

Конечно.

То, что вы сейчас сказали, это признак зоны, а не школы. Если человеку плохо в какой-то системе координат, он имеет право себя защищать. К сожалению, места лишения свободы устроены именно так: поскольку там жесткая иерархия, можно сделать себе еще хуже. Это, к слову сказать, совершенно незаконно. Что у нее за странные опасения такие? Если они имеют под собой реальные причины, то я уверен, что надо говорить с учителем и директором. А где вы живете?

В Москве.

Знаете, сколько в Москве школ?

Конечно, знаю.

Марианна, человек не должен терпеть, когда ему плохо. Тем более если речь идет о девочке двенадцати лет. Поэтому проверяйте все, разговаривайте с учителем, с директором. Не

удастся договориться — меняйте школу. Вот вам мой самый прямой совет.

А у нас Сергей из Воронежа. Здравствуйте, Сергей!

Здравствуйте, Дима! Ребенку семь лет. Он боится находиться в школе без родителей. Что с этим делать, мы не знаем, с другими страхами научились бороться, но в этом случае у него начинается самая настоящая паника. Что делать?

Расскажите, как это проявилось. Он же в школу еще не ходил или уже ходил?

На протяжении нескольких месяцев пару раз в неделю он ходил в школу на подготовку и в какой-то момент пропустил месяц из-за болезни. Придя вновь, очень переживал, вплоть до тошноты. Это было что-то паническое. С этим справиться я не могу, хотя разговаривал, пытался выяснить причину.

Сейчас выясним. Вы говорите, что он очень переживал, когда пропустил этот месяц, а из-за чего он переживал, собственно?

Он объясняет это тем, что все непривычно, что он отвык ходить в школу на подготовку.

А от чего он отвык? Я сейчас разговариваю с вами примерно так же, как я разговаривал бы с ним. От чего именно он отвык, как вам кажется? К чему он до этого привык?

Мне кажется, он отвык, во-первых, быть оторванным от родителей, а во-вторых, от контакта с другими детьми.

Смотрите, сейчас вы отвечаете от себя, и вы правы, но вы не можете залезть в его голову. Мне кажется, что с ним нужно поговорить очень конкретно вплоть до мелочей. Он, конечно, не скажет вам, что отвык отрываться от мамы и папы, ни за что не скажет. Надо с ним поговорить о том, что такое школа, разобрать все по кирпичикам: как устроен класс, свет, звук и т. д. Провести такую работу, отчасти психотерапевтическую. Вы справитесь. Надо выяснить, чего мы боимся, а чего нет. Вот он вам скажет: «В классе белая дверь», и вы такой: «Этого боимся? Будем менять цвет двери или не будем?» Вы хорошо повеселитесь во время этого диалога, поверьте мне, оба — и он тоже, в первую очередь он. «А вот там скрипит половица на входе» — это нас пугает или не пугает? Не смеяться над его страхом, а наоборот, разбирать его

на составляющие и пытаться понять, как он устроен. Не ленитесь, у вас будет отличная игра на вечерок.

Все, до чего я докопался, что это страх быть далеко от меня или от кого-то еще из родственников, а вот с матерью у него большая проблема, потому что когда она уходит на работу, он переживает что-то похожее, как при походе в школу.

Мама же на работу каждый день ходит, правильно?

Нет, у нее плавающий график — два дня через два, три дня через два.

А это он говорит, что с мамой не хочет расставаться? Или вы говорите?

Да, пожалуй, что это он говорит. Он боится, что мама завтра уйдет на работу (все это происходит вечером перед сном). Он понимает, что на следующий день все будет нормально, говорит: «Я не понимаю, почему боюсь».

Подождите, это ровно тот совет, который я вам даю, Сергей: разберите страх на кирпичики, не поддерживайте его, тем более что это отчасти абстрактное предположение. Вы получите от этого удовольствие, честное слово, это не страшно, не опасно, а интересно и отчасти смешно. Разберите поход в школу по частям, потом разберите каждую часть. Если вдруг обнаружится (я забегаю вперед и почти уверен, что причина не в этом), что он волнуется на тему того, что, вернувшись домой из школы, не обнаружит там маму, то он должен это произнести. В результате появятся другие инструменты, очень простые, например, мама один денечек проведет в районе школы, чтобы он мог спускаться вниз и видеть ее, а если надо, он проведет так два денечка или три. Не хочешь расставаться с мамой — отлично, мама имеет полное право посидеть в раздевалке, пойти попить кофе, вернуться в раздевалку, почитать книжку, потупить в соцсети и т. д.

Да, вы правы.

Найдите, Сереж, конкретный ответ. И не тяните его в сторону вашего предположения, что он не хочет расставаться с мамой. Если все придет к тому, что дело в маме, значит, она должна быть несколько дней рядом, насколько это возможно.

С нами Юлия из Магнитогорска. Юлия, добрый день!

Здравствуйте, Дима! Моя дочь учится во втором классе. Учительница принципиально не выпускает детей в туалет: она сразу им сказала (это было еще в первом классе), что они должны терпеть. Но дело в том, что все кончилось немножко плачевно — один мальчик буквально на днях не выдержал. Сначала они, конечно, засмеялись, но потом все поняли суть, даже несмотря на свой возраст. Многие на следующий день просто не пришли в школу. И тот мальчик, естественно, переживает, боится насмешек, и мама его тоже. В общем, вопрос в том, как с учительницей переговорить, потому что она считает…

В этой ситуации надо идти в РОНО, минуя директора. Это пыткой называется. Если не хотите в РОНО, идите сразу в прокуратуру. Все. Нечего с директором разговаривать. Этот человек не должен быть учителем.

Ну, да, понятно. Несколько дней прошло, уже переговорили с директором и с учителем, но директор пока ее…

Нет-нет. Юля, вы хотите, чтобы других детей мучили так же, как ваших?

Вот я и переживаю прежде всего за своего ребенка, потому что понимаю, что любой может оказаться на месте того мальчика.

Юля, если вы описали ситуацию точно — у меня нет комментариев. Это издевательство, унижение и пытки. Соберитесь с силами, вместе с родительским комитетом (или как это у вас устроено в школе) обращайтесь в соответствующие органы, хотите помягче — в РОНО, хотите сразу пожестче — я уже все сказал.

То есть никаких переговоров.

Какие переговоры! Если человек делает такое, он завтра сделает что-то другое. Ну, какие переговоры, если учитель на полном серьезе второклассникам может сказать: «Вы не будете ходить в туалет»! О чем тут можно разговаривать? Он еще наплетет какой-нибудь ерунды, что это воспитывает дисциплину, знаете, как это устроено у садистов? Вот таким образом.

Еще она боится делать презентации перед классом, как ей помочь?

Помочь, мне кажется, можно самым простым и самым естественным способом — поговорить с преподавателем, чтобы ваша дочь не делала презентаций или чтобы учительница проверяла материал другим способом. Не нужно человека, который боится плавать, спихивать в море. Я знаю этот способ так же, как и вы, и знаю, что многие скажут: «Но ведь именно так и учатся плавать» — это правда, именно так и учатся плавать, а заодно получают несколько комплексов, неврозов и т. д. Научиться плавать можно и другим способом. Не нужно человека в восемь лет, если ему некомфортно, заставлять что-то делать силой. Помогите ему, и он научится, перестанет видеть в этом опасность, станет, если это так важно учительнице,

демонстрировать свои презентации перед классом. Потихонечку, вместе с другом, с подружкой, перед учительницей лично — и все наладится. Мы уже говорили об этом: в таких ситуациях мы сразу же думаем, как подстроить своего ребенка под учительницу. Давайте попробуем наоборот — приспособим учителя к нашему ребенку, и все будет отлично.

Давление в школе

Динара из города Набережные Челны. Здравствуйте!

Добрый вечер! Очень рада появлению в эфире вашей программы. Ваши передачи очень полезные и поучительные. Моему сыну одиннадцать лет. Чем бы он ни начинал заниматься, поначалу все нравится, получается, педагоги говорят, что он способный. В нашей жизни был спорт. Занимались карате, тренер сказал, что у мальчика есть способности, надо растить чемпиона. Через некоторое время желание у ребенка пропало: «Нет, не хочу, хватит. Я больше не пойду». Начали разбираться и выяснили, что тренер где-то его «передавил». В школе та же самая история. С первого класса отличные отношения с педагогами, все нравилось и получалось. Но только появляется какое-то давление со стороны педагогов — все, ребенок ничего не хочет делать. Скатывается по отметкам. Да, мы много разговариваем с ним. Он все понимает. Моя позиция очень простая: научись перетерпливать. Что с этим делать — я не знаю.

Сразу же вопрос. Зачем «перетерпливать»?

Я же прекрасно понимаю, что в жизни не избежать давления.

Приведите мне страшный пример из взрослой жизни.

Тебе не хочется делать, но надо. Надо идти на работу к восьми утра.

И ты не идешь на работу. Находишь работу, которая начинается в десять. Что не так?

Я понимаю, сама так живу, но со школой ничего поделать нельзя.

Это не совсем так.

Мои опасения связаны с тем, что подобное давление, пока ребенок находится в школе, так или иначе будет всегда. Не хотелось бы, чтобы появлялась эта зависимость. Что нужно сказать ребенку? Как?

Расскажу. Во-первых, нужно сказать ребенку то же самое, что говорите мне вы. Если вы правы, а у меня нет оснований вам не верить, я поздравляю вас с современным свободолюбивым сыном! Если человек в одиннадцать лет осознанно (что очень важно) отказывается общаться с людьми, которые на него личностно давят, унижают, подавляют, это здорово! Я аплодирую! На

полном серьезе говорю. Я понимаю, о чем вы говорите: он такой свободолюбивый, замечательный, а делать-то нам что, например, в школе? Во взрослой жизни очень трудно привести подобные примеры. Обычно приводят, знаете, какие примеры? Я рад, что вы этого не сделали. Вот вырастет, женится, надо будет ему носки стирать, а он не станет!

Нет. Я спокойно к этим ситуациям отношусь. Школа есть школа.

Школы бывают разные. Я не был, к сожалению, в Набережных Челнах, но абсолютно уверен, что у вас есть разные школы и разные учителя. Уверен, что у вас есть частные школы и учебные группы, домашнее обучение. Я не говорю вам сейчас — идите в другую школу, на домашнее обучение, но принципиально заявляю следующее: нет ни одной причины, чтобы ваш сын находился под личностным давлением! Школа необязательно устроена как подавляющая инстанция. Я говорю об этом раз за разом. Неделю назад кто-то даже написал, что я на Марсе летаю. Есть, конечно, определенная традиция, которая меняется медленно. Мы во многом еще перемалываем традиционное школьное образование. Однако мы принципиально должны искать место, где нашему ребенку хорошо. Судя по всему, у вас доверительные отношения с сыном. Было бы здорово понять, что он имеет в виду. Про тренера я понял. Это смешно: «Будем растить из него чемпиона». Пусть тренер из себя растит чемпиона, а не из вашего сына.

Из себя он уже вырастил. И из своего сына тоже.

Я его поздравляю, но сейчас вдумайтесь! Это настолько хамская постановка вопроса: я из другого человека буду растить кого-то. С какой стати?

Что касается школы, надо понять, что влияет на вашего сына. Если ему, например, грубят, повышают на него голос раз за разом, не дай бог, унижают, то в эту ситуацию надо срочно вмешаться. Если же ему кажется (такое бывает в одиннадцать лет), что его как-то не так приняли, он хотел бы другого отношения, хотел бы оказаться в другой ситуации, то можно поговорить с ним или с учителем. «Нам всем будет легче, если мой сын получит чуть больше места. Конкретно скажите, что вам мешает, а мы скажем, что мешает нам». Поговорите. Мне совершенно не близка позиция: «Помучайся, сынок, еще немного». Ему одиннадцать. Мучиться еще семь лет!

Я ему постоянно говорю, что все люди разные. Нужно влезть в чужую шкуру, чтобы понять, почему человек поступает так или иначе. Кто-то умеет разговаривать, сдерживать эмоции, кто-то не умеет. В ответ сын говорит: «Да, я понимаю», но при этом мне периодически звонят учителя и жалуются: «Что происходит, почему он не делает домашние задания?»

Это все, что волнует учителей? Передайте им ответ от меня: потому что он не видит в этом смысла. Запомнили? Есть только одна причина, и я вам ее озвучил. Как сделать так, чтобы смысл появился? Переформулировать, сделать так, чтобы он понимал, зачем ему это нужно. Единственное, что ему можно в этой ситуации сказать: «Тебе когда-нибудь пригодится». «Мама,

когда?» — «Когда-нибудь».

Я с вами абсолютно согласна, но нельзя отрицать, что современная школа большинство функций перекладывает на родителей.

Есть такая удивительная притча. Про Будду. Он оказался в одной деревне. К нему вышли жители со всех сторон и ругали его на разные лады. Он на них посмотрел спокойно и сказал: «Вот эту ругань, которую вы пытаетесь мне передать, я не принимаю». Школа пытается на вас что-то переложить, но вы совершенно не обязаны все брать на себя. В двадцатые-тридцатые годы прошлого века, когда перемалывалось общество, было понятно, почему такую ответственность родители должны были брать. Выхода у них не было. Сегодня вы — мама, близкий человек. «Извините, я этого на себя взять не могу». Что ему сказать, чтобы его не испортить? Говорите ему правду. Если вы видите смысл в домашних заданиях, поговорите с ним, расскажите ему. Если вы так же, как и я, не всегда видите в них смысл, поделитесь с ним, найдите способ существования с домашними заданиями. Какие способы бывают? Способ номер один: жить по принципу «кончил дело — гуляй смело». Так мы в определенном смысле продаемся, откупаемся. Способ номер два: он оставляет за собой право спрашивать учителей, зачем это нужно. И ответ «потому что нужно» не принимает. Это повлечет за собой некоторые сложности. Способ номер три: нанять студента-репетитора, который будет с ним быстро делать уроки (этот способ я не очень люблю). Неверный способ — «сыночек, потерпи семь лет». Это как отсидеть срок. Эти семь лет он должен точно понимать, почему находится в школе.

Давайте добавим немного меда в эту бочку дегтя. Школа готова к этому. Иногда с учителями просто нужно поговорить. Пообщайтесь с другими родителями, инициируйте родительское собрание, на котором будете выступать вы, а не учителя. «Ребят, вы замечательные педагоги, но, может, мы что-то поменяем, чтобы было интересно и вам, и детям, и нам?» Я часто повторяю, что родители вместе с детьми являются заказчиками образования, а значит они могут формулировать заказы. Если мы не будем формулировать, то исполнители, что им бедным делать, будут метаться. А если будем, то они радостно к нам присоединятся. Я не говорю, что завтра все будет чудесно, но давайте менять потихонечку, мягко, без скандалов, революций и конфликтов. Пусть нашим детям будет хорошо, и нам вместе с ними, и — побочный эффект — учителям. Учитель, знаете, как счастлив, когда понимает, зачем идет на работу! А если он идет в ужасное

место, где собираются ужасные люди, которых нужно перевоспитывать, держать в ежовых рукавицах, потому что они пытаются от него сбежать, куда это годится?

Ты не сдашь ЕГЭ!

Сабина из Москвы, здравствуйте!

Здравствуйте! Моему сыну семнадцать лет, он учится в одиннадцатом классе. Я очень за него переживаю, поскольку экзамены на носу. Совершенно не вижу, как он учится, делает ли домашнее задание, готовится ли к экзаменам. В школе говорят, что хороший мальчик, но совершенный бездельник. Я очень нервничаю, не знаю, как помочь ему. Как не допустить ошибки? Он говорит, что у него все прекрасно.

В девятом классе он все сдал отлично. Говорили ему: «Не иди в десятый. Ты не горишь желанием» Он: «Нет, я пойду, я хочу в институт, хочу учиться». Как-то все совершенно наоборот происходит.

Сабина, давайте мы с вами выберем один из глаголов. Вы произнесли разные, и я запутался. Вы хотите ему помочь или чего-то не допустить?

Помочь. Но что ему сказать — что он должен сам сидеть над этими учебниками?

Это не помощь! Давайте определим значение слова «помощь». Помощь — это что-то, в чем он нуждается, и понимает, что нуждается. Помощь насильно — это особая история. Он-то просит помощи?

Нет, не просит. Он говорит, что у него все хорошо.

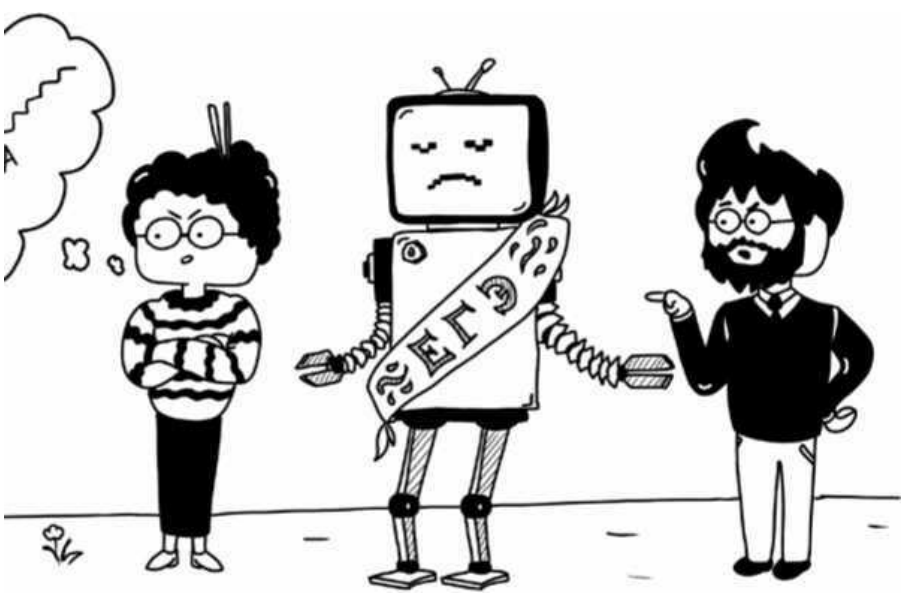
А у него все хорошо?

Нет, у него не все хорошо. Учителя в школе говорят, что все плохо. Плохо пишет ЕГЭ.

Это у них все плохо. Вы должны были привыкнуть к тому, что я иногда говорю немного парадоксальные вещи. Если учителя говорят, что все плохо, то это они про себя говорят. У него все хорошо или нет? Я не знаю. Действительно, есть у вас какие-то объективные наблюдения, что у него что-то плохо? Это не случайный вопрос. Мы на распутье. Нам надо понять, в какую сторону идти. Если человек в семнадцать лет… Вдумайтесь в эту цифру! Взрослый человек говорит: «Мам, слушай, у меня все в порядке. У меня есть интересы, друзья, я понимаю, что со мной происходит». Может, мы можем на него положиться? Как вы думаете?

Я поняла вас. Нужно положиться на него. У него есть интересы. Он баскетболист. Можно сказать, живет баскетболом. У него хорошие друзья. При этом он очень хочет поступить в институт. В дальнейшем планирует играть в баскетбол и учиться в вузе. «Я буду играть, все у меня будет хорошо». При этом в данный момент он не делает ничего, чтобы поступить в этот институт. Понимаете?

Подождите. Я понимаю. Вводные данные. Исправьте, если я понял вас неверно. Имеется счастливый мальчик семнадцати лет.



Да, он счастливый.

Из-за того, что мама боится, что с ним когда-то что-то произойдет, хотелось бы, чтобы сейчас он был менее счастлив. Правильно понимаю ваш запрос?

Да, наверное.

Спасибо за паузу. Давайте об этом подумаем. Все равно вы будете решать. Однако нужно определить, что к чему. Ему семнадцать лет. Он с вами откровенен. Вы способны об этом говорить. Он знает, что вы волнуетесь. Он наверняка берет это в расчет. Что самого страшного может произойти? Что он не сдаст ЕГЭ по математике?

Что он загубит все. Я переживаю, что он сейчас не понимает этого.

Он не загубит! Ну откуда у вас такие глаголы? Сабина! Что он загубит? Не сдаст ЕГЭ по математике. Он ничего не загубит.

Хорошо. Он пойдет в армию. А после армии куда пойдет? ЕГЭ будет сдавать? Он этого не понимает сейчас.

Во-первых, после армии он может сдавать ЕГЭ. Какой процент сдачи ЕГЭ по Европе? Отгадайте. Сколько школьников в Европе выходит после окончания школы с ЕГЭ? Я не буду вас мучить. Шестьдесят четыре процента. В хорошей парижской школе. Что это значит? Человек говорит: «У меня сейчас могло не получиться. Были другие интересы, был занят другим. Сдам через год». Имеется юноша, которому хорошо, который представляет, как должна быть устроена его жизнь на данный момент. Что мы с вами будем портить? Есть такая очень важная мамина роль — говорить ему время от времени, напоминать не лениться. Я уверен, вы так и делаете. «Я готова тебе помочь, сыночек. Я сижу здесь. Волнуюсь, но я не беру тебя в плен. Я настолько хорошая мама, что я не заменю своей жизнью твою. Я буду переживать. Рассказывай мне, что с тобой и где ты. Я готова тебе помочь». Помогать — важнейшая родительская функция. Придавать сил, любить, ну и волноваться, конечно.

У нас на линии Инна из Москвы. Добрый вечер!

Сразу хочу предупредить, у меня детей нет. После вашей передачи очень их хочется. Вопрос мой касается племянницы, она

заканчивает девятый класс и хочет покинуть школу, поскольку боится сдавать ЕГЭ. Учитель напрямую сказал: «Ты не сдашь, лучше сейчас уходи. Если останешься, мы тебя вообще в другую школу переведем». Она девочка творческая, любит рисовать, ходила в художественную школу. Выбор профессии после девятого класса — бухгалтер. Я попросила ее объяснить, почему она выбрала такую профессию. Она сказала, что вычитала в интернете, будто это перспективно. После нашего разговора она расплакалась и заявила: «Я не знаю, кем хочу быть, мне страшно и прочее». Как вселить уверенность в ребенка? На мой взгляд, своим заявлением учитель посеял в нее страх и неуверенность. Как помочь с выбором профессии?

У меня к вам, извините, нескромный вопрос: а сколько вам лет?

Двадцать девять.

Вы подружки с ней?

Увы, нет. Мне с ней в разных городах находимся. Общение наше ограничено.

Тогда у нас есть проблемка. В этот момент еще один взрослый приходит с еще одним мнением. Опасайтесь стать еще одним взрослым в ее судьбе. Она расплакалась. Это грустно и неприятно. Значит, что-то вы сделали неправильно, в этот момент она чего-то не получила. Предостерегу вас от одного вопроса, который уже прозвучал. От вопроса «почему». Когда нам плохо, он может нарушить уверенность. Я вам и так скажу: она не знает. На ее решение повлияло многое. Она оказалась в этой школе, встретила эту училку, где-то не получила поддержки. Я не имею в виду родителей, про них я ничего плохого сказать не хочу. Не оказалось рядом взрослого, который бы пошел и рассказал про эту учительницу директору, а если нужно, то РОНО.

Ваша племянница убегает туда, где, как ей кажется, будет проще. Не надо помогать ей выбирать профессию. В девятом классе человек имеет право не знать, кем хочет быть. Это прекрасное время. К сожалению, так повелось по целому ряду причин, что взрослый мир требует от ребенка в четырнадцать лет определиться, кем он хочет быть дальше. Это очень странно. Это возраст выбора, когда мы налаживаем отношения с миром, собой, другими людьми. Любой системе очень удобно, чтобы в четырнадцать лет человек говорил: «Я хочу быть тем-то», и всю жизнь тем и был. Помните, как наши бабушки и прабабушки гордились тем, что у них в трудовой книжке одна запись? Представьте и ужаснитесь! Это значит, что человек ничего не

попробовал. Не потому, что эти люди были глупее нас с вами, а потому, что от них этого потребовали. Запихали в это прокрустово ложе системы. Лучшее, что вы можете сделать, — дать племяннице ощущение, что она все успеет. Ей никуда не надо торопиться. Решение можно принимать спокойно. Что бы ни было, она окажется правой. Она может пойти учиться на бухгалтера, и никто ее не убьет, если через полгода она скажет: «Про бухгалтера я ошиблась, пойду в другое место». Ей в этой ситуации нужна поддержка.

Касательно того, что в девятом классе училка говорит ребенку «не сдашь экзамен — переведем тебя в другую школу»: она не должна работать в школе. Если вы готовы посвятить этому некоторое время своей жизни, я буду рад. Если нет, она то же самое скажет другим. Я понимаю, что знаю не все обстоятельства. Но что бы ни было, такого не говорят, будь ученица хоть круглая двоечница. Это все равно, что сказать четырнадцатилетнему мальчику: «Ты никогда не сможешь жениться, стать настоящим мужчиной».

> Вот удивительным образом, при всех своих педагогических взглядах, я за ЕГЭ. Скажу почему Потому что если у взрослых и у государства нет другого способа (это странный способ, правда) понять, каков уровень образования ребенка, пусть лучше это будет максимально объективно, чем максимально субъективно, как это было когда-то. Это правда, что раньше было проще сдать. Потому что экзаменатору можно было задурить голову. Но, в принципе, в ЕГЭ ничего страшного нет, он проверен годами, если не сказать десятилетиями, во всем мире: и на Востоке, и на Западе. Другое дело, что ЕГЭ превращается в инструмент манипуляции. Мы говорим нашим детям, что вот придет бука — и они не смогут сдать ЕГЭ. ЕГЭ сдать ничего не стоит. Просто школа должна быть устроена так, чтобы детям было интересно учиться. Если им интересна физика, то нужно узнать, как проходит этот самый ЕГЭ. Когда ваших детей готовят к ЕГЭ — самое время вмешаться. Вот честное слово, ЕГЭ — самый обычный экзамен. У нас с вами не закончился переходный период, многие взрослые еще помнят, как было без ЕГЭ, как они боялись изменений и как ввели ЕГЭ. Ах, какой кошмар! Нам надо всю жизнь к нему готовиться! Абсолютно не так. Надо спокойно учиться, спокойно познавать мир, а потом уже в процессе ребенок научится его писать и оформлять как любую

анкету. Да и ЕГЭ-то не для нас на самом деле. ЕГЭ — это система оценок, которую не от легкой жизни придумало государство. ЕГЭ так же, как и экзамен на водительские права, можно пересдавать почти бессчетное количество раз. Ну не сдал сейчас — сдаст в следующий раз. «Ах, я не поступлю в университет!» Ну не поступишь — поедешь путешествовать по миру.

Уточняющий вопрос: я переживаю, что на фоне заявлений учительницы у нее самооценка упала, не укрепит ли побег из школы ее во мнении, что «я не смогу»?

Спасибо за вопрос. Это на сто процентов зависит от окружения. Вы сами как считаете: если в неприятной ситуации я могу уйти и ухожу — это победа или поражение? Я вам помогу. Только очень сильный человек может развернуться и уйти. Общество очень часто так устроено, что диктует обратное поведение. Нужно остаться; тебе плохо — ты должен сражаться! Испортить себе жизнь, но всем доказать, что ты большой молодец. Михаил Жванецкий, неоднократно цитируемый в этой передаче, сказал: «Запах чем хорош? Тебе пахнет — отойди». Это важный педагогический и человеческий принцип. Поддержите ее. Она уходит не потому, что слабая, а потому что оказалась настолько сильной, что не хочет свою жизнь детскую тратить на противостояние с этой учительницей, которая решила, будучи взрослым человеком, сказать молоденькой девочке, что она не сможет сдать экзамены. Вот молодец!

Плохое поведение или плохой учитель?

С нами Андрей из Петербурга, здравствуйте!

Добрый вечер! У меня вопрос. Сын Ваня заканчивает первый класс. В садике вообще не было никаких проблем, никаких замечаний, все было хорошо. В школе же каждую неделю два-три замечания о том, что он не слушаетсяучительницу, балуется на уроке, выходит из класса, говорит громко вслух, поет песни на уроке. И каждый день мы ему пытаемся донести, что так нельзя. Мы ему говорим, что он уже не в садике, а в школе, и все равно каждую неделю повторяется одна и та же история. Маму уже вызвали на педсовет, серьезно с ней поговорили.

И что?

В общем, не знаем, как избавиться от плохого поведения в школе.

Ох, Андрей, сложный вопрос. То есть вопрос-то не сложный, ответ будет сложный. А скажите мне, почему Ваня так себя ведет? Вот в каких ситуациях вы ведете себя так или приблизительно так?

Я? Когда я не слушаюсь кого-то?

Не слушаетесь, пытаетесь придумать себе более интересное занятие, не выполняете приказы и т. д.

Когда мне скучно.

Класс! Когда вы чувствуете, что занимаетесь чем-то не очень важным либо не очень интересным или чем-то, что происходит не так, как вам хотелось бы.

Согласен.

Я сказал сразу, что ответ будет сложным еще и потому, что в данной ситуации целиком нахожусь на стороне вашего сына. И если в детском саду все было чудесно, он общался, познавал мир, учился, а в школе это прервалось, то, я думаю, это означает, что изменилась ситуация, а не Ваня. С Ваней, похоже, все неплохо.

Ну, нам еще, конечно, немножко не нравится учительница. Нам кажется, что она слишком предвзято к нему относится.

Слушайте, я боюсь давать вам прямой совет, но намекну на

него. Михаил Михайлович Жванецкий как-то сказал: «Может, в консерватории надо что-то поменять?» Помните такую его замечательную фразу? Если вам не очень нравится учительница, если ваш сын говорит (не говорит, а демонстрирует всем видом), что ему там плохо, не очень понятно, некомфортно и т. д., может, стоит поискать что-нибудь другое, попробовать поменять? Я представляю, как сейчас возмущаются некоторые наши слушатели и говорят что-то вроде: «Так что же нам теперь вечно все менять? Что же мы будем под них подделываться и права качать?» Менять будем не вечно, но поискать надо. Сформулируйте вместе, что вы ищете, какой должна быть школа и какой должна быть учительница. Гарантирую вам, что в Петербурге есть десятки или сотни очень хороших учителей начальных классов.

Это самая близкая школа, находится в нашем дворе, нам удобно. Очень хорошая гимназия.

Нет, Андрей. Почему же в этой ситуации, если вам и самим-то не очень нравится школа и учительница, надо менять Ваню? С Ваней, возможно, нужно разговаривать, обсуждать, как мы себя ведем, когда нам что-то не нравится.

При этом каждое утро мама говорит ему: «Ванечка, дорогой, хорошо себя веди». Он кивает: «Мамуля, все будет хорошо». Вечером приходит, смотрим дневник и там опять: ползал по классу, пел на уроке.

Ну и что! Пел на уроке, ползал по классу. Ване семь лет! Хоть бы учительница слышала нас в этот момент! Она не умеет структурировать процесс так, чтобы человек семи лет понимал, что он делает на уроке. Вот она вам пишет, что он ползал по классу, чтобы что…? Чтобы вы его отругали, сделали его вечернюю жизнь такой же печальной, как и жизнь дневную?

Ну, просто понимаете, он творческий человек. Он любит петь, танцевать, первые места берет на танцах.

Все пропало, я сказал в начале, что не могу дать вам прямой совет. Беру свои слова обратно, я даю вам прямой совет: ищете другого учителя. Найти учителя не очень просто, ищете такого, с которым у вас будет доверие, потому что у вас сейчас доверия нет. Нужен учитель, который поможет Ване понять, зачем он каждый день ходит в школу. Не так просто в первом классе сказать человеку: ну-ка веди себя прилично и потерпи одиннадцать лет, а там отпустят. Это же какая-то жуткая история! Теперь смотрите: школу надо искать следующим образом — нужно смотреть в чатах, потом нужно идти в школу и разговаривать со старшеклассниками, пообщаться с мамами и папами, которые за ручку ведут первоклассников и второклассников. Вот как вы выбираете новые вещи, например. Школа не менее важна, чем новые штаны. Вот и все. Не волнуйтесь совершенно, это нормально. В тот момент, когда какая-то услуга вас не устраивает, следует искать другую, все в порядке. В ресторане вас плохо накормили — вы пошли в другой ресторан. Продолжая то, о чем мы сегодня уже говорили: нас действительно научили, что есть только данность, и дальше мы должны менять себя, если она нас не устраивает. Однако мир устроен не так, можно данность поменять.

Хочу добавить еще кое-что. Мы действительно привыкли к тому, что школа во дворе — это очень-очень удобно. Но если мы задумаемся, то вдруг поймем, что это какие-то несопоставимые ценности. Бывают школы возле работы, бывают школы по дороге. Короче говоря, давайте будем на их стороне, на стороне наших любимых.

Татьяна из Воронежа у нас на линии. Татьяна, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Последние три недели мой сын, ему девять лет, стал очень плохо себя вести в школе.

Это как? Я люблю, когда дети плохо себя ведут в школе, поэтому надо бы послушать.

Он очень громко ведет себя на уроках.

Громко ведет себя на уроках?

Да, разговаривает сам с собой, с другими детьми, вертится. На замечания учителя не реагирует.

Ну, как не реагирует — посмотрит и продолжает дальше заниматься своими делами.

Допустим. Я полагаю, вы это знаете со слов учителя.

Да, со слов учителя. Если бы дело было в одном учителе! Но есть еще учителя по другим предметам, не только классный руководитель. В последнее время и у них тоже он ведет себя нехорошо. Недавно сорвал спектакль — очень громко аплодировал, смеялся, хотел его повторить.

Понятно. С точки зрения учителей, ваш девятилетий сын слишком громко хлопал на спектакле. Ну, давайте дальше, там не только в этом дело, я понял уже.

Да, Дима. В общем-то все связано со школой, учителя недовольны, вплоть до того, что классный руководитель написала докладную директору на девятилетнего ребенка, в которой сообщила, что ничего с ним сделать не может. При этому учителей никаких претензий к другим детям нет. Просто мой сын не сидит на месте. Он очень активный.

Татьяна, а раньше было иначе? Вы сказали «в последнее время он стал себя плохо вести», а до этого?

Он всегда был подвижным и разговорчивым, но вел себя тише.

Все-таки последнее время — это как давно?

Недели три.

То есть последние три недели учителя говорят, что что-то тут не так. А до этого все было нормально?

Нет, замечания были, конечно, но не настолько, чтобы я три недели ходила в школу как на работу и дневник открывать боялась.

Мы сейчас с вами научимся открывать дневник без боязни. Скажите, пожалуйста, а от вас-то они чего хотят?

Чтобы я приняла меры и чтобы ребенок перестал так себя вести.

Вот интересно, какие меры, на взгляд учителей, вы можете принять?

Нам порекомендовали сходить к неврологу, к психологу, принимать успокоительные таблетки.

Попробуем разобраться. Что касается невролога, я много раз говорил, к нему сходить дело нелишнее. Если у человека есть какое-то изменение в поведении или что-то его гнетет, почему бы не сходить? Невролог — прекрасный специалист, вы наверняка

найдете в Воронеже хорошего врача. Сходите, поболтайте, посмотрите, пусть он проведет пару тестов. К неврологу ходить, как вы понимаете, не больно, а по большей части приятно. С этой рекомендацией я согласен, я бы сам вам посоветовал. Относительно всего остального — осторожненько. Может, он устал просто — декабрь на дворе. Если речь идет о последних трех неделях, то я сам вижу по детям в нашей школе, что они довольно сильно устают к началу декабря. Зима, темно, холодно, а тут надо учиться, учиться и учиться. А Новый год уже за углом, и так хочется, чтобы он уже пришел. Я серьезно говорю, Татьяна, не шучу. Может, дело в этом?

Может быть. У меня была такая мысль.

И у меня есть такая мысль. Мне кажется, в этом смысле вытерпеть и проверить мою догадку можно довольно скоро, правда? Десять дней. Через десять дней вы поймете, насколько это верно.

У меня еще один вопрос к вам: а дома его поведение тоже изменилось?

Нет.

Не изменилось. А на его учебных успехах его поведение как-нибудь отражается?

Нет. Только в том случае, если он сильно отвлекся на какой-нибудь контрольной, там, конечно, он прослушал, но в целом нет.

И что получил?

У него четверки, пятерки.

Четверки и пятерки. И он, еще раз я уточню на всякий случай, чтобы коллеги меня не слишком ругали, он не агрессивен, не хамит, не дерзит, я правильно понимаю?

Нет-нет. Он просто молчит, когда его начинают отчитывать.

А сам он тоже говорит: «Мама, все в порядке, я стараюсь, я молодец». Или наоборот: «Мама, отстань». Или что?

Мама, я стараюсь, мама, я молодец.

Я дам вам плохой совет. Я скажу вам одну страшную вещь, наверное, меня все-таки заругают мои коллеги-педагоги. Одна моя знакомая мама — правда, в Чехии это происходило, но это абсолютно переносимая на нашу почву ситуация — получала от учителя очень много замечаний. Они были такие: «ваш сын не

старательно учится, ваш сын вертится, ваш сын получил тройку и т. д». И в какой-то момент эта мама под замечанием учителя написала: «Ваш ученик очень плохо ест морковку». Понимаете, какая история? Мне кажется, что каждый должен заниматься своими делами, и в этом смысле, если речь не идет об асоциальном поведении (очевидно, что об этом речь не идет. Я поэтому так много вопросов вам задал и, так сказать, за что купил, за то продаю), то учителя должны справляться со своими обязанностями и строить урок таким образом, чтобы там было место любому человеку. Урок можно построить по-разному.

Основная претензия в том, что он отвлекает других детей.

Должен вам сказать, опять-таки, не хочу ругать коллег, я обожаю учителей и правда с большим уважением отношусь к нашей профессии, но вообще-то в классе бывает больше одной мизансцены, в классе можно по-разному поставить парты. Надо подумать, особенно если речь идет об изменении поведения в такой короткий период (что такое три недели? Это вообще ничего), может, что-то его тревожит, ему неудобно, он не с тем человеком сидит, может, плохо видит или слишком хорошо, может, его отвлекает что-то, может, он сам до конца не осознает, что ему мешает. Ну что ж такое-то — человеку девять лет! Поэтому перестаньте бояться открывать дневник. Если хотите, можете присылать фотографии дневника, мы вместе с вами посмеемся на эту тему.

Что касается учителей — не надо с ними ругаться, нужно прямо им сказать: «Ребята, давайте подождем. Что такое три недели? Ничего». Если, конечно, речь не идет о том, что он асоциален. Так бывает, дети разные, настроение разное бывает, вообще все бывает разное. В чем состоит профессия учителя? Сейчас я обращусь благодаря вам, Татьяна, к своим коллегам: в чем наша профессия? В том, что мы передатчики информации? Так с этим с легкостью сегодня справляются Google или «Яндекс». Может, наша профессия все-таки состоит в том, чтобы сформировать такие рамки образовательного процесса, чтобы в этих рамках любой человек нашел себя? Знаете, когда-то проводили такое исследование (не помню, в какой стране): пытались выяснить, что больше всего мешает работать медсестрам в больнице. Догадаетесь что, Таня?

Врачи?

Я вам подскажу — больные. Выяснилось, что медсестрам больше всего мешают работать больные. Это правильно. Это очень понятно. Это смешно, но это понятно. Дорогие учителя,

коллеги, это же так здорово, когда есть зачем в школу ходить. У человека изменилось поведение, у человека изменились, может быть, взгляды, может, он взрослеет, может, еще что-то. Ну и что? В школе он проводит столько времени, пусть ему там будет чем заняться.

Короче говоря, Татьяна, дышите глубоко, будьте на стороне своего девятилетнего сына. Обязательно разговаривайте с ним об этом, но не о том, что он такой-сякой. Ни в коем случае не надо ругать. Можно сказать так: «Слушай, я понимаю, что, может, ты устал. Давай придумаем какие-нибудь штуки, которые тебе помогут». Дайте ему простенькие инструменты (осталась неделя, еще чуть-чуть — и начнутся каникулы), и, скорее всего (девяносто процентов), он вернется с новыми силами после «отпуска». Правда. Не будем ругать. Будем поддерживать.

У нас на связи Елена из Москвы. Здравствуйте, Елена! Пожалуйста, ваш вопрос.

Здравствуйте, Дима! Моей дочери восемь лет. Когда я ее ругаю… я знаю, вы сейчас скажете, что детей ругать нельзя.

Нет-нет, я спрошу вас, за что вы ее ругаете.

Ну, например, за двойку по поведению.

М-да. Ну, давайте до конца все расскажите.

Каждый раз, когда я ее за что-то ругаю, ну, не кричу громко, но жестко разговариваю, она говорит: «Ты меня не любишь».

Лена, а вы хотите сказать, что в тот момент, когда ее ругаете, вы ее любите?

Ну… конечно.

Что «конечно»? Попробуйте одновременно раздраженно разговаривать с каким-то человеком и чувствовать любовь. Вот я на вас посмотрю. Да вы чего? Вы ее любите в тот момент, когда ругаете?

Ага.

Я попробую поимпровизировать на эту тему. Что является проявлением любви? Я сейчас буду размышлять, а вы около радиоприемников будете либо кивать, либо говорить: «Какой идиот!» Мне кажется, что простейшее проявление любви — это

делать так, чтобы моему любимому человеку было приятно. Подождите со мной спорить и говорить, что бывают разные ситуации. Я и сам это знаю. Но в тот момент, когда мне делают приятно, я понимаю, что человек меня любит. Теперь внимание: когда мне делают неприятно, первый вывод (Елена, проверьте по себе), который я делаю: я раздражаю этого человека, он хочет сделать мою жизнь сложнее, чем она есть, он меня не очень любит.

Но…

Дослушайте. Я знаю, что вам тяжело. Дальше вы выскажетесь. Родители любят такое клише: «Мы все делаем любя».

Но это неправда! Вот смотрите: приходит ребенок и, например, говорит: «Мам, я хочу мороженое». А мама отвечает: «Нет, сначала надо пообедать». Или ребенок говорит: «Мам, я хочу пойти с Ванькой погулять во дворе». — «Не-не-не, сейчас надо сделать уроки». «Мам, я хочу поиграть!» — «Не-не-не, сейчас надо почитать». Елена, это проявление любви — то, что я сейчас перечислил?

Нет, это навязывание наших интересов.

Согласен! С одной стороны, родители, конечно, заботятся… Теперь ваша гениальнейшая девица восьми лет не боится говорить, что думает и чувствует. Поздравляю вас с этим! «Мам, — говорит она, — попробуй со мной по-другому. Когда ты меня ругаешь, мама (озвучиваю я сейчас ее внутренний голос, хотя, может, ошибаюсь), ты меня отталкиваешь. Ты делаешь мою жизнь сложнее».

И сейчас я задам главный вопрос, это такой контрольный выстрел будет: а что такого может делать ребенок в восемь лет, что ему кто-то ставит двойку по поведению? Вот хотелось бы пример, просветите меня.

Ну, например, она ложится на парту и говорит: «Я хочу лежать, мне так удобно. Я хочу повернуться боком, мне так удобно». И это, естественно, выводит учителя.

Нет, это неестественно, что это выводит учителя. У меня для вас и для всех остальных есть сумасшедшая новость: работа учителя — учить детей. Это первый звоночек, что у нас что-то не так с профпригодностью. Дорогие друзья, в восемь лет нормально, если мы ложимся на парту, говорим с места, прыгаем

на одной ножке, бегаем на переменке… Я до сих пор под впечатлением, нам неделю назад одна мама рассказала, что ребенка ругали за то, что он бегал. В школе ему запретили бегать на перемене. Ну это просто бред какой-то. А что дети должны делать?

> Если человека не выпускают на перемену в коридор, это полное безобразие. «Выпускают» — вдумайтесь в это слово. Выпускают! Надсмотрщики выпускают на прогулку заключенных. Изменить это можете только вы. Тут ситуация однозначная, потому что детей обязаны выпускать на перемену. Обязаны. Это требование СанПиН. И на эту тему надо разговаривать. Когда я говорю про СанПиН, я не имею в виду «идите ругайтесь с учителями и пугайте проверками школу». До этого чаще всего не доходит. Просто поговорите об этом по-человечески. Ничего страшного не будет. Не позволяйте, пожалуйста, чтобы ваших детей обижали. Сколько роликов дети должны выложить в интернет, чтобы мы с вами схватились за голову и опомнились? И еще одну вещь про перемены я хочу сказать: нормально, если дети бегают, кричат, играют в догонялки. Детство проявляется именно в этом. Дети не должны ходить по струнке и выполнять любой приказ человека, который сильнее их. Детство — это шумно, детство — это весело.

Я не говорю, что детей ругать нельзя. Вопрос, какого результата вы хотите достичь. Внимание, друзья: ругать детей можно! Но посмотрите на пример Елены. Ее замечательная гениальная дочь отвечает на такое обращение. Она говорит: «Мама, я считаю, что в эти моменты ты меня не любишь». Можно ругать, но довольны ли вы будете последствиями? Значит, это история номер один.

История номер два. Не в том ведь дело, что их нельзя ругать. Проблема в том, что их и так ругают. Вот смотрите: она получила замечание от учительницы, которая, видите ли, не может выдержать, когда у нее восьмилетние дети лежат на парте. Вы простите, что я смеюсь, но я учитель по профессии, более того — директор школы. Ладно, оставим это на ее совести. Значит, вашей девочке от этого плохо. Она приходит домой — и что? Ее жизнь становится еще хуже. Ну зачем? В чем ваша цель? Я рискну предположить, а вы, Елена, меня остановите, если я иду неверным путем. Наверное, вы хотите ее обезопасить, защитить. Потому что если она будет вести себя неправильно, то получит щелчки, «удары». «Я хочу защитить ее…» Ну так поговорите с ней

об этом. Скажите ей: «Дорогая моя доченька, я абсолютно на твоей стороне, я очень переживаю. Более того, я понимаю, что тебе тяжело, раз ты ложишься на парту. Это очень непростая ситуация. Чем я могу тебе помочь?» Я гарантирую вам, что ребенок, демонстрирующий такую смелость и доверие, сформулирует, чем вы можете ей помочь. И не бойтесь ответа: «Пойди и побей учительницу, мама». Она готова будет услышать ваш совет. Ей нужна какая-то помощь. Вы же хотите, чтобы ее жизнь была легче, а не тяжелее? Так зачем же ее делать тяжелее? В жизни наших детей будет немало людей, которые сделают их жизнь сложной или вообще невыносимой. Давайте окажемся единственными людьми, которые находятся на их стороне, даже когда они неправы. Кто сказал, что ей нельзя на парту ложиться? Родители, вы в курсе, что большинство детей делают уроки лежа? Знаете почему? Потому что это очень удобно.

Потому что удобно, да.

Правда же? Я не говорю: идите к учительнице и ругайтесь с ней. Но как минимум давайте окажемся с ней на стороне этой девочки. Надо попробовать себе сказать: «Я совершенно не буду ее ругать». Ну, это смешно — ругать человека за что-то. У вас не те отношения. Наоборот: «Я попробую ей помочь».

Я поняла.

Должен вам сказать, что если человек в восемь лет ложится на парту, он демонстрирует, что устал, правда?

Скорее всего, да.

И в этот момент для учителя самое простое — дать ребенку отдохнуть! А в чем проблема-то? Можно посидеть, выйти в коридор и попить водички, уйти в игровую… Это всего лишь человек, который устал сидеть за партой с ровной спиной и лег на парту. У учительницы должны быть профессиональные инструменты, позволяющие с этим работать. Учитель должен уметь закрутить процесс, чтобы в нем было удобно в том числе вашей дочери. А ваша, Елена, не работа, а забота — сделать так, чтобы она чувствовала себя уверенно в школе и дома. Иначе к переходному возрасту человек может прийти к ситуации, когда ему везде плохо. У него везде земля горит. Он приходит в школу и понимает, что там ему нечего делать. Приходит домой — там его ругают за то, что у него плохи дела в школе. Мы же с вами не хотим, чтобы так было? У нее должно быть место, где она чувствует себя уверенно.

Второй вопрос как раз об этом. Она у меня вообще неуверенная. Я не знаю, что с этим делать.

Интересно почему. Ладно, вы знаете.

То есть все из-за того, что я ее ругаю?

Мой ответ простой: потому что вы ее ругаете. Теперь давайте сами. Давайте устроим проверочную работу по пройденному материалу. Как это связано? Ну-ка, давайте обнаружим связь.

Она боится, что я буду ее ругать за то, что она делает что-то не так.

Справедливо? Вероятно, ваша дочь опасается быть собой. Вот она легла на парту (я полагаю, она не постоянно так делает) и проявила таким образом свою самость, собственный характер, собственную сущность. Ба-бах! — получила по голове за это. Она как человек, который быстро учится, очевидно, усвоила этот материал. В чем он состоял? «На всякий случай не высовывайся, не показывай, какая ты». Ну все. Значит, как она будет выбирать, какой следующий шаг сделать? Давайте подумаем. Внутренний голос, например, подсказывает ей: ляг на парту. Я специально беру сложный для вас пример. «Ляг на парту». Но ее за это ругают. Как ей надо поступить? Не ложиться на парту, а что сделать, когда она устала?

Что-то другое сделать.

Простите, в восемь лет? Ну какое «что-нибудь другое»? Я слышал, что бывают такие учителя (на Марсе, конечно, не у нас с вами), которые требуют, чтобы ребенок поднимал руку, если хочет выйти в туалет. Остановитесь на секунду и подумайте, как это унизительно, когда человек должен просить разрешения пописать. Вот представьте, если мы с вами окажемся в такой ситуации. Тем не менее я слышал, что такие учителя есть. История с туалетом неслучайна. С одной стороны, ребенку восемь лет, он знает, что хочет в туалет. С другой стороны, он человек гордый и не хочет сообщать, куда ему надо выйти, потому что он слышал, что есть учителя, которым мало вопроса «можно выйти?», они требуют, как тюрьме или в армии, объявлять причину. При этом писать он хочет, ему восемь лет. Как ему поступать?

Ну, ребенок, который стесняется, будет сидеть, терпеть.

Теперь вдумайтесь в это на одну секунду. Ну какого черта?

Это неправильно, конечно.

Это базисное право человека — пописать! Извините за эту тему, но речь идет о детях, и мы, как у доктора, говорим правду. Базисное право человека — не есть, когда он не хочет. Базисное право человека — одеться тепло, когда ему холодно, и снять с себя что-то, когда ему жарко. Базисное право человека — выбирать то, чем он хочет заниматься, перед этим научившись, конечно, делать выбор. И уж, естественно, право человека — идти в туалет. Поэтому как мама будьте на стороне своей дочери. Вы бережете ее, возможно, от каких-то поступков; за вами опыт, вы опасаетесь, вы боитесь и т. д. Но я скажу сокрушительную вещь: базисное право человека восьми лет — лечь на парту. Уже со временем мы выбираем, где ложиться, а где не ложиться. Конечно, это может помешать другому человеку, поэтому мы учимся с годами, как другим людям не мешать, как быть свободным, не нарушая свободу другого человека. Что значит быть свободным? Быть свободным — это осознавать собственную свободу, не лишая другого человека свободы. Чему я учусь у человека, который мне говорит: «Хочешь лежать на парте? Нет, ты не будешь на ней лежать! Хочешь играть? Нет, ты не будешь играть! Хочешь читать эту книжку? Нет, ты не будешь ее читать, ты будешь читать другую!»? Я учусь, с одной стороны, быть винтиком, который сам не способен ничего решать, с другой — человеком, который с другими будет взаимодействовать точно так же. Так что, Лен, ладно?

Да, я вас поняла. Спасибо большое!

У нас на связи Ольга из Магнитогорска. Здравствуйте, Ольга!

Здравствуйте, Дима. У меня сын во втором классе учится, ему девять лет. Он получает очень много замечаний по поведению от классного руководителя и от других учителей. У него весь дневник в красной ручке, учитель мне постоянно повторяет: «Поговорите с сыном». На самом деле дома я с ним разговариваю. Я его не ругаю, сажусь рядом, спокойно пытаюсь узнать, почему он так себя ведет. Я понимаю, что он очень эмоциональный, и я верю, что сын вполне может себя вести так, как рассказывает преподаватель. Но у нас еще и учительница очень строгая: все должно быть по правилам, все должны ходить строем… И очень трудно получается. Хочу такой вопрос задать: как я могу помочь своему сыну, чтобы он не конфликтовал с учителем, успокоился, не вел себя так плохо?

Ольга, мы с вами разговариваем эвфемизмами. Давайте скажем конкретно, как он себя ведет. «Так плохо», «плохо», «ужасно» — это как?

«Плохо» — это он кричит, бегает, выскакивает на уроке, выкрикивает что-то, вертится, разговаривает во время урока, а на переменах толкается и даже пинается. Я спрашиваю: неужели правда пинаешь? Объясняю, что нехорошо драться, а ответы у него все время такие: «Они сами виноваты, это не я, меня подставили…»

Я понимаю-понимаю. А скажите, пожалуйста, когда вы говорите «кричит и бегает» — это вот прямо на уроке кричит и бегает или на перемене?

Ну, я так понимаю, что все-таки на перемене. Но на уроке он, бывает, разговаривает с другими детьми на отвлеченные темы.

Просто смотрите, Оль, ответ на вопрос — это происходит на уроке или на перемене — довольно важен. Почему? Потому что после семи лет активно начинает развиваться произвольное внимание. Что это такое? Это то, чем обладают взрослые, мы с вами. Произвольное внимание — это когда я могу специально, волевым усилием остановиться, сосредоточиться на чем-то, что две минуты назад меня даже не интересовало. Поэтому если бы вы сказали, что это происходит на уроке, то это был бы другой разговор. Если он резвится на перемене, то есть тогда, когда он всецело принадлежит себе, это совсем иная история. Я начну с простого — со второго.

Если речь идет о том, что он бегает, прыгает, кричит на перемене, не нанося ущерба себе и другим, тогда нужно разговаривать со строгой учительницей о том, что это время принадлежит ему, да? И вы вместе можете подумать, как сделать так, чтобы дети могли активно проводить время на перемене.

Если же все-таки это происходит на уроке, для начала я бы посоветовал вам сходить к хорошему неврологу. Не потому что я думаю, что он чем-то болен, а потому что бывает такое, что внутри нас происходят какие-то процессы, про которые нам может сказать вот тот самый невролог. Вообще невролог — хороший врач, и к нему в таких случаях наведываться можно. Хороший невролог никогда не скажет вам: «Ну что у вас за распущенный мальчик!» Возможно, выяснится, что вашему сыну действительно очень трудно сосредоточиться, что у него такая особенность, которая называется синдромом дефицита внимания и гиперактивности. И вам дадут какой-то дельный совет. Такое бывает. У меня такая особенность есть, я совершенно точно про

себя это знаю. И со многими такими детьми и взрослыми знаком лично. В общем, это нужно для того, чтобы вы понимали и были уверены в том, что нет чего-то, что мешает ему изнутри.

Если же он время от времени разговаривает на уроке или поворачивается к кому-то, пихает кого-то локтем и говорит: «Что у тебя получилось в задачке?» — это совсем другая история. Тогда нужно и с ним, и с учительницей разговаривать о том, как облегчить ему занятия. С кем ему стоит сидеть вместе? Каким образом ему решать эти задачки? Есть много разных способов взаимодействия с людьми с особенностями. Знаете, в современном мире педагоги понимают, что сегодня все дети с особенностями так или иначе. А может, у этой учительницы много учеников и она не задумывалась о нем ни разу, просто механически говорила вам: «Утихомирьте вашего мальчика». Возможно, после вашего разговора она решит, что раз ему письменно тяжело что-то формулировать, она будет тратить на него пять минут в день и разговаривать с ним. Понимаете?

Да, я вас поняла. По поводу невролога я хотела сказать, что ходила и к неврологу, и к психологу.

И оба…

И что говорит невролог?

И невролог, и психолог сказали, что все в порядке. То есть нет никаких неврологических отклонений или гиперактивности, у него нормальная активность.

Это, к слову, не отклонение, а особенность, я настаиваю на этой формулировке. У него абсолютно точно нет гиперактивности?

Точно.

Тогда мы с вами, Оля, уверенно возвращаемся к варианту номер один, когда, с одной стороны, вы вместе с учительницей стараетесь сформировать для него удобные и понятные рамки, поскольку речь идет о характере. Видимо, где-то он подсмотрел такую модель и теперь транслирует ее во все стороны. А с другой стороны, вы, конечно, продолжаете разговаривать с ним о границах, рамках, о других людях, которые находятся рядом с ним.

Коротенький вопросик такой: а дома совсем-совсем ничего подобного не бывает? То есть это стопроцентный сюрприз — в школе одно, а дома другое?

Да нет, конечно! Нет! Я и говорю, что знаю, какой у меня сын,

да и семья у нас очень активная и физически, и, так скажем, психически. Поэтому я понимаю, откуда это может быть. Но тем не менее мне хочется ему помочь, чтобы он не был в конфликте…

Оль, приведите какой-нибудь домашний пример.

Ну, У него есть сестра — и они часто дома устраивают «разборки»: он ее задевает, обижает, обязательно ему надо толкнуть ее, чтобы она разозлилась или заплакала. Я стараюсь не вмешиваться.

Олечка! Не пойдет, это никуда не годится.

Нет?

Не годится, нет. Мне кажется, что это та самая ситуация, когда вы как мама и как любящий человек должны с ним поговорить. Не когда он поссорился *с* сестренкой, а когда он, наоборот, спокоен. И сообщить ему, что вас это не устраивает, что вы не готовы к тому, чтобы он обижал других людей, потому что вы не обижаете его, не обижаете папу, а папа вас и т. д. Не готовы — это красная черта, которую мы не перейдем…

Границы.

Нет-нет, про границы — это абстрактно, надо ему сказать: «Я — твоя мама, которая тебя обожает. Я чувствую, что у меня все вскипает внутри в такие моменты. Я не готова к тому, чтобы у меня дома такое творилось. Я бы и папе не позволила себя обижать, я бы и себе никогда не позволила обижать тебя». Ответ — «нет». Это тот случай (довольно редкий, к слову сказать), когда «нет» означает «нет». А дальше нужно раз за разом об этом говорить и возвращаться к ситуации. Напоминать ему об этом, когда он, например, приходит из школы. Иногда хватает одного напоминания на ушко: «Напоминаю тебе, мы с тобой об этом разговаривали». Да? Все.

Ага.

Если речь идет о том, что рамки расшатаны, нужно просто вернуть их на место. Самые обычные понятные рамки. На самом-то деле все мы проверяем рамки, правда же? Со взрослыми происходит то же самое. Я не говорю, что мы хулиганы и хотим все нарушать, дело не в этом. Мы всегда нащупываем дно, всегда разводим руки в стороны в поисках стены, той самой рамки.

К нам дозвонилась Эльвира из Вологды, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Я мама с почти двенадцатилетним стажем, у меня четверо детей. Вопрос такой: старший мальчик…

Которому двенадцать, стало быть, да?

Да, почти. Он учится в пятом классе. И не то чтобы это такая проблема, но все-таки хотелось бы посоветоваться с вами: его дневник пестрит замечаниями из-за того, что он отвлекается, разговаривает во время урока, занимается своими делами.

А не делами учительницы, да?

Да-да, но тем не менее аттестат очень хороший, то есть я не придираюсь, у нас нет такой установки — быть отличником.

Ну произнесите — какой, вы ведь сказали, что очень хороший, похвастайтесь, давайте!

Нет, нормальный. Для мальчика нормальный.

Нет, давайте без гендерного унижения. И для девочки нормальный, и для мальчика нормальный.

Хорошо. Несколько четверок, которые могли бы быть и пятерками, скажем так.

Остальные пятерки что ли?

Ну да.

Эльвира, ничего себе какая скромность. То есть у человека, обратите внимание, в аттестате одни пятерки и несколько четверок — «нормально» и «могло бы быть лучше».

Успеваемость хорошая, ну, нормальная с учетом того, что я знаю его лучше всех, то есть у меня даже сомнений не было, что он будет учиться неплохо.

Ну, хорошо, может быть…

Сын немножко старше своих лет, он «родился взрослым», я это так называю, поскольку он не сюсюкался, серьезный такой товарищ. Когда он пошел в первый класс, учительница выделила его среди других и сказала, что может разговаривать только с ним.

Подучиться бы учительнице говорить со всеми детьми. Ну ладно, пропустим. В чем вопрос-то?

Вопрос такой: как мне своему любимому и дорогому сыну

сказать, чтобы он делал вид, что увлечен уроком и слушает?

А зачем?

Да чтобы элементарно не срывать урок. Урок длится сорок пять минут, и я понимаю учителя — обычная школа, человек тридцать в классе, то есть ей надо выдать программу каждому: Иванову, Петрову и Сидорову. Кому-то она легко дается, кому-то сложнее, вот и он наверняка там что-то упускает.

Подождите, мне кажется, у нас пошла какая-то драматургия. Одно дело, что она пишет: «Он отвлекается…»

Или смеется и отвлекает других. Таких замечаний много.

Это все довольно смешно. Да, он отвлекается, ну и отлично, чем это мешает учителю? Это не мешает ему в этот момент давать Иванову, Петрову, Сидорову какое-то задание. Что не так-то? У него пятерка по математике, мы хотим, чтобы у него была шестерка?

Тут немного другой момент. Надо понимать, где ты находишься.

Да он понимает! У него не было бы пятерочного аттестата, если бы он плохо понимал, где находится. Нам, взрослым, особенно родителям, нужно понять, чем мы можем ему помочь и что так, а что не так. Чем ему заниматься? Давайте я встану на его сторону: у него пятерка по математике, он все понимает, и вот объясняют его однокласснику какой-то материал. Мы хотим, чтобы ваш мальчик в этот момент сидел сиднем? Делать-то ему что? Поэтому он отвлекается.

Это не совсем так. Есть что послушать, не настолько он выше всех и прям все знает.

Эльвира, давайте я стану адвокатом дьявола: ну зачем? Он уже получил пятерку.

Хорошо, замечания пишутся в дневник кому? Не ему, ародителям. Учитель в этой ситуации как бы кричит: «SOS, я не справляюсь, обратите внимание, проведите работу».

Отлично.

А если дневник не меняется и продолжает пестреть красными чернилами, значит, мамочке некогда, у них многодетная семья, наверное, не доходит до старшего.

А вы не любите красный цвет?

Да нет, тут дело не столько в красном цвете, сколько… вот.

Что про вас будет думать учительница? Что «вот», Эльвира? Что вас так мучает? У каждого из нас есть своя функция. Чего от вас ждет учительница, которая пишет, что «ваш сын отвлекается»?

Насколько я понимаю, она хочет, чтобы я подогнала его под определенные рамки.

Правильный ответ — «нет».

То есть делать вид, что ему интересно и просто молчать.

Чтобы что? Чтобы потом он сделал вид, что ему нравится жить с человеком, которого он не любит, и остался с ним навсегда? Чтобы в университете он сделал вид, что ему нравится выбранное направление, и не поменял профессию? Зачем?

Обратная сторона нашей с вами темы заключается в том, что он должен понимать, как не мешать другому человеку. Как-то нужно научиться договариваться. Между прочим, может, вам будет интересно, сейчас нам пишет слушатель: «Вам дать телефон британской школы, где учится мой сын? Его постоянно оставляют после уроков за то, что он отвлекается и тем самым, по словам учителя, отвлекает других. Учится он на отлично, но существуют правила, и я не пойму, о чем вы? Может быть, вы урегулируете это с ними». Не знаю, что имеется в виду в последней фразе. Правила, конечно, существуют, но для того, чтобы они заработали, их хорошо должны понимать те, кто их соблюдает. Это очень важно. Это правда, если мы придем в театр и будем кричать во время представления, нас попросят уйти. Только в театр мы пришли по собственному выбору, а в школу нас чаще всего приводят, иногда заставляют прийти, поэтому у нас остается только один инструмент — объяснять и договариваться. Нет другого инструмента, ничего не поделаешь. Значит, мне кажется, надо включать в этот диалог учителя и не бояться разговаривать на эту тему. Чем может заняться ребенок, когда уже понял материал? В библиотеку сходить почитать, самостоятельно поучиться, кому-то другому помочь — много есть вариантов, намного больше одного. Но в тот момент, когда учитель пишет: «Ваш сын отвлекается», что я могу сделать как родитель? Выпороть ребенка? Сказать ему «не отвлекайся»? Он знает, что не надо отвлекаться. Он же живой, он отвлекается, потому что ему скучно, ему что-то кажется более важным.

Я думаю, что мальчика ругать не за что. О чем с ним нужно говорить? О том, как договариваться, находить компромисс, как делать так, чтобы его жизнь проходила не зря и чтобы при этом он не мешал другим людям. Обсудить это можно абсолютно

точно. Теперь смотрите, я уже не для вас, а для всех добавлю: очень часто, когда мы разговариваем на эти темы, нет-нет да кто-нибудь скажет или напишет: «А что же, детям все позволять? Бывают же такие дети, которые на самом деле терроризируют весь класс». Да, такие дети бывают, но ответственность за них несем мы с вами (мы — их родители и учителя). Эльвира, если бы вы рассказали мне о том, что ваш сын всех бьет, материт учителя, орет, хулиганит, поверьте мне, я бы точно посоветовал вам придумать, как оградить этого юношу от класса, а класс от него. Это работает в две стороны. Но вы рассказываете мне про абсолютно нормального живого молодого человека. Пусть он будет счастлив.

Спасибо!

У нас Елена на связи. Здравствуйте, Елена!

Здравствуйте! У меня сын-второклассник, ему восемь лет. Сложилась такая ситуация: он подрался в школе с мальчиком, с которым у него уже больше года конфликт, мальчик был госпитализирован. Через два дня у моего сына случилась другая стычка: он забрал дневнику девочки, девочка стукнулась, еще раз вызвали скорую. В общем, обвиняли меня, угрожали полицией. Когда я отдавала ребенка в школу, то полагалась на педагогический опыт, на школу и на то, что детей надо растить, а не воспитывать. А теперь, когда сложилась такая ситуация и я все услышала из уст учителя, мне стало страшно. Я поняла, какие люди преподают нашим детям, с какими учителями им приходится взаимодействовать, какие мысли те вкладывают в их голову. Поэтому передо мной сейчас стоит выбор: поменять учителя или на крайний случай поменять школу (она специализированная).

В чем ее специализация?

Французский язык. Это узкопрофильная школа, и мне не хочется потерять два года изучения французского языка. Ему нравится, он такой увлеченный мальчик. Хотела узнать по поводу преподавания, наша учительница всегда говорит: «Драк у нас в школе не было и быть не может, даже если это мальчики, им это непозволительно». В нашей школе вызывают практически по каждому поводу, мамы туда ходят как на работу, в том числе и я, даже самые мельчайшие конфликты не решаются на уровне школы,

они решаются именно на уровне родителей. То есть если ребенок крутится на уроке, это моя и только моя незаинтересованность в его учебе.

Я понял. Если ребенок крутится на уроке, значит, ему есть на что посмотреть. Больше это ничего не значит. Слушайте, а что по этому поводу говорит ваш сын? Хочет он остаться в школе или нет? Что он предлагает?

Он хочет остаться, доверяет авторитету своего учителя. Теперь он, конечно, сомневается в ее словах, потому что на переменах, где запрещено бегать и играть в смартфоны (их отбирают), где совсем не организован отдых, у него случается истерика, он говорит: «Мама, я буду тихо сидеть на перемене, чтобы случайно кого-то не ударить. В телефон я играть не буду».

Я боюсь давать вам прямые советы, но, безусловно, я бы взвесил возможность ухода в другую школу или к другому учителю. Французский язык, если он будет им интересоваться, он выучит с бешеной скоростью через четыре-пять лет, ничего страшного, вы ничего не потеряете по времени. Но человеку должно быть комфортно, он в школе проводит очень много времени. Знаете, есть такое клише: школа — это второй дом. В определенном смысле это действительно второй дом, ребенку должно быть там спокойно и комфортно.

Дети, в отличие от нас, выбирающих в большинстве своем работу самостоятельно, не решают, идти им в школу или не идти, их действительно очень часто туда приводят, потому что так нужно. Они имеют полное право чувствовать себя комфортно в школе. Дерутся они, когда им некомфортно, неудобно, плохо. Когда мы деремся? Когда у нас нет другого инструмента, чтобы решить какой-то вопрос. Может быть, ваш сын пока не владеет этими инструментами, может, он чувствует, что пока не в силах объяснить свою позицию другому человеку как-то иначе. На сто процентов это находится в руках взрослых, во всяком случае на девяносто три процента точно. Как сделать так, чтобы дети овладели новыми инструментами? Многое приходит из дома, но, как мы понимаем, не все. Это и называется социализацией.

> В последнее время к нам поступало несколько примерно одинаковых обращений. «Дима, большое спасибо, дома стало намного лучше, но дело в том, что у нас параллельно возникли кое-какие проблемы со школой». Одна мама написала: «Дима, что же нам делать? Учителя ведь не слушают вашу передачу!» Во-первых, возможно, учителя слушают. Во-вторых, я

хорошо понимаю, о чем вы говорите. Конечно, в семье все происходит намного быстрее. Как многие из вас говорят: «Мы попробовали, и вдруг получилось не напрягаться, получать удовольствие от общения. И выяснилось, что мы ничего не потеряли при этом. Существует и порядок, и семейные традиции, семейная культура. Ничего не нарушено». Школа как будто тоже должна к этому подтянуться. Все не так просто. Дело в том, что человек, особенно в так называемом подростковом возрасте, долго привыкал к определенной системе общения. Он долго учился выполнять чужую волю, подчиняться, не всегда высказывать свое мнение, а если и высказывать, то очень часто не в той форме, в которой хотелось бы. Что же делать? Нужно набраться терпения и действовать в соответствии с вашей верой, когда уместно сказать: «Делай, что должен, и будь что будет». Иногда учителям нужно что-то сказать. Собственного ребенка хорошо бы защищать. Очень важно задавать ему рамки и помогать. Если он возвращается домой и говорит: «Мам, я сказал Марье Ивановне, что думал, а она мне: „Закрой рот, твое мнение никого не интересует“», это ничего. Раз за разом надо искать формы, чтобы его мнение было услышано. С Марьей Ивановной тоже стоит, конечно, поговорить. Спокойно. Помня о том, что у нее длинная жизнь. Она тоже много к чему привыкла. Но я абсолютно уверен, что когда человеку спокойно дома, он чувствует в семье любовь и поддержку, в школе тоже все налаживается. Это не может произойти по мановению волшебной палочки, по щелчку, но произойдет непременно. Потому что большинство учителей на самом деле верят в свою профессию и очень хотят того же самого человеческого общения и тепла.

Следующий момент: вы упомянули, что в школе на переменах нельзя бегать. Тут я поднимаю брови — как это нельзя бегать? Детям нужно бегать! Это шумный такой народ, понимаете? Черепаху Тортиллу помните?

Будь веселым, дерзким, шумным.
Драться надо, так дерись.
Никогда не знай покоя,
Плачь и смейся невпопад…[1]

Я сейчас перечислил все, что обычно запрещают нашим детям. Итак, если вашему сыну некомфортно, первое: взвесьте возможность изменения среды, то есть школы; второе: попытайтесь понять, что с ним происходит, почему он использует именно такие инструменты. Я уверен, что у вас с ним отношения, позволяющие говорить друг другу правду, рассказывать о себе. Поговорите с ним в комфортной для него обстановке, тогда он поделится с вами, объяснит, что не так.

Трудно быть учителем

Здравствуйте, Дима! У меня сегодня был первый рабочий день в школе. Я учитель ИЗО, веду уроки у пятого и восьмого класса. Столкнулась с полным безразличием к предмету. Они нагло переговариваются^, ржут, смотрят в гаджеты. Я пытаюсь говорить, но мой голос теряется в этом шуме. Я слегка в шоке. Понимаю, что нужно увлечь и заинтересовать, но когда я им задала принести к следующему уроку краски, они мне объявили, что делать этого не хотят и не собираются. Боюсь, справлюсь ли. В учительской мне говорят быть пожестче. А что посоветуете вы?

Значит, учителя, которые советуют вам быть пожестче, как раз и сделали так, что дети ведут себя таким образом. Именно они виноваты в этом. Детей приучили к тому, что если на них не орут, если их не унижают, то они в определенном смысле перестают быть нормальными людьми. Это ведь надо довести их до такого! Кто это сделал? Коллеги. Уверен, что не все, в вашей школе наверняка есть прекрасные педагоги. Но, к сожалению, учителя часто бывают сторонниками позиции «если я не заору, меня не услышат». Дескать, если я не буду держать их в ежовых рукавицах, они мне на голову сядут. Это же нечеловеческая позиция. Человеческая позиция — когда мы сидим и как люди разговариваем.

Поэтому должен вам сказать: к сожалению, моя позиция или мой совет будет прямо противоположным. Придумайте такой урок, на котором вы сможете сесть и поговорить с ними. Это непросто в большом классе. Возможно, вам придется объединить учеников в маленькие группы. Возможно, вам придется задать какой-то материал или такой дискурс, при котором им было бы интересно друг с другом. Возможно, в тот момент, когда они объединятся в группы по три-четыре человека (вы как профессионал, конечно, понимаете, о чем я сейчас говорю, правда?), напряжение в малой группе спадет. Они поразятся тому, что могут разговаривать просто как люди и тому, что появился учитель, который не воюет с ними, а ищет человеческую систему координат, человеческие инструменты для взаимодействия с ними

Я — учитель литературы. Не хочу сейчас открывать этот ящик Пандоры, но иногда школьная программа по литературе отвращает от чтения. Это связано с тем, как она устроена, как подается, что в ней нет, например, Пинака, которого читают дети во всем мире в возрасте

до четырнадцати лет. Моя главная претензия в том, что с первой секунды дети попадают в ситуацию, когда читать трудно, скучно и рано. Мы предлагаем им программу по литературе, составленную и зафиксированную в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Такое ощущение, будто сейчас ничего не пишется и ничего не происходит. И потом мы удивляемся, почему же они как окончили школу, так и перестали читать Александра Сергеевича Пушкина. Литература в первую очередь должна быть понятна. С этого во всяком случае нужно начинать.

.

Это довольно длинный разговор, поэтому, извините меня, пожалуйста, за саморекламу, есть такая книжка, которую давным-давно мы с женой написали, называется она «Современное педагогическое искусство. Азбука НО». «Азбука НО» — это азбука неформального образования. Я уверен, что вы найдете ее в интернете. Эта книжка, в отличие от всех остальных моих работ, написана для учителей. В ней описаны те инструменты, которые вы ищете. Почитайте, посмотрите. Я думаю, что ответ вы найдете. Удачи вам огромной, потому что меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы вы ушли из школы. Учителя, у которых, как у вас, болит душа, должны оставаться и преподавать. Просто вам нужны другие инструменты. Вы их непременно найдете!

Марина из Санкт-Петербурга на связи. Здравствуйте, Марина.

Здравствуйте, Дима. Как мама пятилетней дочки должна сказать вам огромное спасибо! Я вас читаю. Дочку стараюсь любить, не воспитывать.

Уверен, что у вас это прекрасно получается.

Я очень стараюсь. У нас коллективный вопрос. Мы с коллегами хотим у вас уточнить (мы преподаем английский язык в питерской школе): все-таки насколько велика наша роль в воспитании учеников?

Ведь невозможно учебный процесс совсем отделить от воспитания. Каким-то образом мы же все равно…

Конечно, велика.

Можно услышать ваш ответ?

Да, конечно. Мне кажется, что наша роль в воспитании огромна, и главный пример, который мы можем дать своим ученикам, — показать, как любить свою профессию и как владеть ею мастерски. Только от нас зависит, будет ли ученику интересен и важен английский язык, математика или любой другой предмет, от нас зависит, поймет ли он, что литература может открыть для него новые горизонты. Кто же тогда воспитатели, если не мы?

Когда я позволяю себе бросать камни в нас и, соответственно, в себя самого? Когда вместо того, чтобы пользоваться удивительными творческими инструментами нашей профессии, мы используем какую-то дрянь, извините за выражение. Когда мы демонстрируем, что не способны вести диалог с классом, потому что для того, чтобы его вести, нам необходимо всех заткнуть. Когда кичимся тем, что мы учителя и поэтому нас нужно приветствовать торжественным вставанием, прямо как в политбюро советского времени, понимаете? А сами на деле не можем построить личностный процесс взаимодействия. Мы забываем, что человек учится в тот момент, когда ему комфортно, когда он личность и когда он может поговорить с училкой (извините меня за это слово, я в первую очередь себя так называю) на человеческом личностном уровне. Если это будет на личностном уровне, то она, конечно, ученика формирует. У нас и у наших слушателей наверняка в жизни бывали учителя, которые стали для них важнейшими людьми в жизни. Важнейшими, потому что они демонстрировали определенный уровень нравственности, определенный способ мышления и т. д. Должны ли мы поймать ученика и силой заставить его вести себя так, как нам хочется? Нет. В этом и есть пример. Так что если мы используем слово «воспитатель» с этой точки зрения, то, конечно, да, мы воспитываем. Дети проводят с нами, как вы понимаете, больше времени, чем с родителями. И если в школе принято унижать слабого, орать друг на друга, подсиживать, объединяться большинством против меньшинства — то этому их научили мы, понимаете? Эта сила у нас в руках. Мы можем научить и прямо

противоположному. Как понять, хорошо педагоги работали или плохо? Посмотреть на мир через десять лет. И если через десять лет нам с вами в обществе приятно жить, тогда мы большие молодцы и заработали похвалу друг от друга. Я ответил, Марина?

А как провести границу?

Какую?

Личного пространства. Как наладить личный контакт с учеником и не перейти эту тонкую грань?

А нет никакой тонкой грани. Это другая сторона медали.

Я всегда попадаю в эту ситуацию, и ученики перестают видеть во мне некий авторитет.

Я уверен, что это не так. Учитель — это такая профессия. Действительно, часть наших инструментов — это личностный процесс. Приведу простой пример: учитель не должен позволять себе делать ученику замечания на тему его внешности. Может быть, лично в сторонке, но публично — никогда, потому что в противном случае мы можем перейти эту грань, и он начнет делать такие замечания нам. Учитель не должен говорить ученику: «Закрой свой рот просто потому, что я учитель». Но может сказать: «Смотри, старик, это мой урок, на моем уроке мои правила, да?» Это как в театре — что бы ни происходило, не приветствуются вставание в середине действия или крики из зала. Человека попросят покинуть зал. Так и в нашем случае. Так что здесь грань понятна. Мне кажется, вы свое личное поле знаете. Если мы не вторгаемся в их личную жизнь, мы получаем право сказать: «Дружище, это красная черта, прости, я не готова». Пойдет?

Ужасно трудно. У меня восьмой класс, четырнадцать лет, и мы очень сложно этот год переживаем. Они взрослеют. Я уважаю их мнение, но они не хотят жить по правилам классной комнаты.

По правилам классной комнаты и не надо, а по вашим — вы имеете право. Заявите это как свой спектакль: «Это мой сценарий, ребята, здесь — красная черта».

Школу вместе выбирать или нет?

У нас на линии Дарья из Новосибирска. Здравствуйте!

Здравствуйте! Моему старшему сыну семь лет, нам предстоит идти в школу. И я хотела бы задать вопрос: стоит ли мне такого не очень взрослого ребенка спрашивать, будет ли он выбирать форму обучения? То есть можно обучаться в школе, но сейчас очень популярно семейное образование, когда родители не водят в школу, учат дома. Как мне сделать правильный выбор?

Если бы я сидел в шляпе, я бы ее снял перед вами. Мне кажется, так здорово, что вы об этом спрашиваете. Мой ответ: конечно, с ним надо советоваться. Конечно, школу надо выбирать вместе с ребенком! Форму обучения, если вы колеблетесь, тоже, но и саму школу. Знаете, очень часто спрашивают: «А как он выберет школу?» А вот так: вместе с вами выберет. Подумайте, какое это серьезное дело. Давайте я об этом поговорю, а потом и про форму обучения, если захотите.

Школу выбирать, друзья, дело сложное и простое одновременно. Для начала нам с вами нужно сформулировать, что мы вообще ищем, чего хотим. После этого в большинстве случаев оказывается, что школ, из которых вы выбираете (если вы по-честному сформулировали), не так уж и много. А дальше нужно в эти школы идти. В некоторые школы вас не пустят, тогда нужно договариваться, нужно смотреть, как выходят из школы дети, нужно разговаривать со старшеклассниками, задавать им вопросы (они много чего вам расскажут), нужно общаться с мамами, которые выходят с детьми из начальной школы, и им задавать волнующие вас вопросы. И потом, конечно, обсуждать это с ребенком. Когда останется две-три школы, тогда уже нужно с ним идти и смотреть и объяснять ему, на что мы смотрим и как выбираем.

Что касается выбора формы обучения: если вы уже можете сформулировать и для себя, и для него, в чем плюсы, а в чем минусы каждого из этих направлений, тогда все прекрасно, разговаривайте с ним, он вам точно подскажет, как минимум даст пищу для размышлений.

Он уже выбрал форму обучения, но, мне кажется, он не до конца осознает. Я пытаюсь ему доверять, но чувствую, что он не совсем понимает…

Он не до конца понимает, это правда. Он не пробовал этого. Ну а что выбрал-то?

Ну, естественно, выбрал семейное образование. Чтобы рано не вставать. То есть он-то в своем мире это видит, а я вижу немножко наперед.

Слушайте, а скажите мне, почему вы выбираете семейное образование? Давайте мы про вас поговорим.

Хорошо. У меня это, так скажем, идет от противного. Чтобы не ездить далеко, мы выбрали ближайшую к дому школу, особого выбора у нас не было. И я нашла там все то, чего боялась: обязательную форму, запрет на выход в туалет во время урока и т. д., то есть все признаки советской школы. Я как будто на другой планете оказалась. Родители там друг другу говорят: «Вот, надо с ними пожестче», у меня от этого просто шок, может быть, я как-то неправильно к этому отношусь?

А мы же с вами понимаем, что формы домашнего обучения бывают разные? Что домашнее обучение — это необязательно вставать в одиннадцать часов и ложиться в час ночи?

Да-да-да!

Это необязательно что-то делать время от времени. Правда же, мы понимаем, что таких людей, как вы, немало? Что эти люди могут собраться вместе и что учебная группа тоже является домашним обучением? И в группе может быть не один человек, а пять? И учителями необязательно должны быть родители? Мы все это понимаем?

Да, я все об этом узнала и прочитала. У нас есть такие группы, и даже не одна и не пять. Я правильно понимаю, что, грубо говоря, мы можем попробовать? И если нам эта форма обучения не подойдет, то у нас всегда будет возможность вернуться в школу?

Золотые слова. Вообще я должен вам сказать, Дарья, что по чудесному российскому закону об образовании (я сейчас не иронизирую и в очередной раз говорю, что в России чудесный закон об образовании) вы выбираете, понимаете? Так что смело выбирайте. Станьте уже заказчиком и выбирайте.

У нас на линии Мария из Санкт-Петербурга. Здравствуйте.

Здравствуйте. У меня дочка пошла в первый класс и по состоянию здоровья часто находится на домашнем обучении. Я думаю, продолжать ли домашнее обучение? Есть еще один очень важный момент, который влияет на ситуацию. Когда я училась, у меня со школой отношения не сложились. Мне не повезло.

До девятого класса у меня были очень сложные отношения с классным руководителем. Мне помогала музыка, я занималась в музыкальной школе. Очень много времени ей уделяла. В школе мне говорили:

«По математике ты не успеваешь, ты плохая!» И, понимаете, в девятом классе я оттуда ушла, всю школьную программу освоила самостоятельно, окончила школу на одни пятерки, поступила в юридическую академию, затем в МГИМО в аспирантуру. Но эти девять лет мне не хотелось ходить в школу, и мне там скорее мешали. На мою будущую жизнь повлияли именно учителя из музыкальной школы. Хорошо, что я смогла найти в себе силы сохранить себя как личность. У меня была одна учительница по истории, которая в меня очень верила, которая меня любила, а вот другие педагоги всегда говорили: «Ты не входишь в рамки, ты какая-то не такая!» Вопрос: может, действительно лучше ребенка перевести на домашнее обучение, чтобы она больше времени уделяла тому, что ей интересно?

Я боюсь, нас с вами обвинят в том, что мы знакомы и сговорились. Я подговорил вас позвонить в эфир. Скажите, что это не так, я вас умоляю!

Это действительно случайность. Просто такой пример. Человек, на которого общеобразовательная школа повлияла отрицательно.

Представляю, что сейчас будет, когда я это произнесу, но на большинство людей общеобразовательная школа повлияла скорее отрицательно. Подождите, не готовьте тухлые помидоры. Я совсем не буду кидать камни в ваше детство! Но это огромный кусок жизни. Представьте человека, которому восемнадцать лет. Знаете, сколько школа заняла времени в его жизни? Большую часть его детства! Полжизни прошло в школе, правда? Если он задаст себе вопросы: «А зачем это было? А могло ли быть иначе?» Большей частью в ответ он, к сожалению, услышит: «Ты что, дурак такие вопросы задавать?», или «Как ты смеешь?», или «Закрой свой рот!» Мы ничего ему предложить не можем, вот в чем штука! Поэтому я очень благодарен Марии, что она в очередной раз предлагает окунуться в эту тему!

Относительно домашнего обучения попробую ответить конкретнее. Вы спрашиваете: «Может быть, лучше домашнее обучение?» Я отвечу осторожно: «Может быть». Кому это решать? Конечно, вашей дочери! Естественно, с вашей поддержкой, потому что в этом и заключается родительская роль! Ваша дочь абсолютно точно понимает и знает, что для нее хорошо, а что плохо! Как лично я отношусь к домашнему обучению? Если человеку плохо в школе, то любой имеет право на счастье и комфорт! Вы абсолютно правы. Если мы говорим про пресловутую социализацию, то дома у нее будет хороший учитель, будет время сходить в Эрмитаж, на кружок, в секцию, будет время почитать и т. д. Что в этом может быть плохого? В общем, проверяйте и

советуйтесь с ребенком!

Между тем Фарида из Казани ждет нашего разговора. Фарида, здравствуйте!

Добрый вечер, Дима! У меня есть племянник Влад, ему девять лет, я его очень люблю. В этом году он с родителями перед самым сентябрем переехал в другой город, и его мама, то есть моя сестренка, не отдала ребенка в школу. Она решила, что ему лучше учиться дистанционно. Мы все были в шоке, она нас просто убила. Сходила первый раз, послушала, посидела с ним. Там учитель, все официально, за это она заплатила какие-то деньги. Племянник очень заинтересован: уроки делает, все нормально. Но мы боимся, что ребенок замкнется. Он целыми днями сидит дома, на улицу не ходит, потому что это другой город, друзей, знакомых нет. Я у него спрашиваю: «Почему гулять не ходишь?» Он в ответ: «А там одни малыши». Вообще не ходит гулять. Как нам быть? Как себя вести? Есть ли будущее у этого дистанционного обучения?

Я думаю, что ничего плохого в домашнем обучении нет, более того, зачастую домашнее обучение лучше, чем обучение в школе. Не говорю, что лучше всегда, но говорю, что бывают такие ситуации. Если он сидит дома с утра до вечера, то вы озабочены не зря, есть в этом что-то не то. Потому что друзья нужны и в новом городе из дома надо куда-то выходить, знакомиться и т. д. Надо бы этим озаботиться, вместе с его мамой подумать, какие в этом городе есть кружки, музеи, секции, тусовки, извините меня за это слово. Вы абсолютно правы — он должен выходить из дома, но социализация совершенно не обязательно проходит только в школе. Знаете, как в музее социализируются? А в каком-нибудь театре? В детском кружке или где-нибудь еще? Надо подумать, что вы можете дать ему кроме учебы, и у него обязательно появятся друзья. Лучшие друзья многих моих знакомых совсем не из школы.

Год подождать или сейчас отдать?

У нас Леонид из Москвы. Здравствуйте!

Добрый вечер! У нас с супругой две дочки, старшей в сентябре будет шесть лет и семь месяцев. И вот мы с женой спорим — отдавать ребенка в школу или не отдавать. Старшая дочка с трех лет ходит в подготовительную садик-школу. В ней детям прививают усидчивость, учат их читать, и мы, в общем-то, довольны… не зря потраченное время. Младшая дочка тоже стала туда ходить. И вот хотелось бы просто услышать ваше мнение, Дим, как поступить в этой ситуации?

Во-первых, по закону дети, которым исполняется семь лет до первого января, могут идти в школу в предыдущий год. В вашем случае ей не исполняется семь лет до первого января. Вас, вероятнее всего, не возьмут. Это я про закон вам рассказываю. Во-вторых, если ей комфортно, если она не говорит: «Пустите меня в школу, у меня туда идут все подружки, там меня ждет чудесное будущее!», то я бы не торопился.

Онлайн-школа

С нами Ольга из Санкт-Петербурга. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моей дочери четырнадцать лет. Мы хотим перейти в онлайн-школу. Вот хотела бы услышать ваше мнение — хорошо это или нет?

Смотря в чем ваша цель. Почему вы вдруг решили рассматривать такой вопрос?

Объясню. У ребенка не получается усваивать информацию в классе. Уже сейчас возникла достаточно сложная ситуация: она не успевает записывать за преподавателем, поэтому записывает уроки на диктофон, потом дома пытается их слушать. В общем, получается так, что шесть часов в день пропадают зря.

А скажите мне, пожалуйста, в онлайн-системе она успевает? Вы попробовали? Ей комфортно?

Там можно послушать еще раз, остановить. То есть вопрос в темпе подачи материала. Если я сама с ней занимаюсь и объясняю те темы, которые они проходят в школе, она их усваивает. У нее другая скорость.

Слушайте, Оль, я думаю, что не надо решать этот вопрос так сразу. На носу зимние каникулы. Посвятите два дня этих каникул (но так, между делом) такой проверке: возьмите какой-нибудь материал — и пусть она попробует его пройти, пусть поймет, как он усваивается в ее темпе. А потом уже принимайте решение. Зачем заранее все решать? Попробуйте, это, правда, важно.

Просто в этой четверти нам грозит неаттестация по нескольким предметам. Ситуация катастрофическая.

Она в каком классе учится — в девятом или в восьмом?

В девятом.

В девятом — это похуже, чем в восьмом. А чего это она в четырнадцать лет в девятом классе? Как-то рановато вы ее в школу отправили.

Да, я все думаю, что очень неправильно поступила.

Она декабрьский ребенок — пошла в школу раньше.

Ладно, бог с ним — правильно, неправильно. Этот месяц ничего не решает. Неаттестация. Аттестацию ей в любом случае надо получать либо в школе, либо виртуально, какая разница. У

вас есть возможность попробовать и так, и так.

А может быть, это связано с какими-то проблемами в развитии мозга, еще с чем-то? Почему такое происходит?

Не знаю. Это точно не я определяю. Хорошо бы сходить к неврологу. Мой ответ таков: не торопитесь, не будьте столь категоричны. Просто попробуйте.

Она может совершить ужасную ошибку!

Алексей из Москвы, здравствуйте!

Добрый день!

Моей дочери тринадцать лет. Сейчас она учится в седьмом классе, в школе с физмат уклоном. Школа сильная и тяжелая, но ей, слава богу, хватает мозгов нормально учиться. Параллельно дочь занимается спортом и ходит на него с удовольствием. Но почему-то… то ли возраст такой, то ли влияние подруг, которые не справляются в этой школе и собираются уходить в другие, более простые, у моей дочери тоже настал какой-то кризис: «Либо убирайте меня из спорта, либо переводите меня в простую школу, не хочу тем и тем заниматься». Хотя еще раз повторюсь: она не просто без проблем, а вообще абсолютно нормально учится и спортом занимается по три-четыре раза в неделю. В физматшколу она ходит по одной простой причине: это сильная школа, и после нее люди без проблем поступают практически во все вузы.

А потом они, поступив в вузы, становятся счастливыми?

Я даю дочери полный карт-бланш. Мы с ней сейчас ходим по разным вузам, смотрим…

Подождите, Алексей, я вас прерву. Вы ей даете карт-бланш или считаете, что ей нужно продолжать заниматься спортом и оставаться в физматшколе?

Спорт нужен в первую очередь для здоровья. Физматшкола нужна, если она.

Для здоровья нужен не спорт, а физкультура. Для здоровья надо заниматься какой-то физической нагрузкой.

Ей самой нравится, то есть она с удовольствием даже больная встает и идет на тренировки.

Это аргумент! Нравится самой — для меня аргумент. Так, переходим дальше. Физматшкола.

Абсолютно нормально учится, сама туда поступила. Это одна из немногих школ, в которые можно попасть, только сдав внутренний экзамен. Вот она его сдала и поступила, уже третий год там учится. Учеба в этой школе начинается только с пятого класса.

Алексей, ну смотрите: ваша замечательная дочка тринадцати лет говорит вам практически следующее: «Мой дорогой папа, я очень тебя люблю, очень тебе доверяю, но услышь меня, пожалуйста: мне сейчас тяжело». А в ответ (не обижайтесь на меня, Алексей) вы говорите: «Да ты что, я знаю, что на самом деле тебе легко. Не волнуйся, ты у меня молодец…» Она такая: «Пап, мне трудно, я не могу. Не хочу сейчас заниматься и тем и другим». А вы: «Да ладно тебе, давай полазаем по сайтам, поищем университет, все будет отлично!» Она снова говорит: «Пап, ну остановись, услышь меня».

Это, конечно, была драматургия. Не знаю, так это у вас устроено или не так. Но я абсолютно точно знаю два факта: ваша дочка (может, под воздействием подружек, а может, и нет) говорит вам: «Папа, я хочу ослабить одно из двух», и вы в этот момент как человек безусловно любящий говорите ей: «Дорогая, забей, делай то, что я скажу». Это не очень правильно, тем более что вы мне кажитесь человеком очень заботливым, которому небезразлично, что с ней происходит. Так, может быть, вы могли бы остановиться, выбрать подходящее время и поговорить? Начните со слов: «Давай попробуем понять, в чем тут дело». И она вполне может вам ответить (и имеет на это право): «Пап, я ничего не должна тебе объяснять, я просто не могу больше, не хочу больше, потому что.»

У меня маленькое дополнение. Дело в том, что видя математический склад ума моей дочери, я предполагаю следующее: сейчас она просится в простую школу, но учась уже третий год в математической, она и не подозревает, что, перейдя в простую, получит в два раза больше таких гуманитарных предметов, как литература, история, география и прочее, по которым она не очень хорошо успевает. Ну не то чтобы не успевает, но она не сильна в этих предметах. Она гораздо более сильна в математике, физике и в других точных науках.

Откуда вы знаете?

Я вижу, как она решает задачи. Я кандидат наук и понимаю, о чем говорю. Я вижу, какой у нее склад ума.

Вы видите, как она решает задачи… Давайте так. Я уверен, что она очень умная девочка. И вы в этом уверены. Она сама поступила, говорите вы, там был внутренний экзамен. Теперь надо решить: если мы с вами относимся к ней как к человеку умному, то, безусловно, в тринадцать лет она уж точно способна сопоставлять факты — с математическим-то складом ума — и принимать какие-то решения. Значит, Алексей, у вас есть

удивительный шанс оказаться в ее глазах замечательным папой, которым вы де-факто и являетесь, а именно: помочь ей сделать выбор, если ей ваша помощь нужна, и — внимание — принять ее решение и промолчать, если ваша помощь не нужна. Ведь наша роль в чем заключается-то? В том, чтобы сделать ее сильнее. Когда она говорит: «Пап, я хочу уйти в простую школу», то что мы с вами очень часто видим? Я не знаю, может, насчет вас я ошибаюсь, но у меня такое бывало со старшими детьми — мы видим, что она совершает сумасшедшую ошибку, что она точно будет жалеть. У меня включается родительский инстинкт: я должен ее спасти, я должен ей помочь, я должен ее направить на верный путь. Но ведь мы с вами не можем быть совершенно уверены в том, что путь, нами выбранный, верный, что наша помощь ей нужна, что этот путь направит ее именно в том направлении, в котором ей нужно. Если она действительно такая умная (а я уверен, что это так), то пусть она сама и решает, а вы в этот момент будьте рядом и поддержите ее.

Понимаете, идя на поводу у своих подруг, она хочет поступить не просто в обыкновенную школу, а в какие-то колледжи, в которых не будет ЕГЭ. Я сам даже не пойму толком, что это за образовательные учреждения. Мне они напоминают ПТУ из нашей молодости. Она хочет уйти за своей подругой в подобный колледж, ПТУ и прочее…

Я понимаю… Давайте еще раз сделаем шажочек назад. Она хочет идти куда-то, это правда. Вы говорите правду, и я вам очень за это благодарен. Я вообще не до конца понимаю, куда она идет.

Ну вот я тоже (смеется).

Давайте выстроим ситуацию, в которой вы поймете до конца. Пусть она доверится вам и расскажет правду: «Пап, я понимаю, что, может, совершаю большую глупость, но сейчас у меня нет никого дороже этой подруги». Или: «Я совершенно схожу с ума, потому что чувствую, что запуталась. Помоги мне выпутаться». Или: «Пап, знаешь, мне просто нужно два месяца покоя. Я тебе обещаю, что не сделаю ошибки, просто будь рядом». Или: «Пап, я тебе очень благодарна за то, что ты сейчас рядом со мной, но мне надо подумать». Понимаете? Дайте ей возможность высказаться.

Так в том-то и дело, что после каждого нашего душевного разговора, длительного и обстоятельного, с раскладыванием всего, чего только можно, она успокаивается на месяц, а то и на два, и все разговоры о переходе из этой математической школы прекращаются. Но проходит месяц-другой, и она опять начинает по

новой…

И чему это нас, двух взрослых мужиков, учит? Тому, что во время разговора она на самом деле не соглашалась, что этот уголек продолжал и дальше тлеть. Значит, она соглашалась для того, чтобы, может быть, выказать вам свое уважение, чтобы вы не нервничали, чтобы не нервничала она и т. д. Но это не меняло, по сути, ничего. И она, видимо, себе верит, а это очень-очень хорошо. Вы слышали предыдущие звонки, как родители беспокоятся о том, что происходит, когда дети в себя не верят и оценивают себя неверно? Видно, она в себя верит и, успокоившись на месяц, несмотря на то, что так любит родителей и соглашается с вами на уровне логики как математик, все равно возвращается к прежнему разговору. Это значит, что беседа с ней должна состояться на уровне доверия, на уровне эмоциональном. То есть: «Слушай, давай забьем на аргументы. Просто расскажи мне, ну расскажи. Я как папа волнуюсь, звоню на радио, разговариваю с какими-то людьми на эту тему, переживаю ужасно. Расскажи мне, успокой меня». Уверяю вас, она обалдеет и услышит вас. Так вы поможете ей проанализировать какие-то вещи.

Человек, вообще-то, сам способен понять, кем хочет быть и кто он есть. Мне кажется, что профориентация — довольно серьезная манипуляция. Потому что в четырнадцать-пятнадцать лет человек интересуется целым миром, человек интересуется самим собой, другими людьми, первые романы крутит. Он сует нос везде, где только можно, слышит и слушает других. И именно в этот момент ему говорят: «Старик, ну, понятное дело, что в вуз. А в какой вуз? Ну, понятное дело, что в инженерно-экономический». Почему в инженерно-экономический? Есть два ответа: либо потому что мама с папой там учились, либо потому что государству это просто необходимо сейчас. И происходит такое программирование. Удивительная штука! Если мы разговариваем с человеком четырнадцати-пятнадцати дет, то довольно часто он говорит: «Ребята, подождите. Дайте мне осмотреться. Я не должен в четырнадцать-пятнадцать лет понимать, кем хочу быть». Вот подумайте об этом, родители. В четырнадцать-пятнадцать лет подростки обычно не знают, кем хотят стать. Тех, кто знает, поздравляю, это здорово! Но большинство ребят еще столько хотят перепробовать! Я могу, представляете себе, сказать, что хочу быть инженером, а потом

передумать и захотеть быть артистом, а потом сказать, что хочу быть доктором, нет, не доктором, а вагоновожатым — и это нормально. Мы же программируем наших детей, тех, кто в пятнадцать лет не знает, куда он пойдет дальше, на неуспешность. Так вот и протаптывается эта колея.

Потому что она, конечно, не до конца понимает, что происходит, судя по вашему описанию. Не волнуйтесь, Алексей. Жизнь длинная, ей тринадцать лет. Это много, но это и мало. Она может многое попробовать. А от этого разговора она получит любящего, сильного человека, который в любом случае будет на ее стороне. «Дорогая, я всегда буду на твоей стороне и расстраиваться буду вместе с тобой. Даже если стану считать, что ты не права, я все равно буду на твоей стороне». Вот это, мне кажется, поможет ей и вам.

Артем из Санкт-Петербурга, здравствуйте!

Добрый вечер, Дима! У меня, как и у вас, три дочки. Я счастливый обладатель такого батальона.

Мы — коллеги, я вас поздравляю. Только мы понимаем, какое это удовольствие.

Это невероятное удовольствие, да. Безумное и безмерное. Дочери, конечно, очень близки со мной по ряду вопросов. Средняя учится в пятом классе, ей десять лет. Недавно она обратилась ко мне с таким заявлением: «Хочу перейти в другую параллель, потому что у меня там учится близкая подружка». Они, в принципе, и так довольно часто друг с другом общаются, почти каждый день, но она стоит на своем: «Мне нужно туда и все». Я, слушая вас и ваши советы, понимаю, что нужно быть на стороне своего ребенка, поэтому сегодня я снарядил супругу к завучу с вопросом о переводе. Но вот она вернулась…

Сам не пошел, смотрите-ка!

Я очень хотел, но не получилось.

Да нет проблем. Если все по обоюдному согласию, то все в порядке.

Нет, я был готов, если возникнут какие-то трудности, пойти

к завучу лично. Так вот, трудности не возникли, но завуч сказала: «Вы подумайте хорошо, потому что дружба дружбой, но тот класс намного слабее. А ребенок у вас гораздо лучше справляется, и ей нет необходимости переходить. Тем более там еще и с дисциплиной большие вопросы. Нужно ли вам это, не пожалеете ли?» И, в принципе, зерно истины в ее словах есть. Но когда супруга заговорила об этом с дочерью, у той началась истерика со слезами, дошло до того, что «ты меня обманула, я уже настроилась» и т. п. И сейчас мне предстоит беседа. Я понимаю, что помочь, как вы учите, может только диалог, прямой разговор. Но зная определенную резкость ее характера, предполагаю, что может возникнуть когнитивный диссонанс. Как быть? Может быть, какой-то прием применить, убедить?

Я понимаю. Давайте попробуем. Я думаю, что нужно, исходя из того, что ребенок может быть эмоциональным, резким, попросить дочь в начале разговора быть максимально спокойной. Каким образом это обосновать? Просто честно ей сказать: «Доченька, я даю тебе честное слово, что мы не приняли никакого решения. Но это тот случай, когда мы можем вместе сесть и сообща его принять. Для того чтобы прийти к чему-нибудь, мы все должны быть абсолютно спокойны. Потому что я хочу одного, мама — другого, ты — третьего. Давай мы с тобой попробуем как на серьезном заседании разложить все по полочкам». Вы лучше знаете свою дочь, хорошо понимаете культуру своей семьи — может, вам надо бумажки и ручки положить перед каждым, может, надо что-то рисовать, а может, высказываться по очереди или, наоборот, кричать и валить все в кучу. Я не знаю, как вам удобнее, но самое главное — нужно зафиксировать в ее голове мысль о том, что решение не принято. Отчего она говорит маме: «Ты все уже решила, ты меня предаешь»? Потому что она не верит. Не оттого, что мама плохая, поверьте мне. Она киношки смотрит, других детей слушает, «наверняка взрослые уже все решили» — вот так она думает. Поэтому самый главный прием — начать так: «Мы ничего не решили, даем тебе честное слово. Мы не отдаем предпочтения чему-то одному. У тебя есть право выбора, давай решать вместе». Далее расскажите ей о том, что сказал завуч. Это честно и очень важно. Вообще, это не простой вопрос. Вот если бы вы позвонили мне и спросили: «А что ты, Дима, посоветуешь?», я не знаю, что я бы посоветовал. Потому что есть аргументы и за, и против. С одной стороны, подружка, с которой хочется быть все время, а с другой — хороший уровень образования.

Английский — это святое!

Ирина из Воронежа, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моему сыну двенадцать лет. Он не умеет отстаивать свое мнение и часто попадает под чье-то влияние, он не может сказать: «Нет, я так не хочу», или «Это огорчило бы мою маму», или «У меня совершенно другой взгляд на эту ситуацию». Как до него доступно донести, что не всегда те, кто рядом, могут положительно на него повлиять? Что они могут втянуть его в какую-то историю? Это обсуждалось неоднократно, но как-то до него не доходит, что это…

Ирина, а что не так-то? Приведите пример.

Ну, допустим, недавно сбежал с урока английского языка вместе с мальчиком. Никогда такого не было. Первый раз случилось.

Все всегда бывает в первый раз. Все в порядке.

Да.

И что не так?

Меня смущает, что на вопрос: «Почему ты сбежал?» он ответил: «Ну, он сбежал, и я сбежал». Я говорю: «Надо было исправлять оценку. Вместо этого ты еще и отношения с учительницей испортил».

Учительница впечатлительная попалась, да?

Ну, просто я очень трепетно к ней отношусь. Она меня знает, я ее знаю.

Подождите, Ирин, я не могу ухватить суть проблемы, поскольку то, что он убежал с другим мальчиком и, возможно, опасается в силу ряда причин сказать вам, что он также был инициатором, это какая-то другая тема. Ну, убежал и убежал. Хорошо, что не один, хорошо, что с кем-то. Им было веселее бегать, наверное. Так в чем суть проблемы?

Мне кажется, что он не умеет говорить «нет».

То есть не имеет своей точки зрения.

Давайте начнем с простого: вам он может сказать «нет»?

Мне он всегда говорит «нет».

Приведите пример. Я не случайно прошу примеры. Они

нужны для того, чтобы понять точно, о чем вы говорите. Давайте.

Допустим: «Надень куртку» — «Нет, я не хочу». Идет дождь — ребенок выходит в футболочке.

Прикольно.

Понимаете? Когда он со мной, то у него есть свое мнение и оно выражается в полном несогласии.

А откуда вы знаете, что с другими не так? Может, вам не нравится то, что он делает, но кто вам сказал, что он не высказывает своего мнения?

Ну, высказывает, может быть. Но мне кажется, что оно не совсем зрелое. И я боюсь, что из-за этого он попадет в какую-нибудь неприятную историю. Понимаете?

Поскольку у нас с вами нет ничего конкретного, я могу ответить только в общих чертах. Высказывать свое мнение человек учится дома. Двенадцать лет — возраст непростой, как мы с вами понимаем, но в тринадцать будет еще сложнее, так что вас ждут нелегкие времена. Не надо его пилить на эту тему, потому что если ваше предположение верно и он на самом деле попадает под чье-то влияние, то каждое ваше упоминание об этом будет ему неприятно. Если вы не правы и он умеет настоять на своем, то это, так или иначе, создает некоторый антагонизм между вами. Значит нам с вами остается разговаривать с ним дома. Наверняка вы с ним говорите о жизни, о фильмах. Пусть у него будет возможность говорить о своем, пусть будет возможность обосновывать свое мнение.

Он ушел с английского — почему, как вам кажется?

Потому что была компания. Вот если бы он ушел один, я бы не поняла, а поскольку их было двое…

Ирина, должен вам сказать, что не могу с вами согласиться. Сколько у него в классе человек?

Тридцать.

Отлично. Двадцать восемь — компания больше, чем один, да? Он мог бы остаться в классе. Значит, он не попадает под влияние, понимаете какая штука? Если он выбирает одного…

Это его лучший друг.

Ну и хорошо, что лучший. Значит, он умеет дружить. Не может ли случайно такого быть — проверьте мою догадку, — что вы просто очень расстроились по поводу того, что он сбежал с

этого самого английского? Он понял, что вы расстроились, не захотел усугублять ситуацию и побоялся сказать правду: «Мам, я не понимаю, что я делаю на английском. В это время на улице весна, птички поют, чудесная погода». По той или иной причине он не стал вам этого говорить, но я гарантирую, что он ушел из-за этого, а вовсе не потому, что на него друг повлиял. А вот как сделать так, чтобы.

Потом был рецидив — они сбежали с музыки.

Рецидив, Ира! Рецидив! Что за слово! У него чудесный возраст познания жизни, я бы пожелал вам, чтобы он мог прийти к вам домой и сказать: «Мам, на улице лучше, чем на английском». Это мое мнение. Вот если бы он так сказал, что бы вы ему ответили? Говорите правду, он нас не слышит.

Я все прекрасно понимаю, но английский — это святое. Он знает, что для мамы английский очень важен.

Следовательно, Ира, он не может сказать вам правду и высказать свое мнение, потому что у мамы свои очень странные святые, своя странная религия. Эта религия говорит ей, что английский — святое. Не весна, не друг или кто-нибудь еще, а английский. Ну а теперь скажите мне: может он вам сказать правду в этой ситуации?

Ну да, потому что у меня достаточно доверительные отношения с ребенком…

Доверительные? Для вас английский — это святое. В чем смысл этой правды?

Это моя профессия, я ее люблю, он знает, что я трепетно к ней отношусь.

А он-то тут при чем? Ему-то что делать, если он не полюбил английский всего один раз, а может быть, и не один?

Просто понимаете, я боюсь, что в дальнейшем такое поведение отразится и на других предметах: ОБЖ ему будет неинтересно, рисование или что-нибудь еще.

Ирина, а вы не бойтесь. Точно так и будет. Вы что, на полном серьезе считаете, что в двенадцать или тринадцать лет школа — это самое интересное? Школа должна работать очень профессионально, чтобы быть самым интересным местом. Школа — это самое скучное.

Относительно его собственного мнения: мне кажется, оно у него есть. Но по той или иной причине он не может его

высказать. Не расстраивайтесь, но это правда. Подумайте об этом. Ведь так прикольно, когда он приходит и говорит: «Мам, мне было здорово на улице». И мама обсуждает вместе с ним, как он провел время, а не говорит: «Ты что, английский — это святое, как ты мог!» Он и так понимает, что из школы уходить не стоит, но разок можно, другой можно. Кто, если не вы? Разве зависит его поход на английский от того, кем он будет работать? Вы говорите, это ваша профессия. Вы преподаете английский?

Ну, имею отношение, я изучала английский.

Давайте я вам скажу как училка? Не правда ли, у нас в школах учат иностранный язык, чтобы дети на нем не говорили?

Абсолютно согласна.

Вы абсолютно согласны, да? В сегодняшних условиях ребенок не может не говорить по-английски, понимаете? Не может. Взрослые должны совершить сумасшедшее усилие, чтобы он по-английски не говорил. Они поют англоязычные песни, смотрят фильмы на английском, переписываются с ребятами по всему миру и т. д. Так что у вас очень умный сын. Пусть смотрит киношки на английском — и он по-английски заговорит. А English grammar[2], извините за выражение, не нужна для того, чтобы в двенадцать лет говорить по-английски.

Светлана из Москвы. Здравствуйте!

Моему сыну двенадцать лет, он постоянно меня обманывает. Началось это, наверное, с момента, как он стал говорить. Онуже тогда выдумывал. Все поощряли эти фантазии, было интересно. Я об этом, в общем-то, никогда не задумывалась. Он рос и в результате стал обманывать «по делу». Получает двойку, говорит, что получил пять. Я узнаю, спрашиваю: «Почему ты меня обманул?» Он отвечает: «Я не хотел тебя расстраивать». Я говорю: «Я же узнала, и радости мне это все равно не принесло». Или вот еще пример его выдумок: «Бабушка мечет у нас топоры, у меня свой собственный оружейный магазин». Что мне с этим делать?

Пойдемте длинным путем. А вам зачем знать, что он получил двойку?

Я с ним позанимаюсь. Переключу внимание на какие-то слабые

стороны.

А он, представьте, не хочет с вами заниматься. Что ему делать?

Не знаю, что ему делать.

Давайте как в школе говорили: «Вижу, можешь». Имеется мальчик двенадцати лет, он очень любит маму. В школе что-то не заладилось. Мама превращается… Я не про вас говорю, все параллели случайны. Мама превращается в монстра, когда со мной занимается. А я хочу позаниматься чем-нибудь другим. Я с мамой хочу поваляться на кровати, поесть ягодки, киношку посмотреть, книжку почитать. Если я скажу ей правду, мне конец. Вы бы не соврали, Свет, честно?

Я была отличницей, со мной не было проблем.

Давайте подумаем, как человеку в этой ситуации себя вести. Мы ведь ему говорим жестко, предлагаем принципы: «Я могу простить все, кроме лжи!» Он оказывается в ловушке, из которой непонятно как выбраться. Если он скажет правду, точно будет плохо. Мама наедет, вечер испорчен. Соврет — есть малюсенький шанс, что пронесет. Кто, таким образом, учит его врать? Вокруг него много людей, которые делают его жизнь сложной. Попробуйте стать человеком, который облегчит ему жизнь. Придите к нему и скажите: «Пусть другие заставляют тебя исправлять двойки, я буду с тобой черешню есть, ржать над новым мультиком и обсуждать увлечения. И давай договоримся: если тебе нужна будет моя помощь, я тебе помогу, но силой помогать не буду». Поверьте, тогда ваша жизнь изменится. Я видел это много раз.

Я пробовала этот метод, но когда получаю замечания от учителей, то завожусь опять.

Какого рода замечания? Смоделируем ситуацию.

Сегодня он опять не выучил английский.

Ужас какой. И что?

Просят принять какие-то меры.

Давайте подумаем, какие меры можно принять. Светлана?

Единственная мера — садиться и заниматься с ним.

Нет. Но я облегчу вам задачу. Он почему английский-то не учит?

Не очень любит.

За что его любить?

Если любишь, то учишь.

Любить английский — все равно что любить туалетную бумагу. Это инструмент сегодня. Очевидно, наши дети будут говорить по-английски, если мы не будем им мешать. Способ, о котором я говорю, действительно, немного странный. Если учительница звонит и говорит, что он не выучил, можно ей напомнить, что это ее работа — сделать так, чтобы он выучил. Вы получаете часть зарплаты этой учительницы?

Это домашняя работа.

Как так произошло, что человек в двенадцать лет не учит английский? В этом возрасте человек уже понимает, что английский активно используется в мире. Но то, что учит ваш сын, не имеет отношения к современным песням, фильмам. С какой стати вы встаете на сторону учительницы? Заметьте, денег вы за это не получаете. Она звонит вам и говорит: «Сделай мою работу, Света». Вы говорите: «Конечно, я мало того, что сделаю твою работу, я еще сыну испорчу настроение, а себе испорчу вечер». Почему? Что у него по английскому?

Трояк.

А вы хотите? Чем плох трояк?

Я хочу четверку!

У моего любимого Василия Шукшина есть роман «Я пришел дать вам волю». Я пришел дать вам волю во взаимоотношениях с вашим сыном. Умоляю вас, Светлана, не портите лето ни ему, ни себе. Забейте на все это. Начните получать удовольствие от общения с ним — и уйдет этот обман. Не парьтесь насчет английского. Все дети сегодняшнего поколения будут знать английский язык. Это говорю вам я, пантера Багира. Проверьте меня.

С нами на связи Владимир из Москвы. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моему младшему сыну десять лет. Он очень не хочет учить английский язык. Говорит, что ненавидит его, к репетитору ходить отказывается. В следующем году вводят

еще один иностранный. Что делать? Подскажите, пожалуйста!

Владимир, я начну издалека. Мне кажется, что-то странное происходит у нас с английским языком, вы заметили? Это какая-то удивительная история. Вот я бываю в разных школах, в разных странах и много раз обращал внимание на это. Дети приблизительно к двенадцати, ну, к пятнадцати годам хотя бы сносно, но начинают говорить по-английски. А у нас, как мы ни бьемся, очень часто ничего не получается.

Я довольно серьезно об этом думал и пришел к следующим выводам. Вывод первый: когда-то нас учили английскому для того, чтобы мы на нем не говорили. Вот такой парадокс. Во всяком случае во времена Советского Союза (а я учился именно тогда) иностранный язык нужно было знать скорее для галочки (чтобы он был, но не так, чтобы очень). Вывод второй: сейчас не говорить по-английски молодому человеку практически невозможно. Ну как не говорить по-английски, если киношки, песни выходят на английском, если вокруг этот язык? И я подумал: может, дело в том, что мы мешаем им разговаривать на нем? И начал анализировать. Часто так и получается: вместо того, чтобы просить их учить лексику, мы требуем от них учить грамматику. Помните, как ваши дети начинали говорить по-русски? Они совершенно про грамматику не думали, они слушали и запоминали.

Что с этим делать? Во-первых, начинайте-ка вместе смотреть киношки на английском языке. Для начала с русскими субтитрами, потом с английскими. Получите большое удовольствие. Во-вторых, слушайте и переводите песни, если вы этого еще не делаете. А если делаете, то учите те, которые вам нравятся. И теперь — внимание! — я выдам свой главный педагогический секрет: будет очень здорово, если у вашего сына появится приятель, который не говорит по-русски. «Как это сделать?» — спросите вы меня. А надо найти этого приятеля. Он может быть из Англии, Америки или любой другой страны, в которой говорят по-английски. В свое время мы нашли таких детей по скайпу. А когда дети начинают по скайпу разговаривать, во-первых, они быстро становятся друзьями, а во-вторых, им очень хочется говорить, много всего обсуждать. Чудеса происходят в течение двух-трех месяцев. Владимир, я желаю вам удачи.

И кстати, я думаю, что сейчас нас услышали многие, в том числе учителя. Дорогие коллеги, попробуйте такой способ. Детям станет понятно, зачем учить иностранный язык. Если я могу общаться с англоговорящим другом, который живет за океаном или за тысячи километров от меня, если могу смотреть кино в

оригинале и понимать песни на английском, то я понимаю, зачем мне нужен этот язык.

До нас дозвонился Алексей из Ижевска. Здравствуйте, Алексей!

Добрый вечер! Мой сын учится во втором классе, занимается английским языком в школе и параллельно ходит на платный английский. Проблема в том, что в школе преподают одно произношение, а на платных занятиях — другое. Причем, насколько я понял, произношение на платном английском более правильное.

Абсолютно не сомневаюсь. И что же?

Как мне объяснить ребенку, что, оказывается, в школьной программе преподают что-то не то?

Ой, Алексей, давайте я вас развращу: а вот так и сказать! Не надо обобщений. Есть такой педагогический принцип — отвечать на поставленный вопрос. То есть не обобщать: «Школа — это гадость и т. д.», а говорить: «Слушай, дружище, бывает такое, что одни учителя лучше других». На вашем платном английском наверняка есть носители языка и люди, которые учились или долго жили за границей и таким образом изучили произношение. Если он спрашивает, так и говорите, что в этом такого? Этим вы учителя нисколько не обижаете.

Хорошо, можно тогда еще один вопрос? Как переговорить с преподавателями, чтобы они не снижали ему оценку, если он будет говорить не так, как они его учили?

А скажите, пожалуйста, мы с вами сейчас дуем на воду или уже обожглись на молоке? То есть они пытаются снизить оценку или это пока просто ваша фантазия?

Пока еще нет.

Тогда надо дождаться первого раза, потому что иначе мы обвиняем людей в том, в чем они не виноваты.

Хорошо, я понял.

Ну правда, потому что если это хорошие преподаватели, то они не станут из-за произношения снижать оценку. Если же такая ситуация возникнет, то идите и спокойно об этом разговаривайте, именно спокойно — это ключевое слово. «Дорогие друзья, он

занимается там-то, я вас очень прошу обратить на это внимание». Вот и все.

«Он получает свое и нас шантажирует»

С нами связался Артем из Кировской области. Здравствуйте, Артем!

Здравствуйте, Дима! Моему сыну на следующей неделе исполняется тринадцать лет. У нас жуткая проблема. В школу он сейчас не ходит, прогуливает неделю.

Чудесный возраст.

Впервые это случилось прошлой осенью. Переходный возраст у него начался рано, в одиннадцать лет, и если раньше, когда он прогуливал, нам удавалось его убедить, что все-таки в школу ходить нужно, то сейчас уже не получается. Причина текущих прогулов в том, что мы ограничили его в пользовании интернетом. То есть на прошлой неделе нам пришлось отключить дома интернет, так как большую часть времени, в том числе и ночью, он проводит, играя в компьютерные игры, смотря ролики про игры, фильмы, сериалы и т. д. И как результат — съехал по учебе, пропускает тренировки, не убирает, не следит за собой, в общем, налицо все признаки зависимости. И вот сейчас у нас такой замкнутый круг — мы не хотим включать интернет дома, пока он не начнет ходить в школу и не примет наши условия по пользованию интернетом, а он в свою очередь не хочет ходить, пока у него не появится интернет. То есть он получает свое и нас шантажирует…

Вы все молодцы: он шантажирует вас, а вы шантажируете его. Все в полном порядке. У вас действительно замкнутый круг. Ну а в чем вопрос-то?

Мы переживаем, что когда включим интернет, все остается так, как было. То есть вопрос в том, давать ли ему сейчас интернет или нет?

Скажите мне, пожалуйста, Артем, а что он сам говорит?

Насчет интернета сын говорит, что он есть у всех и ему он тоже нужен.

А что насчет школы? Про интернет я понимаю.

Он говорит, что в школу ходить не будет, пока не появится интернет. У него нормальная успеваемость, и за двойки мы его

никогда не ругали. Вот только в последнее время отношение очень резко изменилось, все оценки у него съехали вниз, чуть ли не по две двойки в день получает.

Я понимаю. Давайте я попробую поимпровизировать, а вы согласитесь или поспорите. Мне кажется, таким образом он заявляет вам следующее: «Мне школа не нужна, она нужна вам, соответственно, я буду вас шантажировать школой». Это печальное сообщение, потому что раз он говорит: «Если у меня не будет интернета, я не пойду в школу», то это значит, что на данный момент он не видит никакой необходимости и удовольствия в походах в школу. И это одна сторона, за которую нам надо бы зацепиться. Другая заключается в том, что вы поступаете, надо отдать вам должное, приблизительно так же, поскольку говорите: «Для нас ценна школа, а для тебя ценен интернет, поэтому пока ты не пойдешь в школу, пока не начнешь учиться, мы его не подключим». И получается такое… ох, извините меня за цитату из детского стихотворения:

> *В этой речке утром рано*
> *Утонули два барана*[3].

Не подумайте, я ни в коем случае вас не обзываю, это просто литературная ассоциация. Что нам с этим делать? Мне кажется, выход надо искать вместе с ним, потому что в вашем рассказе меня больше всего настораживает, даже пугает полное отсутствие желания с его стороны в эту школу идти. Понимаете, если он вам такое говорит, значит абсолютно уверен, что это нужно вам, а не ему, его нет в этой картине.

Он так и говорит: «Это ваша проблема, я не пойду в школу».

Вот-вот. Это значит, что надо искать заново. Теперь относительно второй части — возвращать ему интернет или нет. Судя по всему, вы не первый раз слышите нашу программу и догадываетесь, что я вам отвечу. Надо возвращать, но при этом обязательно договариваться. Выбор, который вы сейчас ставите перед собой, перед ним и передо мной — либо черное, либо белое. Он уже достиг того возраста, когда мир стал сложнее. Значит нужно садиться и прямо по пунктам с ним все разбирать, весь этот беспорядок, который возник у него в голове, в его мире и немножко в вашем. Уверен, что ему нужна ваша помощь. Конечно, с ним надо обсуждать, зачем ходят в школу. Как вы понимаете, это очень сложный вопрос, на него нельзя дать простой ответ. Вообще-то надо бы понять, есть для него в этом хоть какая-то ценность или нет…

В школе он был успешен, победитель городских олимпиад.

Значит ему нужен успех в другой области, значит его не удовлетворяет собственный успех в школе. Он говорит: «Я в школе успешен, но это для папы с мамой». Надо бы попробовать вместе с ним найти повод ходить в школу, потому что если вы его не найдете, то не сейчас, так через год он снова начнет прогуливать. Ну и что хорошего?

Что касается интернета — надо бы услышать его аргументы, надо, чтобы помимо «интернет есть у всех» он объяснил, зачем интернет нужен именно ему. Пусть он вам расскажет, ни в коем случае не натыкаясь на ваше «да ерунда какая» или «я вообще не понимаю, что там может быть интересного». Поудивляйтесь, позадавайте вопросы и т. д. Так он и сам для себя поймет, в чем заключается эта ценность.

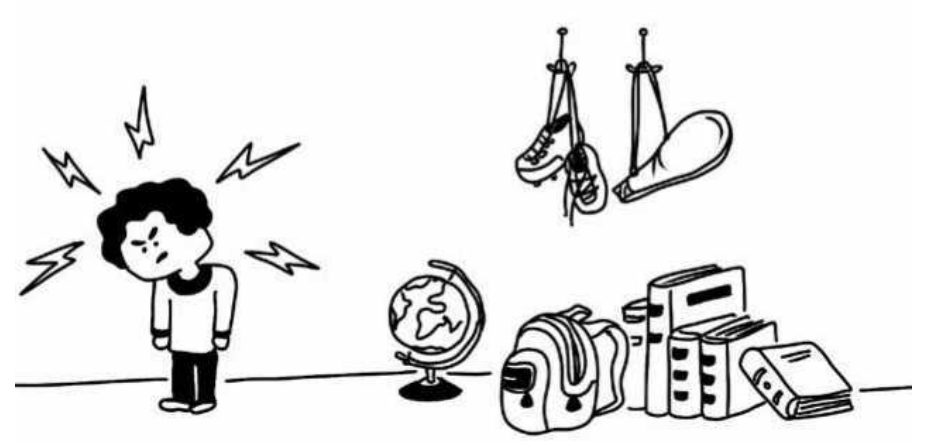
Мы его неоднократно об этом спрашивали.

И что говорит?

Что не хочет с нами разговаривать. Хотя эти выходные у нас прошли прекрасно: мы вместе на лыжах покатались, шашлыки поели, сходили в кино, все было хорошо. Он собрался в школу в понедельник, но как только узнал, что интернет мы ему не подключили, то сразу сказал: «Ну все, я никуда не пойду».

Я скажу, что надо сделать. Уважаемый Артем и все те, кто оказался в подобной ситуации, для того чтобы мир не был черно-белым, нужно вместе заходить во все темные уголочки. То есть начинать разговаривать на все темы. Если для нас неочевидно, зачем в школу ходить, то для наших детей это тоже неочевидно. Если мы удовлетворяемся собственным ответом «а как же иначе, в

школу надо ходить, потому что без этого ты не получишь аттестат», то этого, мягко говоря, маловато. Если мы такое транслируем детям, то это не может быть достаточной мотивацией для того, чтобы они туда ходить. Школа — удивительное место. Но открыть это нужно вместе с ними. Артем, мне кажется, что ваш замечательный сын либо потерял интерес, либо, что еще хуже, обнаружил, что никакого интереса относительно школы быть не может. Вы как очень хороший папа должны помочь ему этот интерес найти. Но только очень вас прошу — не в форме «как же ты не понимаешь, что в школу надо ходить» или «как же так, ты же меня позоришь». Надо поговорить о том, что хорошего есть в этой школе.



Знаете, друзья, мы очень часто говорим о школе, проводя аналогию с собственной работой. Эта аналогия абсолютно не подходит. Во-первых, она учит наших детей, что взрослые почему-то вынуждены ходить на работу, которую не любят, а во-вторых, работу выбираем мы сами, а наши дети школу не выбирают, они идут туда, потому что надо, потому что мы их туда отвели.

Вы сказали, что последние выходные провели чудесно, вместе катались на лыжах, ходили в кино. Вот мне кажется, что тогда и надо было говорить на всякие волнующие вас темы. К счастью, это не последние выходные, а может, и необязательно именно в выходные разговаривать, главное — поговорить об этом в удачное время. Понимаете, в тот момент, когда мы отделяем подобный разговор от хорошего настроения, мы как будто кладем его на полочку, где написано «неприятные разговоры», «неприятные события в моей жизни». И как только мы обнаруживаем его на этой полочке, мы говорим: «Господи, я вообще не хочу туда заглядывать».

Попробуйте поговорить на эту тему легко, так, чтобы беседа не ассоциировалась со скандалом, с перетягиванием каната или с бесконечным боданием: «А если ты не пойдешь в школу, то не будет компьютера» — «А если вы не дадите компьютер, то я не пойду в школу». Начните так: «Давай сядем и поговорим обо всем. Мы немного запутались, давай попробуем вместе распутаться. Поговорим и про школу, и про друзей, и про времяпрепровождение, и про гигиену, и про наши родительские просьбы». Мы ведь живые люди, мы имеем право просить, настаивать, все в порядке. Но работать все это будет только в том случае, если мы будем слышать детей, будем помогать им. Надеюсь, Артем, я ответил на ваш вопрос. Попробуйте поговорить спокойно, без рисования черно-белой картины и без перетягивания каната.

Восемь-десять часов в день на уроки

Александра из Москвы, здравствуйте!

Добрый день! У меня двое детей: старшему одиннадцать лет, младшему два с половиной. Вопрос будет про старшего ребенка. Он не чувствует времени, не чувствует ответственности за свои опоздания, не может распределить свое время на необходимые занятия и на все остальные. То есть он может просидеть над уроками вместо двух часов восемь, даже десять часов, попутно занимаясь какими-то делами, которые его интересуют больше, чем уроки. Я понимаю, что такое переключение необходимо. Вопрос вот в чем: надо ли как-то воздействовать на ребенка в случае, если он слишком все затягивает?

Когда вы сказали восемь-десять часов на уроки — это, простите, была аллегория? Или… вы серьезно?

Нет, это не аллегория. Это идеальное время, которое он тратит на выполнение буквально четырех-пяти уроков…

А где он берет эти восемь-десять часов?

Например, в субботу и воскресенье у него с утра спортивные занятия, а вторая половина дня свободна. Я прошу его сделать уроки хотя бы до трех-четырех часов, чтобы он мог пойти погулять. При этому ребенка вообще необходимости гулять нету. Он не чувствует ее. Учительница сказала просто: «Оставьте ребенка в покое. Пусть он все делает в своем темпе».

Ну да… я скажу вам: оставьте ребенка в покое, но только с другой точки зрения. Александра, я хотел бы заронить сомнение в вашу душу. Мне кажется, выходные детям даны для того, чтобы проводить их в кайф с родителями. Наверняка у вас есть масса всего, что вы с удовольствием делали бы или делаете вместе. Мне представляется это важным.

Абсолютно.

Абсолютно точно выходные даны не для того, чтобы делать уроки. Уроки в выходные — это полная чепуха. Надо просто помочь ему, раз уж вас настигла такая беда в виде уроков, сделать их быстро. Не будем сейчас ломать идеологию. есть уроки, вы считаете, что их надо сделать, не будем об этом спорить. Ну сядьте вместе да сделайте, это ж бред какой-то тратить на них десять часов в субботу или воскресенье. Звучит ужасно.

На самом деле проблемы с уроками и провоцируют все остальное. У него есть любимые дела и странные дела. Любимые дела — погонять в футбол, посмотреть мультики, что-то порисовать и т. д. И есть какая-то странная тягомотная история, которая называется «уроки». Правда же мы как можно дольше будем тянуть этот кошмар, чтобы им не заниматься? Это происходит само собой. Я знаю, что говорят взрослые. Они говорят: «Быстро закончи и тогда!..», но ведь это не всегда так устроено. И получается, что он смешивает одно с другим. Ему очень нужна ваша помощь. Критически нужна. В первую очередь в осознании того, что происходит. Помогите ему с уроками! И немедленно идите вместе в кино, гулять, на выставку, на рыбалку и т. д.

Именно с этой целью я прошу его быстро сделать уроки, чтобы оставить выходные для игр, прогулок и еще чего-нибудь.

Ну скучно очень, понимаете?

Да, это я поняла. Вот что делать, если он… Например, говорю ему: «Тебе надо выйти в восемь тридцать, чтобы через часуспеть на урок». То есть я предупреждаю его, когда надо выйти, и он все равно затягивает: то зубы долго чистит, то носки надевает минут десять-двадцать. И в итоге вовремя он не выходит.

Александра, это же история про нас с вами. Мы устроены точно так же. Неважно, какой у каждого из нас характер. Мы оттягиваем роковой момент как можно дальше. А вы не так устроены? Не хочет он. Не хочет. И без вашей помощи ему не справиться.

Светлана из Москвы. Здравствуйте, Светлана!

Здравствуйте! Дима, я хотела бы узнать, каким образом выстраивать процесс выполнения домашнего задания с ребенком. У меня девочка, ей семь лет, она ходит в первый класс. В целом уроки делает, на продленке или дома. Мы сильно не наседаем, но я вижу, что порой она заигрывается, мультики смотрит, делать уроки не хочет. Но я понимаю, что дальше будет сложнее и что домашнее задание — это тот инструмент, который помогает ребенку понять школьный материал. Учитель тоже не волшебник и не может за час дать необходимую информацию двадцати пяти ученикам. Он рассчитывает на родителей. Вот, Дима, подскажите,

пожалуйста, на основании вашего родительского и педагогического опыта, как этот процесс выстроить, чтобы ребенка не обижать, не ущемлять и при этом помогать ему осваивать материал, который изучается в школе?

Светлана, скажу вам правду — я готов разговаривать почти на любую тему, но вопросы про домашнее задание в российской системе образования пугают меня больше всего. Я скажу вам почему. Потому что я боюсь говорить, что думаю об этом на самом деле. Сказать или не сказать, Светлана?

Да, сказать.

Вам не понравится мой ответ. Я категорически не согласен с позицией, что домашнее задание помогает понять материал в классе. Школа — это институт, у которого есть определенная функция. Вы же когда на работу ходите, не даете своим сотрудникам домашнее задние? И вам его тоже никто не дает? Все удается на работе сделать, удается структурировать процесс так, чтобы на все хватало времени. Школа — абсолютно такой же институт.

Еще больше я не согласен с тем, что родители должны брать на себя часть работы учителя. Если так, то они и часть его зарплаты должны получать. Да? Подумайте, это логично. Учитель действительно может эксплуатировать (я сейчас имею в виду абстрактного учителя, совсем не вашей девочки) родительский страх. То есть, например, говорить родителям: «Вы что, не понимаете, что если не будете делать с ней домашнее задание, она вырастет неучем?» Ну, вообще-то, не понимаем. На мой взгляд, домашнее задание вредит процессу. Дома ребенок должен заниматься своими делами — проводить время с мамой, с папой, с друзьями и учиться этим временем распоряжаться. А мы говорим ему какую-то ерунду вроде «я хожу на работу, а школа — это твоя работа». И конечно, врем ему при этом, потому что работу мы выбирали сами, а школу он не выбирал — мы его загнали туда.

> Детям дают список литературы на лето. У меня как у училки по литературе к этому двоякое отношение. С одной стороны, действительно, то, что предстоит через год, надо как-то успеть пройти. В этом смысле государство тоже очень нервничает, даже больше, чем родители. И поэтому напихивает туда все, до чего способно дотянуться. В списке есть и классическая литература, которую учили мы с вами, и новая. С другой стороны, совершенно не хочется летом превращать

жизнь ребенка в ад, поэтому я бы посоветовал учителям немного изменить риторику. Мне кажется, мы можем говорить о пожеланиях: «У вас точно будут дни, когда вы зададите себе вопрос: чем я хочу заняться? У вас точно будут свободные вечера. При этом не будем от вас скрывать: нам много чего предстоит пройти начиная с сентября. Почитайте, если дойдут до этого руки». В этом смысле учителя ведь могут немного подмухлевать и, например, отметить в списке литературы что-то, что, на их взгляд, действительно доставит удовольствие их ученикам. То есть что-то они будут проходить вместе, а какой-нибудь «Понедельник начинается в субботу» Стругацких они просто честно посоветуют. Я, например, последние годы рекомендую летом всякие фильмы смотреть. В этом списке я привожу разные фильмы, и после каникул дети с невероятным восторгом рассказывают: «А мы такое посмотрели, и еще такое, и даже то, чего не было в списке! Давайте об этом разговаривать, смотреть отрывки!»

Поскольку мы живем не в идеальном мире, давайте подумаем, что нам делать с этим домашним заданием. Мне кажется, что нужно сделать все, чтобы оно доставляло удовольствие. Будьте рядом с дочерью. Если ваша гипотеза верна и домашнее задание помогает закрепить материал в классе и если ей в школу ходить интересно (а так и должно быть), тогда со многим ваша дочка справится сама и иногда будет обращаться к вам за помощью, даже не за помощью, а за разъяснением. Если не все так гладко, то тогда не как помощник учителя, а просто как любящая мама вы должны постараться сделать так, чтобы ей было в кайф делать домашнее задание, говоря простым языком — чтобы она понимала, что и зачем делает. И мотивация «если ты сделаешь, то завтра ты…» не работает. Уроки она делает вовсе не для того, чтобы завтра ее не пристыдили или чтобы получить хорошую оценку.

Учеба — это способ познания себя и окружающего мира, это способ саморазвития. Конечно, учитывая то, что я говорил до этого, здесь есть противоречие, капкан. Нам из этого капкана нужно выбраться. Способа два: первый — находиться рядом с ребенком, помогать ему, делать так, чтобы домашнее задание было интересным и важным, второй — разговаривать с учителями, не уставать разъяснять свою позицию. Не в том смысле, что «все учителя — бездельники». Вы правы, бывают учителя, у которых тридцать-сорок человек в классе, им нужно

как-то организовать процесс, и они не поспевают. Если мы в диалоге — конечно, мы можем подстраховать, помочь, но не «я сделаю все, что вы не успели выполнить в классе», а так: «если я могу и если действительно сегодня в классе было что-то важное, интересное, новое, то повторю все это». Не надо кивать в тот момент, когда учитель говорит вам: «Вы же понимаете, что надо делать домашнее задание». Нет, лично я не понимаю, да и вы не всегда понимаете. Задавать вопросы — это наше право. Мы обратились к ним за услугой, а не наоборот.

У нас на линии Михаил. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Я поздний папа, мне уже за сорок. У меня шестилетний сынишка. К сожалению, он не со мной живет, редко у меня бывает. Если он не хочет делать уроки, имею ли я право забрать, скажем, любимую игрушку и сказать: «Пока ты не сделаешь домашнее задание, я тебе эту игрушку не отдам»?

Нет. На мой взгляд, вы права не имеете по нескольким причинам. Первое — игрушка его. В этот момент вы просто лишаете другого человека его собственности. Игрушка не ваша, не вашей жены, он не взял ее у вас в аренду, вы, возможно, ему эту игрушку подарили, но с этого момента она стала принадлежать ему. Сильный ничего не должен забирать у слабого. Второе: Михаил, если у вас такие чудесные отношения с сыном, сядьте рядом, поговорите с ним, помогите ему. Я слышу, что вы относитесь к нему с нежностью и любовью, так зачем же пользоваться такими преступными инструментами? Поболтайте, обнимите, сделайте задание вместе, объясните еще раз, тем более что он у вас редко бывает. Я абсолютно уверен, что он вас услышит. Смело продолжайте быть нежным папой.

Медленная Настя

Ольга из Питера, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Вопрос такой. Моей дочке четырнадцать лет. У нее есть такая особенность — она очень медленная, причем совсем медленная. Приведу пример. Она говорит: «Хочу сделать в выходной яичницу», идет готовить — и это занимает у нее два с половиной часа. Но это ерунда, с этим можно справиться, я нашла выход: перед тем как она встает, я завтракаю по-быстрому, потом спокойно жду два с половиной часа яичницу. Нас с мужем беспокоит, что ее медлительность сказывается на учебе. Сейчас дочка в восьмом классе, она совсем не успевает записывать классные работы, делать домашние задания. Она нашла выход из положения — записывает уроки на диктофон, потом дома в спокойной обстановке переписывает. Соответственно, получается так, что она два часа пишет классную работу с диктофона, потом три часа делает домашнее задание, на которое можно потратить сорок пять минут, в итоге у нее уходит пять часов на один предмет. Естественно, она просто не успевает сделать все уроки, потому что нет столько часов в сутках. Ну и все это копится как снежный ком, потом мы все выходные, все каникулы сидим с этими уроками. Усугубляется ситуация тем, что папа у нас очень быстрый, у него все по плану, и его очень раздражает ее медлительность (даже конфликты возникают — в основному меня с ним). Меня, конечно, тоже раздражает ее медленность, но я понимаю, что ничего сделать не могу. Муж говорит, что это из-за отсутствия режима, мол, научится соблюдать режим дня — и все будет нормально, а я говорю, что пытаюсь ее научить, но ничего не получается. Сама я тоже люблю, когда все делается вовремя.

Ольга, а как зовут вашу дочку?

Настя.

А что Настя по этому поводу говорит?

Она переживает.

Что она кроме уроков хотела бы успевать, но не успевает? Приведите пример.

Например, она не успевает танцевать.
Почему?

Вернее, танцевать-то она как раз успевает. Пока никого нет дома, она делает то, что ей нравится, а потом это тоже, да.

Что «тоже»? Вы только что совершили такое открытие, а хотите мимо него проскочить. То есть она медленна в том, чего делать не хочет, или я не прав?

Нет, она и то, что хочет, не доводит до конца.

Приведите пример. «Не доводит до конца» — это другая история.

Например, она села рисовать картину, которую по цифрам надо разукрашивать. Вот она сидела, сидела, в итоге не доделала, и так картина уже месяц валяется.

Это плохой пример, потому что Настя по этому поводу не страдает, просто ей надоело рисовать эту ерунду по цифрам. Приведите другой пример, если он, конечно, есть, я начинаю подозревать, что его нет.

Наверное, да, она не страдает. Только по поводу уроков, потому что мы об этом постоянно говорим.

Потому что вы страдаете, я понимаю. Значит смотрите. Выясняется, что замечательная девушка по имени Настя, четырнадцати лет, на самом деле справляется неплохо, то есть она делает то, что ее интересует, понимает, что ей интересно, но там, где заканчивается поле ее интересов, она начинает бесконечно тянуть лямку. Можно было бы по ходу задать много вопросов, но задайте их сами себе, спросите себя, связаны ли ее трудности по учебе с объективными причинами, читает ли она книжки, смотрит ли фильмы, ходит ли в театры? Если на все

ответ «да», значит ей не подходит та система обучения, которую вы ей предлагаете.

В любой школе такая система обучения.

Да ладно! Есть экстернаты, есть домашнее обучение, есть учебные группы, когда собираются пятеро или семеро детей, их родители скидываются и нанимают учителей. Есть разные формы обучения. Но если мы говорим о Насте, которая способна себя организовать, способна начать то дело, которое ей нравится, и довести его до конца (или не довести, если оно перестало ей нравится), то с ней нужно разговаривать, чтобы она помогла вам понять, что ей в учебе не дается, где провал, короче говоря. Если она смотрит фильм и понимает, о чем идет речь, странно, что она не понимает, что говорит училка. Это значит, что у нее происходит какой-то психологический отказ. Так что ищите и не опускайте руки. Возможно, ей вместе с вами нужно сходить к хорошему психотерапевту, просто поболтать об этом, выяснить, с чем это связано и как ей можно помочь.

Нам психолог сказал, что у нее эмоциональный канал памяти, то есть она вообще не воспринимает информацию, которая не вызывает у нее эмоций. И соответственно, утехи в учебе есть там, где яркие преподаватели, а таких всего двое.

И с этими двумя преподавателями действительно все в порядке?

Да. Они так интересно преподносят материал, что она все хорошо воспринимает.

Итак, мы с вами сузили нашу проблему до школы, я правильно понимаю? Знаете, есть такой родительский грешок, он есть и у меня, и сейчас вы его продемонстрировали очень ярко: если у человека что-то не получается в школе, то есть если в школе я медлительный, то я медлительный и в жизни, если в школе я чего-то не понимаю, то и в жизни тоже «ай, ты тупица, ничего не понимаешь». Какая ерунда, школа — это всего лишь часть жизни. Надо искать других преподавателей, разговаривать с ней об этом, помогать, излагая какой-то материал, может, привлекать дополнительных учителей, записывать ее на кружки с яркими преподавателями, если вы нащупали такую особенность. Это очень интересно и совсем не страшно. Папе передайте, пожалуйста, что режим дня тут ни при чем.

К нам дозвонилась Оксана из Санкт-Петербурга. Здравствуйте, Оксана!

Здравствуйте, Дима! Мой сын учится во втором классе, все у нас хорошо, только он очень медлительный. Может собираться в школу очень долго. Портфель сложен с вечера, одежда подготовлена, два младших брата уже у лифта, а он еще надевает куртку. То же с уроками — делает их полдня. В школе сидит один на последней парте. Учитель говорит, что только так он сосредотачивается и занимается. Если посадить его ближе, он начинает отвлекаться. Как помочь ему стать динамичнее? Сам говорит, что хотел бы больше успевать.

Все люди разные. У его братьев один ритм, а у него другой. Если он и правда хочет больше успевать, то вам стоит на десять минут раньше вставать. Надо сделать так, чтобы у него утром было больше времени. Я знаю, что это звучит просто, почти примитивно, но если дело в этом, то все будет работать.

Относительно того, что он отвлекается: а на что отвлекается? На что-то несущественное или на что-то, что ему кажется более существенным, чем урок? Мне кажется, что сажать человека одного за последнюю парту, чтобы он, видите ли, не отвлекался — это педагогическая ошибка. Учительница просто не понимает, как в этой ситуации с ним взаимодействовать, и ссылает его на камчатку, чтобы он не маячил перед глазами и не раздражал. Надо с ней поговорить, выяснить, чего она добивается. Это не праздный вопрос. Нужно понять, как этот юный человек учится, как ему удобнее воспринимать материал. В восемь лет у него есть несколько десятков каналов взаимодействия с действительностью. Кому-то удобнее воспринимать информацию визуально, кому-то письменно, кому-то на слух. Учитель начальных классов должен владеть всеми методиками обеспечения учебного процесса. Что делать? Попытаться изучить его ритм. Стать его представителем, поговорить с учителем. Взаимодействие с родителями входит в наши учительские обязанности. Все люди разные. Он имеет право быть другим, жить в другом ритме. Что менять? Принципиально ничего. Ругать его не за что. Надо постараться организовать рамки, в которых ему будет комфортно.

А зачем делать уроки?

До нас дозвонился Андрей из Брянска. Здравствуйте, Андрей!

Здравствуйте! Моей дочке девять лет. Когда дело доходит до домашнего задания, начинаются скандалы, слезы, истерики. Не знаем, что делать.

Честно отвечать или политически корректно?

Честно, конечно.

Тогда у меня к вам вопрос, Андрей. А зачем делать уроки?

Как зачем? Все делают уроки.

Вот так. Это хороший ответ. Отвечайте и слушайте себя. Дочка: «Зачем мне делать уроки, папа?» «Все делают уроки» — это очень странный ответ, согласитесь. «Папа, объясни своей любимой дочке, зачем делать уроки».

Чтобы быть грамотным, умным человеком.

«Папочка, но разве грамотные, умные люди не получаются без уроков? Ну о чем ты говоришь? Я много читаю. Грамотными, я слышала, становятся, когда много читают, общаются с другими людьми. При чем тут уроки?»

Должен вам сказать, что ваша девятилетняя дочка прекрасна. Почему? Потому что не получая ответ на вопрос «зачем делать уроки?», она их и не делает. Более того, видимо, она не может позволить себе задать этот вопрос, потому что предугадывает ответ. А ведь вы — исправьте меня, Андрей, если я вас неверно понял — фактически ответили: «Дима, я не знаю, зачем делать уроки». Так устроена школа — говорите вы.

Так вообще устроена жизнь.

Жизнь устроена не так. Давайте подумаем с вами. Разве мы делаем уроки, приходя с работы?

Ну мы же не учимся, когда работаем, правильно?

А что же мы делаем, интересно? Мы учимся всю жизнь.

Получается, школа и уроки — это такая же работа, каку взрослых, только детская, я правильно понимаю?

Нет-нет, неправильно! Потому что работу вы выбирали сами, а в школу человек приходит, потому что его туда привели силой или потому что он не мог туда не прийти. Это совершенно разные

вещи. Я далек от того, чтобы сказать вам: «Уходите немедленно из школы, не делайте уроки». Я не о том. Рядом с вами находится удивительная девочка, которая, как и многие ее сверстники, говорит: «Я не очень готова выполнять работу, смысла которой не до конца понимаю». В ответ на это вы, Андрей, как и другие взрослые, не знаете, что сказать. Уверяю вас: если вы найдете правильный ответ, что очень сложно, то она вас услышит, она же вас любит. Но «делай так, потому что другие делали так раньше» или «все так делают» — слабый ответ. А ответы типа «если ты не будешь делать уроки, то станешь глупой» или «школа — это твоя работа» точно не сработают, потому что она знает, что это не так.

Иногда она выполняет домашнее задание без капризов и слез. Садится и спокойно за какие-то там сорок пять минут делает уроки. А иногда — «не хочу, не буду, у меня не получится, у меня все плохо».

Андрей, а разве у вас жизнь не так устроена? Я полагаю, у вас тоже бывает, что вы беретесь за какое-то привычное дело, садитесь и вдруг делаете его с лету. Или наоборот: не можете себя заставить приступить к работе. Ваша дочь живая, она точно такая же, как мы с вами. В момент, когда она не хочет делать уроки, ей нужна ваша поддержка. Учительница ее и так поругает. Я надеюсь, что у нее хорошая учительница, которая скажет: «Ничего страшного, в следующий раз повторишь». Встаньте на сторону своей дочери. Как? Я вам скажу страшную вещь, самую страшную, а потом мы отступим. Самое страшное: «Сегодня можно не делать уроки». Я специально говорю вполголоса, чтобы нас не услышали дети. Представляете, можно не делать уроки!

Если вы считаете, что уроки — важнейшая часть человеческой жизни, тогда садитесь и делайте их вместе с ней. Ей нужна помощь. Вообще это очень большой вопрос, нужны уроки или нет. У меня нет уверенности в положительном ответе. Садитесь рядом с доченькой и помогайте. Не ругайте ни в коем случае. Не за что ее ругать! Ну что ж плохого, если она такая самостоятельная?

А если привыкнет к тому, чтобы с ней постоянно сидели? Как быть, когда она подрастет?

Если она увидит, что папа ей помогает, знаете, чему она научится? Помогать другим людям. Потому что пример помощи ваша дочь будет видеть рядом. Теперь вы намекаете на то, что, возможно, когда она подрастет, то не будет делать уроки самостоятельно? Но как мы выяснили, уроки вне школы делать не нужно. Многим взрослым не очень хочется возвращаться в

детство в частности из-за никчемной, никому не нужной работы. К слову, если я сейчас предложу вам, себе и слушателям какой-нибудь материал не для третьего, а для девятого класса, мы выясним, что из этого материала знаем процентов семь, несмотря на то, что когда-то делали уроки. Может, эти уроки были не так и важны, если мы почти ничего не запомнили? А ваша дочь уже сейчас ставит их под сомнение. Так что не бойтесь ее поддерживать. Я не призываю говорить, что уроки — это глупости, что они никому не нужны. Просто будьте на ее стороне любыми доступными вам способами. Пожалейте ее, скажите: «Давай забьем и пойдем есть мороженое» или «Давай сделаем это вместе».

Отсутствие домашнего задания — тренд сегодняшнего образования, и в России есть такие школы. Что произошло? Двадцать первый век устроен иначе, чем двадцатый и тем более девятнадцатый. Современным детям нужен постоянный опыт взаимодействия с действительностью. Им надо учиться выбирать. Им нужно жить полной жизнью. И в этом смысле гораздо важнее провести время с семьей, сыграть в шашки, поболтать, пособирать на улице цветы или просто поплевать в потолок.

У нас на связи Валентина из Москвы. Здравствуйте, Валентина!

Здравствуйте, Дима! Сыну шестнадцать лет. Учится в десятом классе. Уроки практически не делает. При этом двоечником назвать его не могу. В полугодии, надеюсь, будет только одна тройка.

Ничего себе «двоечником назвать не могу»! Одна тройка — так он просто прекрасно учится!

На мой вопрос, что там с уроками, реакция всегда неизменная — агрессивное раздражение, терпеть которое, особенно после трудового дня, невероятно сложно. Очень часто сын реагирует вспышками ярости. Можно ли ввести какие-то санкции за это? Например, до конца года лишить его общения с друзьями? Потому что для него с недавнего времени это самое важное. Каким, на ваш взгляд, должно быть адекватное наказание?

Валентина, надо понять, чего вы хотите на тему уроков. Если он практически их не делает, но очень хорошо учится в десятом классе, то, может быть, его все устраивает? Что не так-то? Если

ему ставят приличные оценки, если он счастлив, ему комфортно, то почему вы волнуетесь? Мне кажется, что для волнения нет никакого повода.

Более того, вы говорите, что на ваш вопрос у него всегда неизменная реакция — агрессивное раздражение. По-моему, довольно понятно, почему в этой ситуации он выказывает такие эмоции. «А чего она от меня хочет? Чтобы я получал семерки вместо пятерок или шестерки вместо четверок?» В чем идея-то? Что не так?

Теперь смотрите: если это агрессивное раздражение граничит с хамством, то вам надо садиться и разговаривать с ним о том, как у вас в семье принято себя вести и как не принято. И вообще хорошо бы уже честно говорить ему, что вам что-то неприятно, и именно на этом основании вы просите его так с собой не разговаривать, именно просите, потому что ему шестнадцать лет. Он взрослый совсем, у него есть представление о жизни. Когда нашим детям шестнадцать лет, нам в первую очередь нужно заботиться о будущих взаимоотношениях. Нужно заботиться о том, чтобы они слышали нас, а мы слышали их.

Отсюда вытекает ответ на следующий ваш вопрос: можно ли наказывать человека запретом на общение с друзьями? Мне кажется, что наказание — это не про людей, а про дрессировщиков. Наказывать людей — очень странно. С людьми можно договариваться, ссориться, конфликтовать, но наказание — это всегда насилие сильного над слабым. Подумайте об этом. А когда перед нами шестнадцатилетний юноша, то это совсем смешно. У него есть что-то, что ему дорого. Зачем же вы как любящая мама хотите лишить его того, что ему дорого? Неужели вы не счастливы за него? Неужели вы не радуетесь за него, что у него есть кто-то, кого он любит? Очень грустно лишать его того, что он любит. Даже если это не друзья, даже если это мороженое по вечерам или любимые фильмы. Не делайте этого, пожалуйста. А про вспышки ярости поговорите отдельно и попросите так, как близкий человек просит близкого человека.

С нами Константин из Сургута, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! У меня дочка четырнадцати лет, в восьмом классе учится. С прошлого года стала обманывать, что делает уроки. На самом деле сама она их не делает. Телефону нее — свет в оконце. Там у нее «Инстаграм», «ВКонтакте» и все-все. Мы там сидим, на телефон у нас время есть, а на домашние задания нет. Мы находим ответы в интернете…

Подождите, Константин. А когда вы говорите «мы», вы имеете в виду, что тоже сидите? Или это такое родительское?

Нет, я не сижу. Дочь сидит в телефоне, списывает оттуда домашние задания. Преподаватели это прекрасно знают и не засчитывают ей их. Позиция у нее такая: «Мне и тройки хватит». С тройки на двойку — и все хорошо.

Вроде бы ей нравится один мальчик, не знаю, может, еще с этим связано. Они переписываются. Мне хотелось бы узнать, во-первых, что делать с телефоном? И во-вторых: как сделать так, чтобы у нее появилось желание, мотивация делать домашнее задание? Хочется, чтобы она училась хотя бы на четыре. Мне отличников не надо, но и плохого отношения…

Я понял. А вам зачем, чтобы она хотела делать домашнее задание?

Ну, школа — это вообще-то обязательное…

Школа обязательное, да. А в чем проблема?

И она обязана делать домашнее задание.

Подождите. Мне кажется, у нас с вами возникла некоторая путаница. Значит, смотрите, школа — это штука обязательная, это правда. До поры до времени. Хотя закон об образовании звучит чуть пошире. Но возьмем такую контрольную версию. Она относится к школе как к чему-то обязательному? Окей, если школа так придумана, что надо приносить домашнее задание, — она скатала в интернете и принесла…

Школа нужна для того, чтобы получать знания. Знания она не получает, она тратит свое время напрасно.

«Школа нужна для того, чтобы получать знания» — это интересное заявление. А при чем тут домашние задания? Давайте возьмем это как рабочую гипотезу. Предположим, школа нужна, чтобы получать знания, да? Домашнее задание какое к этому имеет отношение?

Домашнее задание? Ну… это закрепление того, что прошли в школе. Закрепление.

Это закрепление того, что учитель не успел сделать в школе. И к знаниям домашнее задание имеет косвенное отношение. Спорьте со мной, если не согласны. Удивительным образом в тот момент, когда она сидит в телефоне, она приобретает знания. Разве нет?

Скорее всего, да, но я бы сказал, что это не знание, а опыт.

А знание — это что? Это что-то скучное, то, с чем в жизни

тебе никогда не придется столкнуться? Как у нас с вами, которые не могут вспомнить семьдесят процентов того, что проходили в школе? Это я сейчас нам польстил — и вам, и себе. Девяносто три процента. Знание — это что такое? Мы чего хотим-то?

> Как не упустить интереса к занятиям, не включающим развлечения? А не делить мир на развлечения и неразвлечения. Вы подумайте, вы сейчас слушаете эту передачу — это развлечение или учение? Трудно определить, правда? Вот и я думаю, что трудно. Мы привыкли к тому, что учение связано с тяжким трудом, что оно не может доставлять удовольствие. И напротив: если человек, например, сидит в планшете, то он точно развлекается, а не учится. К этому мы приучаем наших детей.

Почему я так сложно вам отвечаю, такие сложные вопросы задаю? Потому что если мы не поймем мотивы всех сторон — кто чего хочет, — нам будет очень трудно разобраться. Да, в школу ходить надо. Я хожу до поры до времени, а потом у меня возникает много вопросов. Например: я вот учу по семь-восемь часов в день разные предметы, а они правда имеют отношение к моей будущей жизни? Я смотрю на любимую маму, на любимого папу — и что-то не получается, я вдруг понимаю, что напрямую эти предметы могут и не иметь отношения к будущему, а порой вообще не имеют. Мне говорят: надо получить знания, ты обязательно должна узнать, предположим, принцип работы синхрофазотрона. Я смотрю вокруг — никто из взрослых не знает этого принципа. А мне-то он зачем? Так может, в этот момент я пойду и скатаю все из интернета, сдам учительнице и займусь, наконец, тем, что мне интересно?

Я говорю это не для того, чтобы вас запутать. Наоборот, я пытаюсь распутать эту ситуацию. Я стараюсь смотреть на это отчасти глазами наших детей. Понимаете, какая штука?

Я знаю. Она так и говорит, не стесняется: «Зачем мне эта ваша школа и все такое, зачем эти домашние задания?»

Видите, какая умная девочка у нас. А вы что отвечаете?

А я ей отвечаю, что набор базовых знаний она должна получить в школе.

Это правда. Только набор базовых знаний закончился приблизительно к пятому классу. Она умеет читать, писать, считать. Я не говорю, что учиться не надо. Напротив, я фанат учения. Я считаю, что учиться — это самое крутое, что есть на

свете. Но только надо понять, зачем мы это делаем и какое отношение это имеет к нашим детям. Если мы можем ответить на этот вопрос себе и им, тогда все меняется. Но если нет… Вот смотрите, вы же не первый в этой программе, чей ребенок задает один и тот же вопрос: «Пап, мам, зачем мне нужна школа?» Если мы, взрослые папы и мамы, не можем хоть как-то достойно ответить на этот вопрос и у нас нет ничего кроме: «Надо учиться, потому что без этого ты не получишь диплом.», то ничего у нас не получится, понимаете? Что делать будем, Константин?

Не знаю.

Чувствую, я вас все-таки загнал в тупик. Ладно, даю ответы. Она взрослая. Это значит, что у вас наверняка есть много общих тем. Вероятно, вам нравится проводить время вместе, вам есть о чем поговорить. Поболтайте как-нибудь про уроки. Вы не знаете ответа, и она не знает ответа. Более того, я и сам не знаю ответа на этот вопрос. Этот ответ нужно искать.

Вы знаете, мы говорили с ней об уроках в непринужденной обстановке, в кафешке блинчики кушали, сидели там часа полтора-два. Ей очень нравятся математика, геометрия, алгебра, физика. Но ей проще списать в интернете, чем решать самой.

Я не знаком с вашей дочкой, но тем не менее попробую поработать ее защитником. Это значит, что те задания, которые ей дают, не имеют ничего общего с ее интересом. Если ей интересна математика, то я вас, во-первых, поздравляю, а во-вторых, надо бы понять, что именно ей интересно, и бегом бежать в какой-нибудь кружок или искать учителей. В университете есть какой-то специальный курс для ее возраста.

Вы вспомните наши домашние задания. Нам говорили: «Вы должны повторять, повторять и еще раз повторять то, что делали в классе». И мы тогда не смели задать вопрос, который я задал вам в эфире: а зачем? Часто наши дети приходят домой и в три, и в четыре, иногда позже. У них остается три-четыре часа на себя, на то, чтобы с мамой и папой поболтать, на то, чтобы фильм посмотреть, книжку почитать, с друзьями пообщаться. Но им говорят: «Нет, сейчас вы будете закреплять знания». Допустим, они закрепили. А дальше что? Они сделали это для того, чтобы через пять лет сдать ЕГЭ и потом забыть все это как страшный сон? Очень странное закрепление.

Как-то это сильно либерально. У вас все либерально, Дима. Но я примерно вас понял.

Вы можете называть это либеральным, а можете называть это,

наоборот, консервативным. Дело не в этом. Дело в том, что я работаю с детьми и знаю, что они говорят и что думают. Более того, поскольку это моя профессия, я знаком с исследованиями, посвященными образовательному процессу. Разве хорошо, когда наши дети бегом убегают из школы? Разве хорошо, когда они вспоминают ее как кошмар? А что в школе было хорошего? Друзья хорошие были. Так друзья-то могут быть где угодно. Смысл школы в том, чтобы они общались с миром и открывали для себя что-то новое. Ваша девочка, как и все остальные дети, целый мир хотела обнять до семи лет, разве нет? Ей все было интересно, она всюду совала свои ручки, в годик она бросала предметы из кроватки и самозабвенно смотрела, как они летят вниз, а не вверх. Что ж мы, взрослые, сделали? Процесс их учения надо организовать таким образом, чтобы они понимали, зачем учатся.

Теперь альтернатива: вы можете забрать у нее телефон. Вы можете стукнуть кулаком по столу, прикрикнуть и сказать: «А ну-ка делай уроки!» Да, она будет делать уроки. И без телефона проживет. Но до скольки лет? До пятнадцати? До шестнадцати? А потом что?

А с телефоном вообще засада. Интернет — злейший враг детей, я считаю.

Нет, не злейший враг, все наоборот, Константин! А что вы хотите, чтобы она делала? Телефон интереснее, чем все остальное? Значит мир вокруг детей должен быть настолько интересен, чтобы было зачем от телефона отрываться. Вы же видели и детей, и взрослых, которые так увлечены чем-то, что про телефон просто забывают.

Вы знаете, как-то я работал дома. Я ей сказал: «Лиз, положи свой телефон мне на стол, а сама делай домашнее задание, потому что я считаю, что он тебя отвлекает». Она говорит: «Хорошо». Положила телефон, ушла. И этот телефон пикал каждые пять секунд. Как можно учиться, когда уведомления приходят каждые пять секунд?

Константин, это правда. Но она сидит в телефоне, потому что он ее интересует. Что в этом плохого-то?

Плохого в этом ничего нет.

Правильно. На одну ладонь я кладу что-то, что интересно человеку четырнадцати лет, а на другую все, что связано со школой. Конечно, первая ладонь перевесит. Наше с вами дело — сделать так, чтобы на второй ладони оказалось что-то

существенное для нее.

Например, ЕГЭ сдать ничего не стоит, если я нахожусь внутри контекста, внутри знаний. Конечно, к ЕГЭ, как и к любому экзамену, нужно готовиться. Сколько? Полгода? Если я ориентируюсь в этом бескрайнем океане, который мы называем литературой, если я примерно понимаю, как устроен мир, сколько мне нужно времени, чтобы подготовиться к ЕГЭ? Полгода, иногда три месяца, а иногда два. Я вообще знаю детей, которые готовились всего две недели и сдавали, но будем считать это исключением. Если человек любит математику, как ваша дочь, и бежит в класс, где учитель каждый раз при помощи математики рассказывает, как устроен мир, то сколько времени ему нужно на ЕГЭ? Три-четыре месяца. Но если ребенку в пятом классе говорят: «Все, жизнь твоя закончена, мы шесть лет будем готовиться к ЕГЭ», то он совершенно иначе начинает относиться к своему любимому предмету. И это очень грустно. Мне хочется, чтобы наши дети обожали литературу, математику, русский язык, историю. Но они должны понимать, зачем эти предметы им нужны, разве нет? И нужны они им не из-за ЕГЭ. Такой философский у нас с вами разговор получился. Не прикладной, а философский.

Понимать-то должны, но как сказать, чтобы она поняла, что ей это нужно?

В школу нужно ходить, потому что школа учит нас тому, как устроен мир. Вот я напомню вам одну вещь, которую вы, наверное, когда-то знали и забыли. Математика у древних греков была частью философии. То есть науки, которая помогает нам познать окружающий мир. Вот для чего нужна математика. Она нужна не для того, чтобы мы могли в уме умножить 5832 на 12 454. Она мир нам объясняет. Пифагоровы штаны, таблица Пифагора — это строение Вселенной на самом деле. И если дети поймут, что это инструменты для познания мира — и литература, и история, и математика, и любые другие предметы, — они бегом туда побегут. Что делать с четырнадцатилетней девочкой? Надо поговорить с ней, сказать, что вы ее понимаете, что ищете способ, как помочь ей справиться с этими самыми уроками, и послушать, что она скажет в ответ. «Доченька, как сделать так, чтобы ты справлялась с уроками?» Обязательно нужно, чтобы она вам ответила, зачем ей нужна школа. Если она говорит: «Мне школа не нужна», то вы ее не переубедите, вам надо вместе искать ответ на этот вопрос.

Понятно.

Да? Извините меня, пожалуйста, если я вас перегрузил.

Нет, все отлично!
Ну дай бог, счастливого пути!

Мы должны быть на стороне наших детей. Система образования, к сожалению, рушится. Я очень часто бываю в регионах. И, друзья, вы знаете, что дети сейчас уходят из школ? Потому что не понимают, что там делать. Они смотрят на нас и видят, что мы выжили, не помня и половины школьной программы. Одиннадцать лет! Такое количество лет! А в итоге мы вспоминаем всего несколько событий и говорим, что по-настоящему начали жить, когда окончили школу. Подготовка вместо жизни. Сначала готовимся к детскому саду, в детском саду готовимся к школе, школа нужна для того, чтобы подготовиться к институту, в институте готовимся… Наши дети сейчас должны понимать, зачем они живут. Должны понимать, почему мама с папой говорят, что телефон — это плохо. Не из-за того ли, что когда-то им говорили: «Телевизор — это плохо. Если будешь его смотреть, то отупеешь»? Разве мама с папой отупели? Родители так говорят, потому что боятся, потому что хотят своим детям добра. Но мы же с вами взрослые, мы должны постараться понять, что с нами происходит, почему мы так говорим, почему боимся планшетов и телефонов. Я вам по секрету скажу, почему боимся. Потому что не знаем, что такое детство с планшетом, понимаете? У нас в детстве не было планшетов. А у наших детей они есть. Значит они понимают в этом намного лучше, чем мы. Значит нам надо учиться вместе. Хорошо ли, что они с утра до вечера пялятся в планшет? Нет, нехорошо. Давайте попробуем предложить им какой-то проект, который поможет им отвлечься. Позавидуйте детям, они живут сегодня такой интересной жизнью, в таком открытом мире… Давайте сядем рядом и попробуем поучиться у них.

Когда важны оценки, а не отношения

С нами Полина из Череповца, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моей дочери Маше десять лет. У нее были трудности в школе в прошлом и позапрошлом году. Ребенка я воспитываю одна, работаю по сменам. День работаю, прихожу домой в десять вечера, на следующий день работаю в ночь. Есть еще вторая, третья работа. Я не успеваю высыпаться. К вечеру я никакая. Только в выходной день я более-менее адекватная. Все лето в подкастах слушала ваши передачи, решила немного ослабить хватку. Раньше был прям контроль — «нужно сделать уроки», «мы садимся делать уроки». Прихожу в девять вечера с работы, уроки вообще не сделаны. Мы делаем их до одиннадцати ночи. Решила немножко пересмотреть свое поведение. Отучились целый месяц. В итоге у нас все покатилось. Одни двойки. Плюсу нас возникли трудности, связанные с воровством.

Воровством у вас или у других?

И так, и так. Вплоть до того, что весной мне позвонили из магазина.

Это давняя история, а я испугался, что трудности начались из-за того, что уроки перестали вместе делать.

Я ребенку говорю, что, может, мне тебя оставить в покое, не нажимать? Нужна помощь? Я рядом.

Я помогу. Не нужна — я не наседаю на тебя. На что она мне говорит: «Нет, ты меня заставляй». «Как я могу тебя заставить, если ты не хочешь? Как можно заставить человека делать то, чего он не хочет?» «Нет, сиди со мной, заставляй меня». Сидим. Она не хочет что-то делать, начинается истерика: «Я не буду, не хочу!» В итоге все покатилось. Получается, она просит о помощи, но как только становится тяжело, надоедает — моя помощь не нужна. Я не знаю, как ей помочь и как себя вести в этой ситуации.

Нам надо выбрать, о чем мы сейчас будем говорить. Сформулируйте свой вопрос.

Как помочь ребенку с уроками? Сначала она просит о помощи, а потом сама же ее не принимает.

Именно с уроками? А почему ей важно делать уроки?

Она видит, что я расстраиваюсь.

Я тоже подозреваю, что в этом дело. Маша оказывается в ловушке. Понятно, что мама для нее самый близкий человек. При этом мама вынуждена тяжело работать, она редко бывает дома. Маша по ней очень скучает. Мама расстраивается, когда она не делает уроки. Мама приходит домой в девять вечера ужасно уставшая. Маша в этот момент хочет общаться с мамой, но та расстраивается, когда дочь не делает уроки. Значит она общается с мамой, делая уроки. Почему я называю это ловушкой? Потому что уроки она делать не хочет, а хочет гренки жарить вместе с мамой, мультики смотреть, книжки читать. Из этого капкана нам с вами нужно как-то выбираться. Можно с Машей для начала об этом поговорить. Знаете, какой вопрос я хотел вам задать? А как вы проводите с ней воскресенье? Вы говорите, это единственный день свободный. Я вернусь потом к урокам, обещаю.

Не воскресенье. У меня каждый четвертый день выходной. Бывает, что в воскресенье меня как раз нет.

Хорошо. Как вы проводите с ней тот день, когда у вас выходной?

Если это учебный день, то у нее еще тренировка после школы. Она приходит домой в половине шестого.

Какая тренировка?

Спортивной гимнастикой занимается.

А дальше у вас начинаются уроки? Занимается, потому что любит спортивную гимнастику?

Жить не могла без нее. Летом она ждала, когда начнутся тренировки. Последние две недели у нас возникают разговоры о том, не бросить ли…

Потому что она взрослеет. То ли еще будет. Раз у вас жизнь такая непростая, то этот день должен быть особенным. Это должен быть маленький, но праздник. Придумайте что-нибудь, вам же ее тоже не хватает. Погуляйте где-нибудь, посмотрите вместе киношку.

С этим у нас проблем нет. Если день свободен от уроков, мы куда-нибудь ездим.

Да подождите вы с уроками, Полина! У меня сердце кровью обливается. Ну это же смешно! «Когда есть свободное время от уроков, мы гуляем, а когда нет, то ты мне не дочь больше». Это очень странно звучит. В первую-то очередь она ваша дорогая

Машенька, разве нет? Система образования, к сожалению, устроена несовершенно. Я вообще думаю, что уроки — это полная чепуха и попытка школы дотянуться к вам домой, испортить вам вечер, что она и делает. Мне кажется, что отношения первичны. Она и так, вы говорите, двойки получает. Возможно, она и будет их получать, но отношения с мамой сохранит. Надо с ней поговорить по-честному и очень серьезно о ваших волнениях, сомнениях. Можете сказать ей, что на радио звонили, просили совета. Признайтесь ей, что не можете выйти из этой ситуации, что когда хотите побыть с ней, сами оказываетесь в капкане этих уроков. Договоритесь с ней, чтобы она сама делала какую-то часть из них. Или пусть ей кто-нибудь помогает их выполнять. Надо помочь ей выпутаться.

Мы с ней разговариваем. Она говорит, что сделала.

Полиночка, ну мы-то с вами понимаем, почему она так говорит. Потому что не хочет вас расстраивать, но и делать их тоже не хочет. Ей десять лет! Понимая, что вечером будет кошмар, она говорит это, потому что не умеет иначе, она ребенок, она маленькая. Надо приходить домой, целовать дочь и спрашивать, в чем нужна помощь. Спрашивать, готова ли она получить пару. Полина, одним словом, я хочу сказать, что отношения первичны. Абсолютно это гарантирую. Если вечером вы будете идти домой как на праздник, все изменится. Думаю, вы идете довольно печально, понимая, что сейчас будет скандал. Она боится ваших приходов (если еще не боится, то будет). Может ли завалиться учеба? Да, может. Но что первично-то? Касательно воровства, например. Воровство в этом возрасте — это всегда крик «обратите на меня внимание!». Всегда! За редчайшими исключениями. Дальше будет еще много всякого. Придумайте, как вам устраивать друг другу праздник. Вы же вместе, вы же вдвоем, вам так хорошо, пусть она начнет это чувствовать. Ничего не произойдет с уроками, хуже, чем двойка, не будет. Прогнозирую, что дело постепенно наладится, потому что она перестанет бояться.

Я слушала ваши передачи, сказала: пусть будут двойки, готова к двойкам. Двойки пошли, в итоге у нас уже единицы в журнале, потому что работу над ошибками не делаем. В итоге она расслабится и не будет напрягаться.

Это слишком вульгарное рассуждение. Что значит «не напрягаться»? Нужно ли делать работу над ошибками? Да, если это доставит удовольствие и вам, и ей. Я счастлив буду, если в воскресенье в середине дня во время прогулки вы сядете и

сделаете работу над ошибками, что в этом плохого-то?

А если нет?

К работе над ошибками следует приступать, если это повод для приятного общения. А если это война и вам обеим очень неприятно, то первичны отношения. Я боюсь, что когда вы говорите «она расслабится», вы немножко провоцируете сами себя, меня и наших слушателей на «забейте». Нет, нельзя забивать на близких. Надо их на руках носить, обнимать, целовать, помогать им, иногда останавливать, конфликтовать с ними, но всегда быть рядом. Если все вечера превращаются в выполнение уроков, вы сами видите, что происходит. Можно делать уроки, я не запрещаю, но сначала пусть будут человеческие отношения.

К нам дозвонилась Елена из Саратова. Здравствуйте!

Добрый день! Моей дочери скоро восемь, заканчивает первый класс. У нас проблема с оценками. В первом классе оценки не ставят, но негласные все равно есть, чтобы родители видели успеваемость детей. Поскольку я работаю целый день, ребенком занимается бабушка, а для нее любая оценка ниже пятерки — трагедия. Я меж двух огней. Ребенка прессовать не хочу. Как донести до моей мамы, что четверка тоже хорошая оценка? Как мне реагировать на плохие оценки у ребенка?

Я скажу вам жестко, что думаю, а дальше будем выходить из угла, в который я нас загоню. Это ваша с мамой война, а не ее. Понимаете, какая история? Я знаю, что это печальное сообщение, звучит оно жестко, но зато честно. Я понимаю, что мамина судьба могла сложиться особым образом и, честное слово, отношусь к ней с уважением. Но мне кажется, что вам нужно об этом разговаривать.

Я разговаривала. Я подвергалась такому прессингу в детстве, и это привело к тому, что я стала скрывать оценки, потому что из-за тройки в семье разгорался скандал. Я с мамой разговариваю, но она обижается на мои слова. У нас все осложняется еще тем, что мама сама педагог.

Мама с вами живет?

Да, мы живем вместе.

Ну что вам сказать, Елена? Сражайтесь. Альтернатива беседы с вашей мамой — разговор с дочкой. Вы можете объяснить ей, что не нужно слишком серьезно относиться к тому, что говорит бабушка. У нас ведь с вами стоит задача уберечь ее от того, что было у вас, правильно я понимаю?

Нет. Скорее как более спокойно реагировать на оценки, не расхолаживая ее?

Она не «расхолодится». Интерес к учебе у нее пропадет, если мотивацией будут оценки. Какой смысл учиться за оценки? Это к учебе не имеет никакого отношения.

Я тоже за знания, а не за оценки.

Даже не за знания надо учиться, а из-за того, что человек любопытен в семь лет. Знание — вещь абстрактная, особенно сегодня, когда любую информацию можно найти за две минуты, правда же? Лен, нам же нужно, чтобы ваша чудесная, удивительная девочка семи лет оставалась любопытной. Ей очень нужна бабушка. Бабушка — очень важный человек.

Согласна.

Бабушка любит не за оценки, а просто так. Попробуйте маме на разные лады объяснить, что бабушка пожалеет, если внучка грустит, а не сделает еще хуже. Вообще хорошо бы, чтобы она нашла какое-то общее занятие со своей прекрасной внучкой. Я знаю, что проект, который я предлагаю, сложный, зато честный. Я могу напугать вас и бабушку прогнозом, рассказать, что будет.

Но, судя по всему, вы и сами знаете, что будет. Замечательная девочка перестанет интересоваться тем, что происходит в школе. Потому что и дома горящая земля под ногами, и в школе. Вообще я злюсь на российскую школу! Они оценивают семилетнего ребенка, чтобы родитель все понимал! Будьте на стороне этой девочки. А если по-честному, то я бы сказал вашей дочери, что это полная чепуха, что взрослые просто не способны дать нормальную обратную связь, поэтому они придумали такую систему, так что париться об этом не надо. Жестковато получилось, Лен?

Ну, неожиданно.

Еще одна деталь: вы сказали, что в основном девочкой занимается бабушка, а вы не покладая рук работаете. Давайте придумаем что-нибудь, чтобы вы с дочкой проводили больше времени. Пусть она отправится с вами на работу. От того, что вы рядом, ей будет очень хорошо.

Я поняла, спасибо!

Оценки и самооценка

У нас на линии Татьяна из Москвы. Здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моей дочери четырнадцать лет. В принципе, она хорошая девочка, учится неплохо. Но у нее постоянно возникают проблемы с каким-нибудь учителем. Начались они с учителя ИЗО. Она получала по его предмету одни двойки-тройки, хотя таких оценок не могло быть, ведь она посещает художественную школу. После учителя ИЗО мы переключились на учителя английского языка. По ИЗО пошли пятерки, а с английским начались проблемы. Через год с английским все стало хорошо, начались проблемы с физкультурой. Это такие предметы, которые не требуют каких-то усилий в учебе, особенно для нее. С остальными предметами все хорошо. Почему так происходит и как решить проблему?

Ничего себе, Татьяна, вопрос! Тот случай, когда я могу только развести руками и сказать: я не знаю! Просто речь, наверное, идет о какой-то конкретной ситуации, которую действительно надо бы понять. Самый простой вариант: в этот момент она забрасывает одно и начинает заниматься другим. А что вас, собственно говоря, волнует? Я просто не услышал повода для волнения.

Претензии учителей как минимум. Сейчас если по всем предметам у нее четверки-пятерки, то по физкультуре еле-еле выходит тройка.

И что?

Как что? Меня вызывают учителя из-за того, что ребенок плохо учится. Это влияет на ее самооценку.

Касательно ее самооценки хорошо бы ей объяснить, что одно дело оценка учителя, а другое — самооценка. Какая связь? Почему ее самооценка должна падать?

Есть какая-то определенная проблема. Думаю, после физкультуры начнется проблема с другим предметом. Я боюсь, что это произойдет с математикой или физикой.

Татьяна, мой вам совет: отступите. Девчонке четырнадцать лет, у нее наверняка есть собственное представление об этом. Я не волшебник, не вижу ситуацию изнутри. Будет у нее по физкультуре трояк, ну и что? Если у вас есть ответ, то ответьте мне.

Если бы у меня был ответ, я бы вам не звонила.

Попробуйте посмотреть на это отстраненно. Отличная девчонка, как вы ее отрекомендовали с самого начала. Все у нее в порядке. Время от времени она что-то подзаваливает. У вас не так разве? У нас всех так, нет?

Да, наверное, у всех.

Ну и все. Английский язык она вытянула. Очевидно, ей или вам это стало важно. В этот момент она забила на физкультуру. Поддержите вы ее! Ее самооценка уж точно не должна по этому поводу страдать. «Здорово, что ты, дорогая, смогла сконцентрироваться на английском». Ну, будет трояк по физкультуре. А у вас что, одни пятерки были? Нет, конечно. И у меня тоже, страшно сказать. И у большинства наших слушателей, я думаю, были разные отношения с учителями.

Мы должны разорвать порочную связь между оценкой, которую ребенку поставили в школе, и его самооценкой. Это всего лишь субъективная оценка. Не объективная, друзья! Это не компьютер, а человек. Субъективная оценка дяденьки или тетеньки.

Юлия из Москвы. Здравствуйте!

Дима, добрый вечер! Очень рада с вами пообщаться.

У меня две девочки: старшей пятнадцать лет, младшей одиннадцать. Старшая дочь очень закомплексована, не любит себя, неуверена в себе. При этом она очень боится мнения окружающих, боится, что ее осудят, боится выходить к доске (говорит, что не хочет, чтобы над ней смеялись, если она вдруг ошибется).

А будут смеяться?

Возможно, будут. Нам нужно выбрать профессию, и она никак не может определиться. Я хочу услышать ее мнение, а его нет. Видимо, она боится снова ошибиться и не может высказать свое мнение.

Давить на нее не хочется.

В каком она классе?

В девятом.

Ей пятнадцать. Она в девятом классе. Она собирается в десятый или хочет уйти из школы?

В десятый, конечно.

Начнем с профессии. Куда вы торопитесь? Зачем ей в девятом классе отвечать на вопрос, что она хочет делать после школы?

Нас торопит жизнь, потому что с девятого класса начинаются профильные классы.

Ну и что? Надо всего лишь ответить на вопрос, кто из учителей мне больше нравится и какой предмет мне интереснее изучать. При чем тут выбор профессии?

По такому принципу мы и пошли на самом деле.

Вы молодцы. Человек в пятнадцать лет имеет полное право не отвечать на вопрос, что он хочет делать после школы. В запасе еще два с половиной года, а это очень много времени. А захочет — так и три с половиной, потому что много чем можно заниматься после школы, кроме как бежать бегом в ближайший институт. Мне кажется, что отчасти мы, взрослые, устраиваем эту самую гонку, из которой они никак не могут выбраться. Это напоминает крутящуюся центрифугу. Скажет она вам сейчас, бедная, что хочет быть инженером-экономистом — и что? Ну, поступит она в инженерно-экономический институт, а потом будет бояться оттуда уйти, потому что «ты же сама сказала». Зачем? Она находится в чудесном возрасте, когда можно просто получать удовольствие от жизни. Если она не отвечает вам на этот вопрос, можно предположить самое логичное — она не знает ответа либо не хочет отвечать. Но и на первое, и на второе она имеет полное право, да?

Имеет, конечно.

Вопрос: насколько мы готовы ей это право дать? Я считаю, что детям его давать надо, потому что тогда они смогут сформировать свое мнение. Умная девочка пятнадцати лет. Разве она не поймет? Поймет. Присмотрится к математике, к литературе, к истории, к русскому и т. д.

Родителям со всех сторон говорят, что их дети в пятнадцать лет обязаны решить, кем они будут, когда вырастут. С одной стороны, предыдущее поколение к этому привыкло. С другой, понятное дело, что здесь есть общий интерес, такой профессионально-государственный. Здорово, конечно, если они сразу скажут, кем будут. И все понятно: где их искать, что с ними делать и чем они будут заниматься. Но жалко немного.

Что касается неуверенности в себе: Юля, у этого же есть какая-то причина, правда же?

Я думаю, что причина во мне. Может быть, я давлю или еще что-то.

Я скажу вам. Давайте для начала предположим самое простое. Самое простое — она живет или очень долго жила в оценочном поле. Что такое оценочное поле? Это когда все поступки оценивают: «тут ты молодец, а это плохо», «это средне», «сейчас ты не постаралась», «сейчас ты постаралась слишком», «сейчас ты была хорошей девочкой» и т. д. Я совсем не имею в виду, что вы так говорите.

Дима, она у нас отличница. Может быть, ее неуверенность связана со страхом, что она вдруг не ответит и все вокруг начнут думать, что она ненастоящая отличница?

Юля, давайте я вам задам непедагогичный вопрос, сложный и очень странный: а зачем она отличница?

Мне лично не нужно, чтобы она была отличницей.
Я хочу, чтобы она была счастливой.

Зачем она отличница, попробуйте ответить. Она же ваша дочь. Я ее совсем не знаю, а вы ее знаете очень хорошо. Зачем ей это?

Она хочет поступить куда-то, хочет реализоваться как человек.

Куда? Зачем? Она не реализована как человек? Смотрите, сейчас мы начинаем тянуть ниточку очень интересного и очень длинного разговора. Вы сказали, что она хочет реализоваться. Когда? Она не реализована? Она сейчас живет преджизнью какой-то, то есть жизнь должна еще только начаться когда-то? Интересно, откуда у нее такая идея?

Она считает, что реализуется во взрослом возрасте.

Вы же ее любимая и дорогая мама. Вы же можете ее переубедить. Это тот случай, когда стоит переубедить. Она же уже живет. Завтра будет завтра, а через месяц будет через месяц. В чем ее реализация сейчас? В том ли, что она занимается тем, что любит? В том ли, что у нее замечательные друзья? Помогите ей понять.

Еще такой момент: она считает, что у нее мало друзей, и от этого очень мучается.

Я все понимаю, но одно тянет за собой другое. Получается,

что в тот момент, когда человек живет в оценочном поле (неважно, откуда оно возникает), он начинает судить сам себя. К этому добавляется (может, из телевизора, может, от учительницы, бабушки или от мамы с папой) такая мантра: «Когда ты окончишь школу, обязательно надо будет сразу куда-то поступить». Куда поступить? Она поступит, все будет в порядке. Но счастлива она будет именно тогда, когда сможет спокойно к этому отнестись и сказать: «Я сегодня хочу одного, а завтра хочу другого». Если она отличница из-за того, что хочет куда-то поступить, то это грустно, не правда ли? Прикольный ответ — она отличница, потому что ей нравится учиться и она рвется к этому самому учению.

Ей прикольно, правда.

Тогда какая разница, куда она поступит?

Переходим к возможным рецептам. Вам надо бы собраться с мыслями и поболтать с ней об этом. Прям по-взрослому. В пятнадцать лет можно. Что такое реализация, что мы имеем в виду, когда говорим «я счастлив», и т. д. Самая большая ловушка (это не я придумал, во многих книгах так сказано), если я говорю: «Я буду счастлив тогда-то». А сейчас что? Ты только готовишься к счастью? Это интересный вопрос.

Вероятно, для нее будет неожиданным разговор на тему «счастлива ты или нет». Она вас спросит: «Мама, ты счастлива?» И тогда вы вместе, как девочка с девочкой, поразмышляете о том, что такое быть счастливым. Вот что такое лечь вечером в кровать и сказать: «Я прожил сегодня счастливый день»? Может быть, я провел этот день с близкими людьми, а может, занимался тем, что люблю. Это начало. Конец этой истории в том, что внешние факторы становятся менее важными.

«Я считаю, что у меня мало друзей». Мало — это сколько?

Я не думаю, что у нее нет друзей. Это она так считает.

Это неважно. Сколько?

Мало. Человек пять.

А у меня два. Я вообще не считаю, что у меня мало друзей. Близких, настоящих, закадычных, что называется. Много друзей чуть на более далекой от меня линии, но близких людей, к которым я могу обратиться, людей, которым я могу рассказать свои секреты, не видеться с ними три года и начать разговор с того же места, у меня всего несколько. И у вас, к слову сказать.

У нее нет таких людей, к сожалению.

Вы не знаете.

Она сама так говорит.

Может, у нее нет таких людей, потому что она их к себе не подпускает, потому что боится, что ее осудят? Может, это и есть та самая цепочка, которую вы можете разорвать? Давайте проверим, понятна ли моя позиция?

Конечно, понятна.

Тогда вперед. Начинайте об этом разговаривать. Поговорите о том, что такое реализация, счастье и все остальное, что мы упоминали.

Относительно ее боязни выступлений. Если она боится выходить к доске, то пусть не выходит. Поговорите с учителем, опишите проблему. Разве это доблесть — выходить к доске? Это что, новый метод обучения, который заключается в том, что человек должен стоять перед всем классом? Кому-то нравится стоять у доски, а кому-то нет. Что не так?

Она мне недавно рассказывала, как впала в ступор из-за того, что в тот момент, когда ее вызвали читать стихи, в класс вошли два мальчика, — до такой степени она волнуется.

Я понимаю. Это ведь довольно легко решить технически. Разве нельзя договориться с учительницей литературы, чтобы она проверяла ее индивидуально? Что такого-то? Все люди разные.

Я, наоборот, ей говорю, что она должна пересилить свой страх и выйти, рассказать.

Борис Борисович Гребенщиков как-то сказал: «В работе мы как в проруби, в постели мы как на войне»[4]. Что ж мы все пересиливаем и пересиливаем и параллельно говорим: «Я хочу, чтобы она была счастлива»? Насколько она счастлива в тот момент, когда у нее язык прилипает к гортани? Нельзя выиграть все битвы. Давайте сначала потихонечку решим этот вопрос, чтобы она поняла, что уже живет. Она уже прекрасна, она уже реализовывается, она уже важна вам. Я уверен, что вы и так ей это говорите. Она важна пятерым друзьям как минимум. А скольким еще важна и не знает об этом, потому что боится посмотреть в их сторону! Давайте начнем с этого. Давайте поможем ей в том, в чем можно помочь. В частности, я абсолютно уверен (как училка литературы вам говорю) — нет никакой проблемы в том, чтобы проверять ученика один на один. У меня, конечно, такие ученики были и есть. Мне вообще ничего не стоит поговорить с ними лично, если им трудно. А потом настанет момент — и кто-то из них скажет: «Я готов». Желаю вам удачи,

пробуйте и звоните, рассказывайте об успехах, которые, я уверен, не заставят себя ждать.

До нас дозвонилась Екатерина из Санкт-Петербурга. Здравствуйте, Екатерина!

Добрый день! Моей дочери Саше одиннадцать лет. У нас с ней хорошие взаимоотношения, но она к учебе относится гораздо серьезнее, чем я (она в четвертом классе). То есть я ей обычно говорю: «Заяц, ты все знаешь, у тебя все хорошо будет, ты такая молодец, главное не ленись». Знаете, в чем я вижу проблему? Вот сейчас у нас был ряд ВПР (это такие проверочные работы), и дочка очень серьезно нервничала. Однажды у нее даже соматика какая-то проявилась: заболел живот, и она осталась дома. То есть она боится, что что-то не напишет, несмотря на то, что в целом учится неплохо (на пятерки-четверки). Она говорит: «Я боюсь, что не напишу». Хотя обычно она все сложности преодолевает. Это первое. А второе вытекает из первого: когда она видит перед собой задачу, по учебе в основном, например, выучить пятнадцать слов по английскому или еще что-то, она начинает больше энергии тратить не на решение этой задачи, а на нервничание какое-то: «Ой, я не смогу, ой, как много». Я говорю: «Саш, ну давай успокоимся, все нормально». И я вижу, что она много сил на это тратит и все вхолостую. И мне не удается с ней как-то по-взрослому все решить. Как я, например, решаю проблемы? Делю их на части, совершенно спокойно решаю — и все получается.

А она очень сильно нервничает, да и в классе у них нагнетание какое-то идет с этими ВПР. Я бы хотела послушать ваше мнение.

Значит, Катя, если у них весь класс так реагирует, то это красная лампочка, да? Они же не сговорились так реагировать, видимо, их кто-то пугает. Может, вам нужно за этим понаблюдать, на учительницу посмотреть, с другими родителями поболтать? Подумаешь ВПР, еще одна контрольная работа. В этом смысле учительницу нужно как-то успокоить. Учителя такие же люди, как мы с вами. Иногда достаточно сказать: «Слушайте, ну чего вы преувеличиваете, может, мы немного ослабим хватку?» И часто, как ни странно, учителю этого хватает.

Теперь по существу. А вот если мы с вами подумаем: чего Саша боится на самом деле? Что будет, если она плохо напишет работу?

Мне кажется, что она боится быть хуже на фоне остальных детей.

С чего это? Остальные дети тоже дрожат как зайцы, я правильно понял?

Мы с ней договорились, что любая оценка, даже двойка, это ее личное дело. То есть как она выучила, столько и получила. Я даже не ругаю ее.

Я позволю себе влезть в ваши отношения. Оценки — это всего лишь инструмент, который государство передает учительнице и который она использует. Они очень часто не имеют никакого отношения к тому, что ваша дочь выучила и не выучила, вы разве не в курсе? Сегодня получил два письма из двух разных источников о том, что детям ставят двойки, если они забывают тетради, делают что-то неаккуратно и т. д.

Да, я эту мысль пытаюсь до нее донести, но она то ли учителей боится, то ли не хочет выглядеть хуже других детей.

А давайте вы проведете простой сеанс психотерапии: сядете с вашей замечательной Сашей там, где вам будет спокойно, и пройдете с ней эту цепочку событий до конца. Понимаете, что я имею в виду? «Допустим, ты не напишешь ВПР. Давай подумаем, что будет дальше». Она вам что-нибудь скажет, например: «Я получу трояк». Вы спросите: «Что будет дальше?» Пусть она пройдет это до конца. Возможно, ей будет неприятно и немного страшно, но зато мы с вами узнаем, чего она боится на самом деле, да и она сама узнает. Потому что очень часто, когда человеку одиннадцать лет, он и сам не знает. Кто-то когда-то ей сказал: «Этого надо бояться». Она и боится. И ни разу не думала и имеет право (и в одиннадцать лет, и в сорок шесть) не думать об этом. Она никогда не думала, в чем суть ее страха, чего она боится. И в этом смысле вы ее, конечно, поддерживаете, когда говорите: «Вообще-то это неважно, я люблю тебя не за оценки, они не имеют отношения к моей любви».

> Оценочная система работает и в плюс, и в минус. Знаете, иногда родители говорят: так мы только и делаем, что хвалим ребенка с утра до вечера. Это обратная сторона той же самой медали. В чем тут проблема? В том, что оценка вызывает привыкание. Почти как наркотик. Иными словами, когда человек привыкает к положительной оценке, он так или иначе постоянно стремится к тому, чтобы эту оценку получать. Понимаете, в чем тут ловушка? Меняется мотивация. То

есть в какой-то момент человек начинает делать что-то не из-за того, что ему этого хочется или он считает это верным, а из-за того, что он постоянно хочет повышения дозы положительной оценки извне. Естественно, в этой ситуации я в первую очередь имею в виду детей. Очень ярко это проявляется в школе, потому что обучение там основано как раз на оценочной системе. Многие из вас обращали на это внимание, когда главным мотивом в учебе или главным инструментом вообще является оценка. «Ты получишь плохую оценку». А потом мы, взрослые, приходим и говорим: «Ну как же так, тебе что, неинтересно?» Взрослые, вы разберитесь: либо ребенку должно быть интересно (и тогда дайте ему возможность развивать свой интерес), либо он должен получать положительную оценку от какого-то взрослого человека. Второе очень часто, к сожалению, заменяет собой первое.

Еще кое-что. Вот вы говорите, что она получает десять задач и очень нервничает на тему того, как она справится. Но она имеет право, Кать. Каждый из нас имеет полное право относиться к конкретному делу по-своему. Ей повезло — рядом с ней мама, которая абсолютно спокойна и которая говорит в этой ситуации: «Да ладно, Сашуль, забей, ну чего там, давай лучше в теннис играть или печенье печь». Она имеет право сказать: «Мам, нет, ну что ты, как ты можешь, у меня сейчас более важные дела». Имеет право, она такая, ну и что?

Вы меня очень успокоили.

В данном случае, Екатерина, речь идет не о фобии. Вы делаете все совершенно правильно, но вам самой, как говорят наши дети, надо бы подзабить, ничего тут страшного нет. Вы в этот момент чаёчек возле нее поставьте, конфетку ей дайте и скажите: «Так интересно, я такая, а ты совсем другая».

А теперь мне хотелось бы поговорить об одном сообщении. Сегодня мне написала девушка, которая учится в одиннадцатом классе. Я кратко перескажу ее письмо своими словами. Столкнулась она с несправедливостью: получила двойку и считает, что ее поставили незаслуженно. В результате она пошла к классному руководителю (который является директором школы), и он ей сказал: «Разбирайся сама». «Я в математике, — сказал классный руководитель, — ничего не понимаю». И вот она пишет, я цитирую: «Пришла уточнять оценку у другого учителя по математике, и он мне сказал, что в любом случае нужно было ставить минимум тройку, если не больше». Она снова пошла к

своей учительнице, классный руководитель не повлиял ни на что, учительница оценку ей не исправила. В конце девочка пишет следующее: «К кому обращаться, я не понимаю. С кем можно поговорить, если другие учителя, в том числе директор, никак не могут на это повлиять и помочь мне? Такое бывало достаточно часто и не только со мной. Все это создает ощущение безысходности, определяет ситуацию как „каждый сам за себя“, ты понимаешь, что с проблемой некуда податься».

Смотрите, что говорят наши дети, что они нам пишут! Ужасно обидно это слышать. Это происходит, потому что нас нет рядом, когда мы им нужны. Теперь что касается самого вопроса. В этой ситуации, безусловно, самое время вмешаться родителям. Это совсем не ябедничество, если вы расскажете им о вашей ситуации, и это не делает вас слабой. Если вы обращаетесь к любимым людям и говорите: «Мне нужна помощь», напротив, это делает вас сильной. Родители, конечно, должны вас поддержать, им нужно пойти к директору, тем более что он классный руководитель, и поговорить об этом. Я абсолютно уверен, что у человека, который ходит в школу, не должно быть ощущения безысходности и несправедливости. Я убежден, что положение можно исправить (тем более что у вас есть экспертная оценка другого учителя). В любом случае очень рекомендую вам попросить помощи у близких, они точно помогут. Не нужно оставлять эту ситуацию такой, от этого чувство безысходности только растет.

Что будет, если поставят двойку?

У нас на связи Ольга из Санкт-Петербурга. Ольга, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моей дочери четырнадцать лет. Она очень плохо учится. Мы хотим предложить ей остаться на второй год, чтобы учеба улучшилась. Но меня беспокоит, как это на нее повлияет.

Я думаю, одна из возможных причин такой успеваемости в том, что мы ее очень рано отдали в школу. Ей и шести лет не было, когда она пошла в нулевой класс. Наверное, ей было тяжело. Уже тогда ей было сложно учиться. Мы разговаривали с учительницей в нулевом классе о том, чтобы подождать годик. Она говорила: «Ничего, втянется, все нормально будет». Но, к сожалению, нормально не стало. В начальной школе, естественно, я активно ей помогала. А сейчас восьмой класс. Дело не в том, что она не хочет учиться, она просто не успевает все записывать на уроке, очень долго делает домашнее задание. Один предмет может готовить четыре часа. Это копится. Может ли в этой ситуации помочь повторное обучение?

А чему мы помогаем? Чего хотим? Давайте сформулируем задачу!

Мы хотим, чтобы она успешно окончила школу, дальше училась. Она этого тоже хочет, но у нее не получается.

А ей это зачем? Или вам кажется, что она этого хочет?

Она выбрала профессию, которая подразумевает институт. Все мысли об этом. Мы говорим ей, что для осуществления мечты нужно немножко подтянуть учебу.

Я вас сейчас немного напугаю. Можно ведь и поменять мечту. Есть же и такой вариант. Мы его почему-то совсем не рассматриваем.

Другая мечта тоже подразумевает учебу.

Не факт. Почему я задаю такие вопросы? Мне не хватает в этой картине вашей дочери, вашего ребенка. Мы говорим о ней, но не знаем, чего хочет она. Вы говорите, например, что она тоже хочет учиться. Вообще это немного странно. Странно, что она в четырнадцать лет больше всего на свете хочет учиться, Оль. Вам не странно?

Естественно, не больше всего на свете. Есть Другие причины.

Ура! Это уже хорошо, потому что я действительно как-то опешил. Учиться, конечно, хорошо. Вопрос только, что мы имеем в виду в тот момент, когда говорим, что она хочет учиться. Я не специально вас запутываю. Значит, если мы хотим, чтобы она освоила материал восьмого класса любой ценой, то можно оставить ее на второй год, лишить того, что она любит, наказывать разными способами и вести себя не по-человечески. Но мне, если честно, кажется, что стоит рассмотреть другие варианты. Может, это не самое главное, может, можно попробовать как-то иначе. Человек четыре часа в день делает уроки! Представьте, что это за жизнь! Это кошмар!

Это один урок!

Тем паче! Это что же за жизнь у нее в четырнадцать лет! Это возраст, когда я смотрю вокруг, влюбляюсь, учусь новому, пытаюсь понять, что мне нравится. Это возраст Ромео и Джульетты. А человек практически оказывается в клетке. Что мы с вами хотим сделать? Мы говорим: «Если тебе вдруг не хватило всех тех часов, которые ты потратила на уроки, мы можем повторить!» Оля, мы это имеем в виду?

То есть это неправильно?

Это не неправильно! Я стараюсь быть очень осторожным и ни в коем случае не вторгаться в вашу личную жизнь! Вопрос: чего вы хотите? Если вы хотите, чтобы она быстрее поступила в институт, выучилась и поскорее начала работать, то, может, это и правильно, но очень и очень печально! Рискну сказать, что это не совсем по-человечески! Я уже говорил об этом, но повторю еще раз. На какую жизнь мы настраиваем наших детей? Вот смотрите: сначала мы готовимся к детскому саду, потом в детском саду готовимся к школе, в школе — к университету, в университете — к работе, пока в один прекрасный день не начинаем готовиться к смерти. А жить когда, Оля?

Жить некогда, да.

Подготовка к жизни вместо жизни — это блюдо, которое мы предлагаем? Теперь эта замечательная девочка оказалась волею судьбы и по желанию родителей в восьмом классе. Я думаю, ей надо дать немного воздуха. Мое предположение странное и парадоксальное: если она получит этого самого воздуха, в какой-то момент она сама все решит и, может, начнет что-то учить, а может, и не начнет. Нам надо, чтобы она была счастливой, спокойной, уверенной в себе, маму с папой любила, а мама с

папой любили ее, правда? Чтобы она могла сама определить, что к чему. Я боюсь, что ваша девочка не в состоянии в этой гонке остановиться, чтобы понять, «где я». Понимаете, о чем я?

Есть еще один вариант, который вы могли бы взвесить. Если уж действительно в школе невыносимо и вы даже думаете остаться на второй год (чего я очень, как вы уже поняли, не рекомендую), то есть и другие формы обучения. Домашнее обучение, например. Когда человек вместе с учителем или учителями сам определяет скорость усваивания материала, сам выбирает, какие предметы будут в его учебном плане, а каких не будет. В этом смысле я, относясь скептически к самым разным государственным законам, всегда говорю, что в России очень хороший закон об образовании. Не просто очень хороший, один из лучших в мире, на мой взгляд. Только проблема, знаете, в чем? Мы вообще им не пользуемся — ни заказчики, то есть родители, ни сами учителя. По этому закону можно спокойно не сдавать ЕГЭ, а сдать его как-нибудь потом, когда появится желание. Не сдам ЕГЭ — пойду учиться чему-то, путешествовать, потом сдам, если захочу. Можно выбрать предметы, по которым я не хочу быть аттестованным, учить их отдельно. Ольга, я бы начинал с того, что ей интересно. Зачем ей вообще сейчас жить? Извините за такую формулировку.

Ей все кроме учебы интересно. Музеи, театры, секции и т. д. Все, кроме того, чтобы сесть и быстренько сделать домашнее задание.

Быстренько его сделать невозможно. Вы попробуйте как-нибудь после работы быстренько сделать задание, которое сами себе придумаете. И вы вспомните, как это в школе происходит. Каждый учитель считает свой предмет самым главным и задает столько заданий, сколько ему нужно. У вас замечательная девушка четырнадцати лет, которая интересуется музеями, театрами, всем миром! А домашнее задание ставит на последнее место. Ох, сейчас мне надо быть осторожнее! Нет, не буду! Она ставит на последнее место то, что должно стоять на последнем месте! То, что слабо относится к современному миру, к ее интересам. То, что, возможно, даже слабо относится к ее будущему. Мы же с вами не знаем, каким будет мир через десять лет. Мы же с вами не Кассандры! И наши учителя не знали, и при всей благодарности к ним они во многом ошибались! И мы ошибаемся, и я ошибаюсь как учитель! Значит ли это, что не надо учиться и в школу ходить? Нет, я этого не говорил. Но это значит, нам с вами нужно оказаться на ее стороне. Попробовать сделать эту жизнь по-настоящему яркой, не говорить: «Ты любишь музеи и

театры? Сначала физика, а потом музеи и театры!»

Так и происходит. Все походы в интересные места отменяются из-за плохих оценок в четверти.

Баба-яга против! Баба-яга — это я в данном случае. А что будет, если она получит плохую оценку в четверти?

Ребенок получил массу двоек — и при этом мы идем в театр? Как-то это не укладывается в нашу систему.

Я с легкостью уложу прямо сейчас! Первое. Вы же любите свою дочь независимо от того, сколько у нее двоек, правда? И скрывать это от нее, мягко говоря, неправильно, если не сказать глупо. Вы естественным образом хотите проводить с ней как можно больше времени. В эту систему координат театр укладывается. Второе. Мы с вами хорошо понимаем, что значит учиться. Это познавать новое, проверять, как знание, информация взаимодействуют с нами, какое они имеют к нам отношение. Театр на сто процентов относится к этой сфере. Третье. Получается, что мы наказываем ее учебой. Вместо того чтобы сказать: «Окей, у тебя не получается физика, химия и т. д. Давай выберем то, что тебе интересно, и будем этому учиться. Драматургия, актерское искусство…», мы говорим: «Ты не учишь это, значит не будешь учить и это!» Ерунда какая-то. И самое главное: скажите, что будет, если ей поставят плохую оценку в четверти? Давайте пройдем этот страшный путь вместе до конца! Допустим, у нее плохие оценки — что дальше?

Мир, конечно, не рухнет.

Нет, что будет?

Ничего не будет, ничего не изменится.

Нет, это не так. Одна вещь улучшится. Нервы перестанут тратиться зря. Разве не дорогого стоит хорошее настроение? Если у нее и так и сяк двойка, может, выберем ту двойку, при которой вы остаетесь в хороших отношениях? В тот момент, когда ваша дочка будет спокойна, не будет нервничать из-за оценок, у нее удивительным образом может хватить души на математику. Я не могу вам этого доказать, могу только предложить попробовать. Может, сейчас у нее душа занята противостоянием с этим жестоким миром, когда в четырнадцать лет она должна заниматься чем-то не очень приятным. Хотя на самом деле возраст Джульетты надо познавать. Я не имею в виду романы, я не об этом. В широком смысле слова. Давайте отпустим ее на волю. А заодно и вас.

Контроль в сфере учебы

Наталья из Кургана, здравствуйте!

Здравствуйте, Дима! Моему сыну тринадцать лет, и где-то два года назад у нас с ним начались проблемы. Муж обратился ко мне за помощью. «Не могу понять сына, не могу найти с ним общий язык. Он понимает только грубость». Все просьбы и требования, которые мы проговариваем спокойным тоном, он либо забывает, либо не воспринимает… Выполняет только то, что требуем в процессеругани. Я считаю, что ребенок просто забывает наши просьбы. Объясню почему. Когда ему было три-четыре года, он мог попросить купить интересную игрушку. Я ему говорила: «Да, Игореша, мы купим тебе ее после обеда». И он забывал о своей просьбе и больше о ней не вспоминал. Так было всегда.

Наталья, вы этим цинично пользовались или напоминали после обеда, что идете покупать игрушку?

Если были деньги и возможность, я ему напоминала. Мы не знаем с мужем, что делать. Постоянно ругаться ненормально.

Приведите пример ситуации, когда это происходит.

Мы с мужем требуем, чтобы, приходя из школы, ребенок сообщал, по каким предметам у него двойки-тройки. Для того чтобы вовремя среагировать и подтянуть его по этим предметам. Пока мы говорим спокойно, он не рассказывает о плохих оценках, в результате мы узнаем о них в конце недели или месяца. Мы спрашиваем: «Почему ты не сказал?» Муж пытается понять, в чем причина. Ребенок отнекивается.

А вы разве не знаете, почему он не сказал? Что за игра?

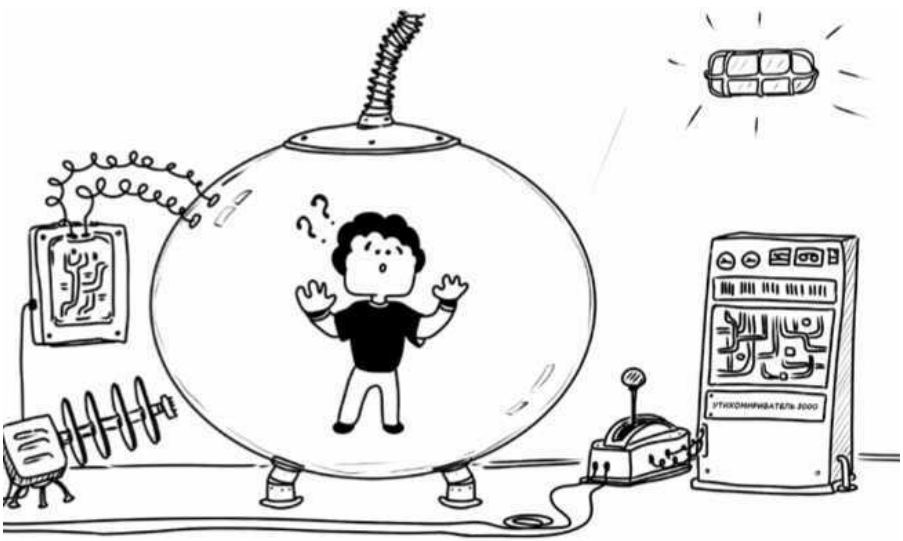
Мы ему говорим, что не будем ругаться. Нам нужно просто знать, по каким темам пробелы. Темы поделим между родственниками. Кто в чем силен, в том и помогает.

А вы бы на его месте сказали?

Я ничего не скрывала от родителей.

Мне кажется, вы самую малость лукавите. Вы помните, какой глагол использовали? «Требуем». Очень странный глагол для любимых людей. Он не на товарищеском суде, не на партсобрании. Вы же его мама и папа, вы же его любите. Если мы друг друга любим, какие требования у нас могут быть? Мы можем прийти и поболтать, выслушать. Если бы он был чуть младше, я

бы дал вам однозначный совет. Я бы сказал вам: «Перестаньте требовать. Когда приходите с работы, рассказывайте ему, как прошел ваш день, что получилось, что не получилось, с кем подружились, поссорились, какие проблемы решали, над чем смеялись, что видели по дороге». Если мы так взаимодействуем с людьми, которым восемь, тем более четыре, то они учатся этому от нас. Это не может произойти само и никогда не работает в одну сторону. Представьте: вы приходите домой, вас встречает муж и говорит вам: «Давай мне полный поминутный отчет, как ты провела сегодняшний день». Сколько времени вы будете готовы это терпеть? С человеком в тринадцать лет происходит примерно то же самое.



Он понимает, что двойки-тройки — это неидеально. Он и без вас это знает. По разным причинам он не хочет или не может их исправить. Он делает то, что сделали бы мы с вами: старается от этого убежать. Возможно, не хочет волновать вас. В тринадцать лет, скорее всего, он отодвигает это в самый дальний ящик. Сейчас его повоспитывает папа, потом мама, потом тетя, а потом дядя. Что за жизнь такая? Ему тринадцать лет. Этот возраст — начало, а иногда разгар самого острого восприятия действительности. Время великой переоценки. Ему очень тяжело живется. Мы привыкли романтически закатывать глаза и петь «Когда уйдем со школьного двора»[5], но мы поем именно потому, что уже ушли оттуда. В тринадцать лет жизнь очень сложная. Когда он приходит домой, он хочет оказаться в тылу, а не на передовой. Передовая везде. Дома хотелось бы получить хотя бы несколько часов отдыха. Что ему бедному делать? Куда ему

бежать, где он может быть спокойным? Это риторический вопрос. Подумайте.

Начинать нужно с себя. Вам надо поговорить с мужем, как сделать так, чтобы вашему любимому человеку тринадцати лет дома было спокойно. Можно на эту тему с ним поговорить: «Старик, ты не в бою. Так получилось. Мы запутались немного. Если что не так, ты нас прости. Мы хотели бы, чтобы ты обращался к нам, когда тебе нужна будет помощь». Он к вам не обращается, потому что ему помощь не нужна, во всяком случае такая. Иначе он бы обратился. Ругать его за это нельзя. Раз ему тринадцать лет, вы еще можете успеть. Надо договариваться и на будущее стараться не портить отношения. У вас не все испорчено.

Мы боимся упустить его, если не будем спрашивать, каку него дела в школе.

Все наоборот. Умоляю, услышьте меня! Сейчас вы оказались в ситуации, когда не знаете о нем правды. Что может быть красноречивее этого! Будете давить — он этой правды начнет избегать еще больше. Ему нужны люди, которые его поддерживают. Я понимаю ваш страх. Вы хотите, чтобы он делился с вами своими переживаниями, рассказывал о себе. Такое возможно только в ситуации, когда он будет понимать, что ему нечего опасаться. Когда он сможет рассказать маме с папой о самых странных событиях в его жизни и не получить в ответ реакцию: «Тебя срочно надо спасать!» Он не просил себя спасать.

У него произошла неприятность в виде двойки, конфликт с приятелем. Ему не нужен судья. Ему нужна спокойная беседа. Это получится только в том случае, если вы будете говорить с ним и про себя тоже. Может, вам прикольно будет завести такую традицию дома. Сели и рассказываете, как у кого день прошел. Попробуйте.

С нами Марина из Братска. Добрый вечер!

Здравствуйте, Дима! Хотелось бы поблагодарить вас за ваш проект. Он действительно помогает.

Очень рад это слышать, Марина. Спасибо огромное!

Он помог исправить наши отношения с сыном. Ему шестнадцать лет. Мы уже пережили и крики, и ор, это все позади. Но вот у меня возник вопрос про контроль. Каким должен быть контроль в сфере учебы? Сын мне говорит так: «Мама, ты же обещала, что не будешь, как раньше, меня контролировать: сделал ли я уроки, умылся ли, поел ли, лег ли спать». И как только я начинаю спрашивать, сделал ли он уроки, он отвечает: «Мама, ты опять начинаешь, ты снова за свое?»

Марина, я острожный вопросик вам задам: а чего мы хотим добиться?

Улучшить его успеваемость, так как он учится в девятом классе. Впереди ЕГЭ.

А он что об этом думает?

Он проще на все смотрит. Не осознает, что ли… Мне кажется, что у него отсутствует некоторая ответственность.

В шестнадцать лет у него точно есть ответственность. Быть может, приоритеты у него расставлены не так, как хотелось бы вам. Но он человек ответственный, особенно если судить по тому, как он вам отвечает. Это слова довольно взрослого человека.

Теперь относительно того, как контролировать. В этом смысле я вас огорчу — я не знаю. То есть я знаю, но этих советов давать точно не буду. Зато я знаю, как сделать так, чтобы он сам рассказывал вам о том, что происходит. Хотите узнать?

Да.

Рассказывайте о себе, о своих достижениях, рассказывайте,

что успели сделать, кого встретили, что у вас было на работе. В этот момент он абсолютно точно начнет рассказывать о себе. Он почувствует, что может говорить о себе. Если бы ему было лет восемь, то такая модель общения усвоилась бы сама собой. Но поскольку он человек взрослый, то будет чуть посложнее. Предложите ему или инициируйте сами такие беседы, когда вы (например, раз в неделю) будете садиться и обсуждать все, что с вами произошло и что вас беспокоит. Знаете, как семьи раньше садились за обеденный стол в выходные дни и вместе обсуждали, у кого что произошло, друг с другом советовались, друг друга поддерживали. И если такие отношения установятся (а я уверен, что они установятся), то вам надо будет донести до него одно очень важное сообщение: когда ему нужна будет помощь, он может обратиться к вам. При этом вы не хотите связывать его по рукам и ногам, просто вы боитесь, что он попадет в какую-то беду и не распознает ее, поэтому просите его (прямо словами попросите) давать вам обратную связь. То есть вы хотите знать о его жизни не для того, чтобы ругать или говорить «бросай то, что тебе важно, будешь заниматься тем, что важно мне или твоему учителю», а для того, чтобы его поддерживать, придавать ему сил. Необходимо, чтобы он это услышал и поверил вам. Если вы чувствуете, что есть динамика, что дома воцарился мир и вы способны вести нормальный человеческий разговор, то я вас поздравляю — вы достигли почти самого главного. На этом поле уже намного легче договариваться, легче просить его о чем-то, легче выслушивать его просьбы. Вот и все.

Родительские крайности, или понятное отношение к школе

К нам дозвонилась Елена из Карелии. Здравствуйте, Елена!

Здравствуйте, Дима! Очень рада возможности задать вам свой вопрос. Мне сорок восемь лет, у меня трое детей, одна дочь уже совсем взрослая, у нее своя семья, двое детей. Сейчас я воспитываю двух подростков: девочке двенадцать лет, мальчику четырнадцать. Воспитываю я их достаточно свободно. Я ничего не заставляю их делать, именно не заставляю, я даже слово это очень не люблю. Я не заставляю помогать по дому, делать уроки, школы вообще не касаюсь. Это их личная ответственность. Для меня, например, высшее образование — это вообще не самоцель. Мне важно, чтобы они были счастливы и здоровы. Самое главное, по моему мнению, чтобы они нашли свою дорогу в жизни, а принуждением ничего не добьешься. Это я знаю по собственному опыту. Дети у меня прекрасные, умные, добрые, конечно, со своими подростковыми проблемами, но у кого их нет? Мальчик увлекается спортом, видит в нем свое будущее, однако в последнее время вот какие закрадываются мысли: а правильно ли я поступаю? Не слишком ли я их расслабила?

На меня очень сильно повлиял разговор со старой подругой. Она поделилась своим печальным опытом: она тоже не настаивала на получении высшего образования, просто любила своего сына как могла, в итоге он вырос, образования не получил, любимого дела, к сожалению, не нашел, работал таксистом, чтобы хоть как-то семью содержать, и влип в очень неприятную историю — подвозил преступников и теперь вместе с ними находится под следствием. После этого я два дня ходила в раздумьях, тщательнее начала за своими следить… Я стала очень сильно сомневаться, потому что учатся они реально плохо, школу не любят, учителей не уважают.

А почему они учатся плохо?

Ну, не знаю. Может быть, и правда стоит настаивать на получении высшего образования и на том, чтобы они делали уроки, стоять над душой, как сейчас делают многие родители.

Вряд ли, уже ничего не получится. Если вдруг в четырнадцать лет над душой подростка появляется мамина тень — это очень трудно принять. Давайте посомневаемся вместе. Речь не идет о том, что вы просто оставили этих людей в покое, правда? Они все

не чужие, да?

Конечно.

Иногда родители бросаются в другую крайность и говорят: «А я вообще им не буду заниматься, пусть растут как угодно, как сорняк, главное, что я ни во что не буду вмешиваться. Еда в холодильнике, денег выдаю какое-то количество и пусть теперь…» Это совершенно не родительское дело и не родительское отношение.

Нет, у нас другая ситуация.

Да, я понимаю. Я очень не люблю разговоры про то, что «я мама, значит должна быть другом своему ребенку». Ты, может, и должна быть другом, но вообще-то ребенку нужна мама. Давайте поразмышляем об истории, рассказанной вашей приятельницей. У человека может не быть любимого дела, если он не научился его находить. К школе это имеет только косвенное отношение. Почему? Потому что самое главное, чтобы рядом был взрослый, который помог бы подростку понять, что он любит, и поддержал бы его, если он начал воплощать свой интерес в конкретном деле. Именно от близких зависит, сможет ли он найти свое призвание. Человек не находит своего места в жизни из-за безразличия. Не от того, что ему не помогают найти то, что он хочет, а от того, что ему говорят: «Занимайся этим сам. Это же твоя жизнь, вот ты в ней и разбирайся». Это совсем не родительское отношение. Равно как и не родительское отношение тыкать человека носом и говорить: «Будешь заниматься этим, потому что я занимался этим в детстве». Тут должна быть золотая средина, когда мы с нашим близким, любимым человеком вместе формулируем его интересы и решаем, как он сможет воплотить их в жизнь. Это особенно важно поначалу, когда он этого еще не умеет и ему нужно воспользоваться нашим опытом.

Теперь про школу. Школа — это данность в жизни ваших детей. Значит в этом смысле, извините, «забить» на школу мне кажется неверным. Все-таки вам нужно сформировать понятное к ней отношение. Иначе получается, что я — ребенок — провожу в школе две трети своей жизни для того, чтобы это когда-нибудь закончилось и я, наконец, перестал страдать. Это неправильно. У человека должно быть понятное отношение к школе, например: «Я всеми силами стремлюсь как можно быстрее окончить школу с наилучшим результатом». Тогда нанимайте репетиторов, потому что, возможно, ваши дети именно этого и хотят. Хотят, чтобы школа приносила им минимум проблем. Или другое отношение: «Школа у меня прекрасная, у меня там куча друзей, чудесная

учительница, когда я вхожу в класс, у меня сердце бьется, ради этого я туда хожу». Очень хорошо, мы всячески это поддерживаем. Есть много вариантов.

Да, я понимаю. Безусловно, мы с детьми вместе ищем интересы. Мы перепробовали кучу кружков, секции, разные виды спорта… Я всегда стараюсь находиться с ними максимальное количество времени. То есть я их не бросаю, мы в поиске, но что касается школы. Знаете, как только я пытаюсь туда как-то углубиться, у меня волосы встают дыбом. Причем это вторая школа. Один раз они уже поменяли школу.

Елен, а вы с ними поговорите об этом так, как говорите со мной.

Говорю без конца, что надо учиться!

Нет-нет, не про то, что надо учиться, а про то, что «давайте, мои дорогие, любимые, взрослые дети, сформулируем отношение к школе. Не „люблю — не люблю“, а что мы будем делать с этой нашей любовью/ нелюбовью?» Нужно, чтобы сначала они выразили собственную позицию, а потом вы вместе определите дальнейший путь. Что мы будем с этим делать? Надо делать уроки или не надо?

Есть еще один секрет: если вашим детям интересно вместе с мамой на рыбалку ходить или в лесу ягоды собирать, если вы можете сказать, что им интересны вот эти кружки, этот спорт…

Да-да, интересно.

Да? Тогда жить они будут интересно, потому что они научились этот интерес находить. Если вы видите, что им скучновато живется, тогда, в общем, надо немного поволноваться, тут я согласен.

Родительские собрания

Наталья из Твери у нас на линии. Здравствуйте, Наталья!

Здравствуйте, Дима! Моей дочке двенадцать лет. Учится она хорошо, мы с ней отлично общаемся.

По мнению классного руководителя, у нее проблемы с дисциплиной. На собрании преподаватель говорит, что мойребенок крутится, вертится, разговаривает, перешептывается на уроке, может лежать на парте. Вот такая проблема.

Чья?

На родительских собраниях мне постоянно говорят: «Ваша дочь такая-сякая». Мне хочется сказать этому учителю, что, несмотря ни на что, я буду на ее стороне. Это спровоцирует конфликт?

Это зависит от того, в какой обстановке вы скажете ему это и каким тоном. Мне кажется, ситуация, когда родители позволяют обсуждать собственных детей при других людях, унизительная. Идеальный вариант — чтобы все родители сказали: «Мы не позволим так говорить о наших близких, не позволим при всех обсуждать наших детей. Это как грязным бельем трясти при всех». Можно мягче выразиться: «Мы не согласны». Или еще мягче: «Давайте поищем другой способ».

Что касается вашего основного вопроса — здорово, что вы так себя чувствуете. Думаю, не надо говорить об этом учителю при всех. Зачем ставить ее в ситуацию, когда она будет думать, какое впечатление должна произвести? Поговорите с ней спокойно наедине. Вы ее наняли для того, чтобы она вела образовательный процесс. Так юридически произошло. Вы можете ей сказать: «Как вы понимаете, я буду на стороне моей дочери в любом случае. Давайте поищем способ облегчить эту ситуацию и для нее, и для вас».

Вот мне прямо сейчас пишет наш радиослушатель:

Дима, как вы относитесь к родительским собраниям в школе, где традиционно классный руководитель начинает рассказывать про успеваемость учеников? Мне кажется, что это конфиденциальная информация и совсем необязательно всем знать про успеваемость, поведение и прочие успехи и неуспехи твоего ребенка.

Вы понимаете, как я к этому отношусь. Конечно, я с вами согласен. А почему так происходит? Потому что вы, дорогие

родители, на это соглашаетесь. Нет другой причины. Скажите «нет» — и не будет собраний. Поговорите с другими родителями. Это позор, когда моего любимого человека, даже если его очень-очень хвалят, обсуждают при других людях. Нормальное родительское собрание — это личный разговор ученика, учителя и родителей. Мы разговариваем и обсуждаем, что у нас получилось и не получилось, что надо сделать, какая помощь нужна, может, мы чего-то не понимаем, и ему есть что сказать — вот это и будет собрание. А вот то, что вы рассказали, это сбор тройки[6] для вынесения приговора или сбор управленцев в тюрьме либо где-нибудь еще. Так нельзя. Нет никакого закона о том, что собрания должны быть такими. Измените их. По моему опыту, учителя чаще всего удивляются и говорят: «Давайте попробуем».

Не то гуманитарий, не то технарь

Юлия из Москвы. Здравствуйте!

Здравствуйте! У меня двое замечательных деток, дочка восьми лет и сын двенадцати с половиной. Хотелось бы поговорить про сына. Учится он хорошо, легко все воспринимает, но при этом как-то поверхностно, не углубляясь. Что-то не узнал, не получилось — ну и ладно. И основательно ничем не увлекается. Не можем понять, в какую сторону его развивать. Не то он гуманитарий, не то технарь…

Не то он гуманитарий, не то технарь, как говорят нам великие философы. На самом деле нет никакого деления на гуманитариев и технарей, в действительности мы гармоничны, ваш сын может и то и другое.

Ну, возможно, да, я с вами соглашусь. Но мы не знаем, куда в дальнейшем он будет поступать. Он совершенно не проявляет никаких интересов. Говорит, что ему нравится спорт, но со спортом у нас, к сожалению.

Юль, двенадцать лет всего, а вы уже про поступление говорите… Интересы — дело хорошее, но поступать…

Меня волнует даже не поступление, просто хотелось бы его сориентировать немножко, чтобы он двигался в какую-то сторону, чем-то занимался, увлекался. У него совершенно нет никаких увлечений. Вот нравится велосипед, нравится самокат, но как бы…

Ну ладно, тогда давайте поговорим на мою любимую тему. Поговорим о себе любимых. Расскажите, Юля, чем вы глубоко увлечены.

Я? Не дети, а именно я, да?

Ну а кто? Конечно, вы.

Ну, мне очень нравятся творческие занятия, я люблю рисовать, люблю устраивать праздники.

Ходите рисовать в какую-то мастерскую?

Нет. Занимаюсь этим самостоятельно. Наверное, потому что в последнее время всю себя посвятила детям.

Да ладно. Вот представьте: пришли вы втроем, например, в какой-нибудь дворец культуры и разошлись по разным комнатам:

вы рисовать, он спортом заниматься, а дочь, например, пением.

Музыкой, танцами.

Музыкой и танцами, прекрасно. Это я к чему? Вы, наверное, уже догадываетесь, в какую сторону я лукаво клоню? Мне кажется, что понятие «глубокое увлечение» — очень субъективное и относительное. Но я совсем не смеюсь над вами, я верю, что вы любите рисовать и устраивать праздники. Но если кто-нибудь посмотрит со стороны, скажет ли он, что Юля увлечена этим очень сильно? Так, может, мы от него чего-то не того ждем? Человек говорит: «Я люблю кататься на велосипеде». Класс! Учится, наверное, неплохо, правда же?

Да, учится хорошо. Но хотелось бы помочь ему определиться, в какую сторону двигаться.

Да подождите, Юль. А он помощи просит?

Нет, не просит.

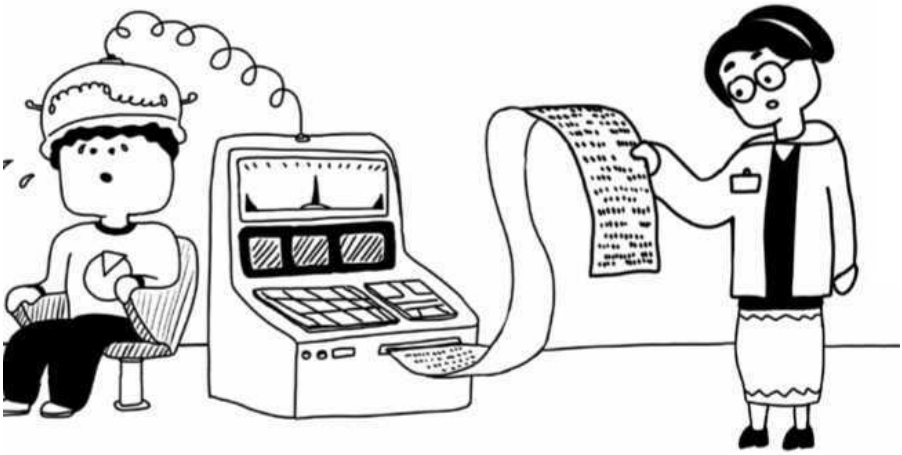
Так а что же это за помощь? Мы же с вами не любим, когда нам помогают, если мы не просим о помощи, правда? Мы с вами называем это навязчивостью, иногда бестактностью.

Здесь соглашусь, да.

Двенадцать лет — это прекрасный возраст. Ему еще рано. В каком смысле рано? В том смысле, что он живет здесь и сейчас, как и большинство детей. Он смотрит вокруг, учит физику, литературу, русский язык, математику, занимается спортом. Пусть так и будет, не беспокойте его. Он скажет вам, честное слово, сам скажет, к чему его влечет. Если вы не будете на него слишком сильно давить, он сам к вам обратится, например: «Мам, я хочу более углубленно заниматься физикой» или «Мам, знаешь, я стихи начал писать». И как прекрасно будет, если он не постесняется прочесть вам эти стихи. А если вы скажете ему: «Давай физикой заниматься» — он не захочет вам читать свои стихи.

Юля, еще раз подчеркну основную мысль. Мне кажется, что наши дети, как и другие наши близкие, не стесняются проявлять себя в тот момент, когда мы принимаем их интересы и они чувствуют, что имеют на них право. Умоляю вас не играть в эту взрослую игру, когда к ЕГЭ надо готовиться с четвертого класса, когда мы живем ради ЕГЭ. Идея, что в тринадцать лет подросток обязан знать, кем хочет быть, когда вырастет, иначе он будет недостойным членом общества, — полная ерунда! Если они в двенадцать-пятнадцать научатся жить здесь и сейчас и понимать

себя и мир вокруг, то абсолютно точно смогут выбрать профессию. Понимаете?



А вы знаете, почему такой вопрос возник? Возможно, двенадцать-тринадцать лет — это довольно рано, но как бы не пропустить тот момент, когда будет уже поздно.

Это как? Расскажите, напугайте меня.

Я не хочу, чтобы у него получилось так же, как у меня. Я поступила в тот институт, в какой получилось, в какой привели, я не знала, кем хочу стать, и в итоге то, к чему у меня душа лежит и чем мне интересно заниматься, я стала понимать гораздо позже, уже получив совершенно ненужную для меня специальность.

Юль, ну так давайте проанализируем это. Как это с вами произошло? Как так получилось, что вы поступили не в тот институт?

Мы жили в совершенно другом городе, и когда я окончила школу, мы переехали в Москву.

Ну и что?

И совершенно было непонятно, куда поступать. Пошли в институт, подали документы.

А почему вы не позволили себе годик никуда не поступать? Могли бы в это время попеть песни в переходе, поработать официанткой или лаборанткой или вообще попутешествовать. Почему такого не было?

Как помочь человеку найти свое призвание? Этого я не знаю, потому что призвание на то и призвание, что оно не от нас с вами зависит, а от природы или от Всевышнего. Как сделать так, чтобы человек в это призвание поверил и оно появилось? Жить рядом с ним, соответствуя собственному призванию, конечно. Как ребенок учится есть ложкой? Видит, что мама с папой едят ложкой. Как ребенок учится не писать в штаны? В какой-то момент понимает, что это не очень удобно — писать в штаны, да и мама с папой в туалет ходят, между прочим. С призванием дело обстоит абсолютно так же. Если рядом со мной люди, которые во всех смыслах живут страстно — страстно читают, страстно занимаются спортом, страстно готовят, то я перейму эту страсть обязательно, потому что ничто так не зажигает, как эта самая живая страсть. Надо говорить не о том, как привить призвание, а как сделать так, чтобы человека

окружали люди, которые верят в себя, которые верят, что нужно идти за внутренним призванием.

Затрудняюсь ответить. Наверное, все время был какой-то страх, что нужно идти поэтапно, постепенно, не растерять знания и время не упустить.

Я совершенно не хочу утверждать, что вы поступили неправильно или правильно… Мне кажется, что парадигма, в которой мы живем, в результате приводит нас к тому, что мы поступаем не туда, а после этого, поняв, чем хотели бы заниматься, боимся бросить то, что у нас уже есть. А потом мы говорим: «Мне уже поздновато учиться заново». Наши дети могут избежать этих ошибок. Когда мы приучаем их к такой жизни, мы немножечко ошибаемся, и дальше они начинают ошибаться вслед за нами. Предположим, мы выдавим из замечательного молодого человека тринадцати лет признание, что ему физика ближе, чем литература. Что будет дальше? В тот момент, когда он захочет подзабить на физику, взрослые ему скажут: «Как же так? Ты же выбрал физику». Если вдруг он захочет заняться чем-то третьим, не физикой и не литературой, а химией или биологией, ему тут же скажут: «Подожди, но мы же с тобой готовимся к тому, что ты будешь физиком-ядерщиком». Есть и другой вариант, при котором мы позволяем ему заниматься тем, чем он увлечен, поддерживаем его и помогаем ему. Как помогать? Путешествовать вместе, пробовать разные кружки, ходить в кино, обсуждать, чем люди могут заниматься в жизни, какие новые профессии появляются и т. д. «Это немного страшновато», — скажете вы. Зато через полгода он гарантированно будет вам говорить: «Мам, слушай, я люблю целый мир». Я как папа понимаю ваш страх, даю вам честное слово. Но, с моей точки зрения, мы сможем дать этому тринадцатилетнему юноше намного больше, если предоставим ему больше свободы.

Вот мы как раз пытаемся отдавать его в разные кружки, чтобы он мог попробовать себя в информатике, в истории, в спорте, в языках, в шахматах. Но он пока ничем не заинтересовался. Может, мы что-то не так делаем?

Да ладно! Что значит не заинтересовался? Даже я знаю, что он любит велоспорт. А я совсем чужой для вас человек.

Велоспорт любит, да. Нравятся ему самокат, трюковые велосипеды.

Ничего себе, Юля, и вы так легко говорите, что он ничем не заинтересован. Это же такое обесценивание! Зачем нам это

нужно?

Да, этим он очень заинтересован.

Ура! И есть еще много чего, чем он заинтересуется.

До нас дозвонилась Мария из Москвы. Здравствуйте, Мария!

Здравствуйте, Дима! У меня два сына. Младший очень собранный, целеустремленный мальчик, он в свои десять лет четко знает, чего хочет в жизни (он уже давно мечтает быть (фермером). А старший сын (ему тринадцать), глядя на него, расстраивается, поскольку у него нет никакой цели, он никак не может понять, что ему нравится, чего он хочет. Я предлагаю ему разные варианты, например, можно выбрать предмет, который нравится в школе, и постараться в него углубиться, так у него появится цель; или можно посмотреть какие-то профессии и выбрать те, которые его заинтересуют. Мы много раз искали что-то в интернете, но его совершенно ничего не цепляет. У него есть любимые спортивные занятия, но он вроде готов, если что, от них отказаться. Еще он занимается пением, достаточно хорошо поет, но тоже, в принципе, в любой момент может бросить. И я не знаю, чем ему помочь. Он расстраивается…

А в чем беда-то? Чем надо помогать? Почему он расстраивается? Давайте поймем, откуда у него появился повод расстраиваться.

Я думаю, что дело в младшем брате. У нас как-то так получилось, что младший брат кажется старшим, поэтому, наверное, глядя на него, он тоже хочет иметь какую-то цель в жизни.

Слушайте, мне кажется, у него довольно много целей. Вот у него цель — пойти заняться спортом, и вот цель — спеть что-нибудь, еще цель — с кем-то подружиться и погулять, книжку почитать, видео снять. Разве не так?

Ему, наверное, хочется иметь более долгосрочные цели, понимать, кем он хочет стать.

Я неслучайно задаю вам такие провокационные вопросы. По моему мнению (только не передавайте это своим сыновьям. Вернее, старшему можно, а младшему — не уверен), ваш старший сын — счастливый человек, потому что в тринадцать лет он не

протоптал себе дорожку вплоть до старости. Это же так чудесно, что в тринадцать лет у него есть возможность искать, смотреть по сторонам, говорить «вот мне не понравилось пение — займусь тогда рисованием, не понравится рисование — займусь плотничеством». Эта ситуация — источник свободы. Исключением является ваш младший сын, которого тоже ни в коем случае не надо менять, потому что, безусловно, здорово, что в десять лет он говорит: «Я понимаю, чему хочу посвятить свою жизнь». Нас приучили к тому, что человек в тринадцать-четырнадцать лет должен знать, кем хочет стать, когда вырастет. Но если мы с вами подумаем, то это довольно странно, разве нет?

Это не странно, потому что в школе их пытаются направить: «Выберите, пожалуйста, направление, где будете учиться: на лингвистическом или на физмате». Их уже сейчас просят сделать выбор.

Спокойненько выбирайте то, что нравится сейчас. Нравится человеку русский язык — пусть идет на лингвистику, а не нравится — тогда на математику. Школа может по-разному влиять на нас — и не всегда положительно. Школа говорит: «Ты должен решить, кем будешь», а человек говорит: «Я уже есть. Я буду искать. И если влюблюсь в какую-то профессию, то попробую себя в ней. Если мне не понравится, то через месяц позволю себе попробовать другую». Когда же он все это пробовать будет, если не в тринадцать-шестнадцать лет? И в этом смысле шансы вашего мальчика вырасти человеком, который может позволить себе менять направление, велики. И это здорово! В противном случае он протопчет дорожку: «Я учу математику, потом пойду в инженерно-экономический, потому что этого хочет мама». Дорожка протоптана, и сделать с этим ничего нельзя, понимаете? С ним надо говорить об этом и о том, что он счастлив, что вы принимаете его таким, какой он есть, и здорово, что у него столько возможностей. Об этом, кстати, хорошо бы говорить со всеми детьми.

С нами Андрей из Ростова-на-Дону. Здравствуйте!

Здравствуйте! Моей дочери шестнадцать лет, она достаточно активная, легко находит общий язык со всеми, она лидер по натуре. Мы с ней очень много разговариваем на тему ее будущего. В прошлом году мы проходили много разных курсов по

профориентации (и платных, и бесплатных) и в результате определили, куда она хочет идти. Она действительно хочет именно туда. И по окончании девятого класса я ее спросил: «Татьяна, ты понимаешь, что тебе нужна профильная математика?» — «Да». — «Понимаешь, что в этой школе ее не будет?» — «Да». — «Тогда что мы будем делать?» — «Нужно искать школу». Она сама нашла школу. Мы перевели ее в платную — на ее направлении учатся всего три человека, то есть на некоторых уроках они втроем. При этом если ей чего-то действительно сильно хочется, она ни перед чем не остановится, замучает всех, но добьется того, что ей нужно. Дочь планирует поступать в Высшую школу экономики. Она понимает, что ей необходима профильная математика и нужно дополнительно самой заниматься, но сейчас у нее такое состояние, что она ничего не хочет, говорит: «У меня постоянно что-то болит». Еще ей какой-то мальчик понравился, причем на пять лет старше…

Ой, ужас какой! Шучу.

Вчера мы с ней долго разговаривали. Я говорю: «Татьяна, пока ты сама чего-то сильно не захочешь, ничего не получится». Каким образом помочь ей найти мотивацию, как-то повысить ее?

Для начала, Андрей, это не мое дело, но тем не менее я бы на вашем месте перестал называть ее Татьяной. Извините меня. Я объясню. Ну, она же Танечка, Танюша, Танюсенька.

Мы ее зовем Танюня.

Вы простите меня, ради бога, я не мог на это не отреагировать. Просто я так часто слышу, когда человеку четырех лет, Колюшке, Коленьке говорят «Николай!» таким голосом, что сразу хочется вдавить голову в плечи. Знаете, мы же в этот момент переводим наши отношения в разряд статусных. И это из нас лезет (когда я говорю «из нас», то не лукавлю: и из меня лезет, и из вас лезет, из наших родителей лезло).

> А от всего ли надо получать результат? Можем ли мы получить результат в середине? Бросить — является ли это результатом? Предположим, ребенок в четыре года говорит: «Мама, я хочу пойти на рисование». Прекрасная мама ведет его на рисование, а в следующий раз или через пару недель он говорит: «Мам, теперь я хочу петь, а на рисование не хочу». Что в этот момент происходит? Естественный порыв большинства родителей (да и мой тоже, поверьте мне) — сказать что-то типа: «Ну как же так, ведь если ты бросишь рисование,

ты никогда не научишься доводить дело до конца» или «Знаешь что, мы за рисование заплатили, это было твое решение, вот будешь теперь рисовать всю жизнь!» Но если мы с вами остановимся и подумаем, то поймем, что таким образом учим его чему-то другому. Мы учим его подчиняться воле сильного, то есть нам с вами, и махнуть рукой на собственные желания. Что же делать? Пускай идет на пение! Это же чудесно. Наша родительская роль заключается в том, чтобы помочь ему понять, почему он совершает такой выбор. Что не так в кружке по рисованию? Он просто сболтнул, увидев, как кто-то рисует, а его к этому не тянуло — это одно. Учительница, которая его обижает, — это другое. Неумение преподавателя сделать так, чтобы у него получалось, чтобы он достигал каких-то результатов, — это третье. А если он вдруг спел в душе и понял, что хочет этого больше всего на свете, даже в ущерб рисованию, — это четвертое. В этот момент, друзья, человек учится выбирать. Не бросать, а выбирать. Как мы учились есть ложкой? Мы смотрели на других и повторяли. Как научиться выбирать? Ответ очевиден — делать выбор. И наша задача — не махнуть на ребенка рукой и не потакать всем его прихотям. А быть рядом с ним, поддерживать его, помогать ему, объяснять, как делать выбор и как устроена жизнь. В этом заключается наша роль.

Теперь вынужден вас огорчить. Потому что, вообще-то, вы перечисляете признаки, по которым математика ее не очень интересует. Или она не знает толком, что ее интересует. Вся история про профориентацию — это история общественно-понятная, правда же? На самом деле государству или обществу очень удобно, если в четырнадцать-пятнадцать лет человек знает, кем будет. Но если мы с вами подумаем (сейчас я вас чуть-чуть запутаю), то отчасти нормально, если подросток не знает, кем хочет стать. И когда он говорит: «Хочу попробовать это и это» — звучит немножко страшно, это правда. Не произошло ли в вашей семье случайно следующее: когда она сказала, что хочет быть экономистом, хочет в Высшую школу экономики, это не было окончательным решением? Имеет ли она на это право? Конечно. Ей же было четырнадцать лет. Этот возраст как раз и характеризуется тем, что в пятнадцать она может захотеть стать актрисой, в шестнадцать — космонавтом, в семнадцать, как и в семь лет, — продавцом мороженого. Лучшее, что вы можете для

нее сделать, — отступить, выдохнуть и поболтать с ней на эту тему. Если ее судьба быть экономистом, то она все равно придет к этому и поступит в Высшую школу экономики. Но история, которую вы описываете, звучит так, будто она немного устала от напряжения, от ответственности, которая непонятно откуда на нее свалилась. Понимаете, о чем я, Андрей?

Да.

Человек не обязан в пятнадцать-шестнадцать лет раз и навсегда выбрать свою дорожку. И если у вашей девочки в шестнадцать лет еще есть возможность поимпровизировать, то, может, пусть поимпровизирует?

Да, но я-то ее не заставляю и не подталкиваю. Она не экономист по натуре.

Не заставляете, но при этом говорите: «Татьяна, что мы будем с этим делать?»

Нет. Татьяна у нас будущий директор. Просто у нее сейчас состояние такое. На фоне всего этого она иногда хамит маме, потом извиняется.

Это еще одна тема, более сложная, но я рискну предположить, что первое может быть связано со вторым. Возможно, такое напряжение она испытывает из-за свалившейся на нее ответственности. На маму, безусловно, срываться нельзя. Вы уже слышали мою позицию. Я считаю, что близкие люди не должны хамить друг другу. Я ее не оправдываю и никого не оправдываю в этой ситуации, но я понимаю, что это может быть связано с огромным внутренним напряжением. Поэтому сядьте и поболтайте: «Танюня, я чувствую, что тебе тяжело. Может, я чем-то могу тебе помочь?» Вот так, в таком тоне. Желаю вам настоящей-пренастоящей удачи!

notes

Примечания

1

Песня из кинофильма «Приключения Буратино». Автор слов Юрий Энтин.

2

Грамматика английского языка.

3

Из стихотворения Сергея Михалкова «Бараны».

4

Отрывок из песни «Козлы» группы «Аквариум». Автор слов Б. Б. Гребенщиков.

5

Песня из фильма «Розыгрыш» 1976 года. Автор слов А. Дидуров.

6

Тройки НКВД СССР — органы административной (внесудебной) репрессии при республиканских, краевых и областных управлениях НКВД СССР. Действовали в СССР с августа 1937 по ноябрь 1938 года. Состояли из трех человек — начальника, секретаря и прокурора, чем и обусловлено их название.